

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2010

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2010

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Бийский педагогический государственный университет имени
В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Н.В. Панченко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

М.Ю. Сидорова. К вопросу о «научной традиции» и «традиционной науке»: термины и оценки	7
Е.Б. Трофимова. Проблемное поле в лингвистических исследованиях	27
Л.О. Бутакова. Коммуникативная специфика рекламного дискурса компании как проявление регулятивной природы коммуникации (на примере компании «Columbia» в России)	35
О.А. Кузина. Семантический гештальт как способ выявления этнокультурной специфики языкового сознания (на примере семантического гештальта микрополя «бюро путешествий»)	46
В.А. Ларин. Стилистические приемы воздействия на аудиторию на страницах городских сайтов Западной Сибири	55
Е.Е. Анисимова. Жуковский и Бунин : эволюция образа зеркала в русской литературе XIX–начала XX веков	66
А.А. Мансков. Дефекты зрения в художественном мире С.Д. Кржижановского	79
Л.В. Егорова. «Ареопаг». Метрические эксперименты.	89
М.С. Черепенникова. К 260 -летию юбилею со дня рождения И.-В. Гете (1749–1832). Роль Гете во всемирной литературе	99

Научные сообщения

Т.А. Талапова. Опыт экспериментального исследования содержания концепта «ВЕРА» в русском языковом сознании	105
Д.М. Киреева. Реализация концепта «ЛИЦО» через метафору и метонимию	113
Э.В. Малыгина. Кризисная коммуникация в художественном тексте : лингвоэвокационное исследование (на материале рассказов В.М. Шукшина)	120

И.А. Бабаскина. Английский перфект как основание категориального описания гипертекста.....	128
Р.П. Абдина. Термины, обозначающие традиционное платье и его элементы в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком.....	136
Г.Р. Сабирзянова. Татарский рассказ начала XX века	145
Е.А. Худенко. Формирование концепции «творческого поведения» в прозе М.М. Пришвина.....	150
М.В. Хорькова. Своеобразие сказок Бориса Шергина.....	157
Н.Н. Поддубная. Приемы создания комического эффекта в коротком юмористическом рассказе (на примере немецкого шванка).....	163
М.В. Шпилова. Профессиональная мораль, нравственность и этика главного редактора (Н.А. Бердяев во главе философско-религиозного журнал «Путь»).....	169
Филология и человек в изменяющемся мире : материалы Интернет-конференции	176

Филология : люди, факты, события

Т.Л. Рыбальченко. Обращаю внимание... Шукшин В.М. Собрание сочинений в восьми томах (Издательский Дом «Барнаул», 2009).....	182
П.С. Глушаков. Новое Собрание сочинений Василия Шукшина.....	185
Отзывы читателей муниципальных библиотек Алтайского края о собрании сочинений В.М. Шукшина в 8 томах, изданном к юбилею писателя.....	189
Л.Г. Панин. Лидия Петровна Жуковская	192
Л.И. Шелепова. Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009).....	197
С.А. Добричев. Международная конференция «Язык, культура, аспекты речевого общения», посвященная 85-летию доктора филологических наук профессора М.Я. Блоха (Москва, 19–20 ноября 2009)	199
Резюме.....	201
Наши авторы	208

CONTENTS

Articles

M.Yu. Sidorova. On «Scientific Tradition» and «Traditional Science» : Terms and Valuation.....	7
E.B. Trofimova. Problem Field in Linguistic Research.....	27
L.O. Butakova. Communicative Specificity of Advertising Discourse of Company as Regulating Display of Communication (on Company «Columbia» Example in Russia).....	35
O.A. Kuzina. Semantic Gestalt as a Way to Identify the Ephno-Cultural Specificity of Linguistic Recognition (Semantic Gestalt of Microfield «Travel Agency»).....	46
V.A. Larin. Stylistic Devices used to Influence the Web-Audience at West-Siberian City-Sites.....	55
E.E. Anisimova. Zhukovsky and Bunin : Evolution of Image of Mirror in XIX–XX th Centuries Russian Literature	66
A.A. Manskov. Eyesight Problems in Artistic World of S.D. Krzhizhanovsky.....	79
L.V. Yegorova. «Areopagus». Metrical Experiments.....	89
M.S. Cherepennikova. On 260 th Anniversary of I.W. Goethe (1749–1832). Goethe’s Role in World Literature	99

Scientific reports

T.A. Talapova. Experimental Research of Concept «BELIEF» in the Russian Language World Picture	105
D.M. Kireeva. Metaphorical and Metonymic Realization of the Concept «FASE».....	113
E.V. Malygina. Crisis Intercharacter Communication in Fiction : Basics of Linguoevocational Research (in V.M. Shukshin’s stories).	120
I.A. Babaskina. The English Perfect as the Basis of Hypertext Categorized Description	128
R.P. Abdina. Terms Denoting Traditional Clothing and its Elements in the Dialects of the Khakass Language in Comparison with the Altay Language	136
G.R. Sabirzyanova. Tatar Tale of the 20th Century.....	145

E.A. Hudenko. The Formation of the Conception «Creative Behavior» in the Prose of M.M. Prishvin.....	150
M.V. Khorkova. On the Specifics of Tales by B. Shergin	157
N.N. Poddubnaya. Devices of Comic Effects Creation in a Short Humorous Story (German Shwank).....	163
M.V. Shipilova. Professional Moral and Ethics of Main Editor (N.A. Berdyaev as Header of Philosophical – Religious Magazine «Put»).....	169
Philology and Person in Changing World :	
Internet Conference Material	176

Philology: people, facts, events

T.L. Rybalchenko. Pay Attention... (Shukshin V.M. Works in eight volumes. Publishing House «Barnaul», 2009)	182
P.S. Glushakov. New Works by Vasiliy Shukshin	185
Reports of municipal libraries readers of Altay Region on works by V.M. Shukshin in 8 volumes published to the auther anniversary	189
L.G. Panin. Lidiya Petrovna Zhukovskaya.....	192
L.I. Shelepova. International Scientific Conference «Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology». (Ekaterinburg, September, 8–12, 2009).....	197
S.A. Dobrichev. International Conference «Language, Culture, Speech Aspects» devoted to 85 th anniversary of Professor M.Ya. Blokh (Moscow, November, 19–20, 2009)	198
Summary	201
Our authors	208

СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О «НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ» И «ТРАДИЦИОННОЙ НАУКЕ» : ТЕРМИНЫ И ОЦЕНКИ

М.Ю. Сидорова

Ключевые слова: научная традиция, традиционный, научный текст, употребление слова.

Keywords: scientific tradition, traditional, scientific text, word usage.

Храм науки – строение много-
сложное. Различны пребываю-
щие в нем люди и приведшие
их туда духовные силы.

Альберт Эйнштейн

Стимулом к написанию данной статьи послужило желание выяснить, что скрывается за употреблением слов *традиция* и *традиционный* в современной лингвистике и шире – в современной науке в целом.

Уже при первичном рассмотрении обнаруживается, что слово *традиция* используется в лингвистике XX – начала XXI века по крайней мере в трех значениях. Первое употребление, терминологическое, представлено, например, в книге В.М. Алпатова «История лингвистических учений» [Алпатов, 1999], где под лингвистическими традициями понимаются «способы представления знаний о языке, сформировавшиеся в пределах тех или иных цивилизаций» и представляющие собой первый этап развития науки о языке¹. Таким образом, примене-

---

¹ «На этом этапе еще не существовало единой мировой науки, и изучение языков происходило изолированно в рамках отдельных цивилизаций (что, однако, отнюдь не исклю-

ние термина «лингвистическая традиция» в данном значении имеет определенные исторические рамки.

Во втором употреблении слово *традиция* синонимично слову *наука* и используется, когда автор хочет сфокусировать внимание на какой-либо национальной науке и рассматривает ее в историческом развитии. При данном употреблении не подразумевается единства взглядов, подходов и т.п., а описывается все разнообразие точек зрения по какому-либо поводу, существовавших в национальной науке на протяжении всего ее развития или определенного периода. Так, в статье В.В. Виноградова «Об омонимии в русской лексикографической традиции» речь идет именно о том, насколько по-разному решаются вопросы омонимии в толковых словарях русского литературного языка [Виноградов, 1977]: выделяются три тенденции, в пределах которых также не прослеживается единообразия подходов. В.В. Виноградов не противопоставляет здесь традицию современности, традиционное – новаторскому, а рассматривает все, что было сделано в русской лексикографии, начиная с академического «Словаря русского и церковнославянского языка» 1847 года и кончая Ушаковым и Ожеговым, в едином русле.

Третье употребление слова *традиция*, оценочно-характеризирующее, фигурирует в основном в открытой и скрытой научной полемике и служит обычно либо для противопоставления **хорошей** (авторитетной, проверенной и т.п.) **традиции** и **плохой** (непроверенной, непривычной и т.п.) новой теории (подходу, концепции, интерпретации), либо, напротив, для обоснования движения науки вперед как отказа от **плохой** (устаревшей, ограниченной и т.п.) **традиционной** точки зрения в пользу **хорошего** (более адекватного, широкого, глубокого, современного и т.п.) объяснения языковых фактов. Именно в этом употреблении, в отличие от двух названных выше, слово *традиция* имеет соотносительную пару прилагательных *традиционный* – *нетрадиционный*, причем эта пара вступает в следующие соотношения с другими атрибутами.

чало возможных влияний одних традиций на другие), причем в большинстве случаев такое изучение было непосредственно обусловлено решением тех или иных практических задач и не отделялось от них <...> В 18 в. сложилась идея об историческом развитии языков, которая в начале 19 в. привела к формированию первого строгого лингвистического метода – сравнительно-исторического. С этого времени европейская национальная лингвистическая традиция окончательно превращается в науку о языке». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru>.

Во-первых, рядом с этими прилагательными или вместо одного из них может выступать терминологическое определение: *традиционная формальная грамматика, традиционная и формальная грамматика, традиционная и структуральная грамматика, традиционная и порождающая грамматика, традиционный и коммуникативный синтаксис* и т.п.¹.

Во-вторых, вместо прилагательного *нетрадиционный* в качестве второго члена пары чаще функционируют атрибуты *современный* (Многие *современные* теории грамматики используют более строгие понятия, чем те, которые лежат в основе *традиционных* неформальных описаний [Тестелец, 2001]²) или *новый* (новейший): Попытки составить учебники *новой* грамматики в согласии с принципами марксизма предпринимались неоднократно в течение последних лет, когда оставлена была *формальная грамматика*, одно время господствовавшая в программах нашей школы (из статьи Л.В. Щербы «Новая грамматика» [Щерба, 1974]); В нашем изложении под *традиционной* грамматикой будет пониматься теория грамматики от древнейших времен до наших дней, сохраняющая преемственность в своем развитии. В ней может быть установлено, таким образом, множество этапов и направлений. Противопоставляется же *традиционная грамматика* тем *новейшим* направлениям в грамматической теории, которые отказываются от всякой преемственной связи с более ранней грамматической теорией и начинают исследование грамматического строя как бы на пустом месте на основе своей методики, которую они считают единственно научной [Адмони, 2004].

В-третьих, редко и хронологически ограничено, но в лингвистических работах встречается прилагательное *традиционалистский*: Иллюстрировать эту специфику *традиционалистских* теорий грамматики мог бы любой теоретический спор, протекавший в рамках *традиционной* грамматики. Так, можно было бы показать, что спор о том, «грамматизовано» или «неграмматизовано» то или иное соче-

¹ Что касается грамматической науки, то на разных этапах ее существования традиционная грамматика противопоставлялась по крайней мере структуральной (М.И. Стеблин-Каменский), формальной (Н.И. Дурново), порождающей, или трансформационной, (Н. Хомский, П. Стросон), коммуникативной и функциональной. Ср. также противопоставление традиционного синтаксиса, заканчивающегося, по мнению автора, на Грамматике-54, и «синтаксиса 50–60-х годов» в [Акимова, 1983].

² Здесь и далее ссылки на источники примеров в библиографии в конце статьи даются только для лингвистической литературы. Для примеров из текстов других наук источник указывается, только если его название помогает прояснить особенности употребления слов *традиция* и *традиционный* в нем.

тание слов, сводится к вопросу о том, какое из уже известных явлений называть «грамматизованностью», спор о том, каково «категориальное значение» той или иной формы, сводится к вопросу о том, какое из ее уже известных значений называть «категориальным» и т.д. и т.п. [Стеблин-Каменский, 1974].

В-четвертых, рядом с прилагательным *традиционный* можно увидеть в работах по лингвистике атрибуты *классической* и *реакционный* (употребление второго из них ограничено хронологически): *Принципы выделения частей речи в традиционной классической научной грамматике 1-ой половины XX века и в американской дескриптивной грамматике* [Поспелова, URL]; <...> *Благодаря отказу от решения ряда существенных вопросов, встающих в связи с историей любого языка, исследователи, преподаватели и, наконец, учащаяся молодежь нередко могут оказаться и оказываются в плену традиционных установок, основанных на реакционной концепции праязыка* [Десницкая, 1949].

Наконец, в рассматриваемом значении прилагательное *традиционный* образует формы сравнительной степени (*более, менее традиционный*) и сочетается с наречиями степени типа *весьма, вполне*.

Вопрос состоит в том, можно ли сделать нетерминологическое употребление термина *традиция* менее нагруженным субъективно-оценочными смыслами, более содержательным и обоснованным с точки зрения современного науковедения и реалий конкретной отрасли знания, например, русской грамматики.

Для ответа на этот вопрос нами сделано следующее:

а) на обширном корпусе примеров было рассмотрено употребление слов *традиция* и *традиционный* в лингвистических текстах XX–XXI века, причем к анализу привлекался материал разного научного уровня: труды известных языковедов, диссертационные исследования, а также тексты студенческих рефератов, курсовых, демонстрирующие рецепцию научного словоупотребления авторами, только находящимися на пути к научной лингвистике;

б) был проведен анализ использования слов *традиция* и *традиционный* по отношению к различным гуманитарным и естественным наукам (то есть изучено функционирование словосочетаний типа *традиционная химия, философская традиция* и под.) в современных текстах как посвященных исследованию конкретных научных проблем, так и отражающих самопознание науки или философских;

в) были систематизированы взгляды на научную традицию в современном науковедении, после чего эти взгляды были спроецированы на историю развития русской грамматической мысли;

г) понятие «научная традиция» было соотнесено с другими понятиями, используемыми в науковедении для интерпретации истории науки, такими как «горизонт ретроспекции», «нормальная наука», «научная революция»;

д) было рассмотрено общезыковое употребление слова *традиция* (по словарям и текстам) и соотнесено с его специальным употреблением;

е) начато изучение русских лингвистических текстов XIX – начала XX века с целью определить, в какой момент их авторы стали использовать слова *традиция* и *традиционный* для выражения своего отношения к тем или иным лингвистическим взглядам, терминам и т.п. Этот момент нам пока локализовать не удалось, поскольку ни Н.К. Грунский в своих «Очерках по истории разработки синтаксиса славянских языков» [Грунский, 1910], ни А.Д. Вейсман в «Истории русской грамматической терминологии» [Вейсман, 1899], ни Ф.И. Буслаев в книге «О преподавании отечественного языка» (1867) [Буслаев, 1867] не пользуются характеристиками *традиция* и *традиционный*, хотя, казалось бы, исходя из тематики этих трудов, данные слова должны встречаться на их страницах. Тем не менее Грунский говорит о *предшественниках* и *последователях*, но не о *традиции*. Вейсман использует слово *традиция*, но исключительно в сочетании *греко-латинская традиция*. Когда слова *традиция* и *традиционный* начинают активно эксплуатироваться в научном обиходе, мы пока точно сказать не можем (во всяком случае в работе В.В. Виноградова «Из истории изучения русского синтаксиса» [Виноградов, 1958] мы их находим.

Итак, слово «**традиция**» генетически восходит к лат. *traditio*, то есть к глаголу *tradere*, означающему «передать». Соответственно это слово определяют и толковые словари:

«**ТРАДИЦИЯ**, и, ж. [латин. *traditio*, букв. передача]. **1.** То, что переходит или перешло от одного поколения к другому путем предания, устной или литературной передачи (напр. идеи, знания, взгляды, образ действий, вкусы и т.д.). *Традиции реализма в русской литературе. Пересмотр старой традиции* (то есть установившегося мнения в области какой-н. науки). *Революционные традиции русского пролетариата. Боевые традиции Красной армии. Молодежь должна усвоить революционные традиции большевизма.* **2.** Обычай, укоренившийся порядок в чем-н. (в поведении, быту и т. д.). *Т. встречи Нового года.*

Борьба с отжившей традицией. Новая т. По установившейся традиции председатель открыл собрание вступительным словом. Сделать что-н. по традиции» (Толковый словарь Д.С. Ушакова). Обратим внимание на то, что в ушаковском определении отмечены две стороны понятия традиция – динамическая и статическая: с одной стороны, традиция – это то, что **переходит** путем **передачи** (два предиката движения в дефиниции!), с другой – это нечто *установившееся, укоренившееся* (два перфективно-статических предиката). Данное определение, действительно, констатирует диалектический характер любой традиции, обеспечивающей одновременно движение вперед и стабильность. Подчеркнем и еще одну его особенность – в качестве объекта передачи, то есть содержания традиции, выступают идеи, знания, взгляды, образ действий, вкусы, обычаи, порядки, то есть ментальные факты или положения дел во внешнем мире, а не предметы¹. Даже когда прилагательное *традиционный* определяет предметное имя, оно обычно вводит данное предметное имя в ситуацию, придает ему признаковое значение, заставляет нас видеть за предметом отношение к нему, осознание его роли в культуре: *Традиционная одежда складывается на протяжении всей многовековой истории народа и передается из поколения в поколение, обеспечивая, таким образом, преемственность этнокультурной информации*. В данном предложении, конечно, глаголы употреблены в том же значении, что в предложении *Этот обряд складывается... и передается...*, а не в предложении *После карнавала костюмы складываются и передаются завхозу*.

Существуют также определения *научной традиции* и разнообразные исследования этого феномена. Функции традиций в науке принято видеть не только в фиксации и передаче опыта и образцов научной деятельности, но и в организации intersubъектных отношений и в конституировании самой науки как коллективного предприятия. В совместной деятельности людей в пределах одной традиции происходит не только приобщение ученого к господствующим в этой традиции образцам деятельности, но и формирование его личности посредством «впитывания», усвоения опыта, сосредоточенного, накопленного в традиции. Так ученый включается в научное сообщество, становится полноправным его членом. Традиции выступают как система передачи старого и база для формирования нового. Следование многих ученых

---

¹ Ср. также в словаре С.И. Ожегова: «Традиция – то, что переходит или перешло от одного поколения к другому путем преданья, устной или литературной передачи (напр., идеи, знания, взгляды, образ действий, вкусы)».

стереотипам, алгоритмам одной и той же деятельности, формирование у них единых ценностей, единых ориентаций создает их единство, которое может организационно оформляться и / или группироваться вокруг научного лидера (учителя) [Грознева, 2003, с. 39–40]. Именно поэтому традиция может конституировать научную школу и научное направление.

Что касается употребления слов *традиция* и *традиционный* в текстах конкретных наук, то оно может отстоять довольно далеко как от словарного значения этих слов, так и от их понимания в философии науки и в науковедении в целом.

Систематизировать употребление слов *традиция* и *традиционный* как средств самооценки, самохарактеристики конкретной отрасли науки можно опираясь на категории субъекта, времени (или точки отсчета) и объекта. Примеры функционирования этих лексем демонстрируют сложность и противоречивость понятия научной традиции, в то же время – его высокую значимость для субъектов науки (авторов научных текстов), и наконец, разную степень семантической наполненности (знаменательности / неполнознаменательности) этих слов. Выделяются следующие типы употребления.

1) Первый случай – когда *традиции* и *новаторство*, *традиции* и *перспективы*, *традиции* и *современность* обнаруживаются в одном объекте и задача видится в том, чтобы проанализировать соотношение в нем старых и новых свойств. Этим объектом может быть предмет изучения (*традиции* и *новаторство* в лирике Бродского, *традиции* и *новаторство* в храмовой архитектуре и т.п.) и сама наука (см. такие заголовки научных публикаций, как «*Традиции и новаторство в изучении историками проблем средневекового государства и права*»; «*Традиции и новаторство в осмыслении тенденций развития массовой коммуникации*» или названия конференций типа «*Казанская лингвистическая школа : традиции и современность*»). Все эти сочетания подчеркивают идею преемственности и лишены негативной окраски одного из компонентов. При их использовании речь может идти:

а) о сочетании традиционных и новых элементов в одном объекте на синхронном срезе, причем точка отсчета либо совпадает с авторским настоящим (как в приведенных примерах заголовков работ, где авторы характеризуют современное состояние изучения проблем), либо устанавливается в прошлом науки (например, *традиции и новаторство в изучении историками первой половины XX века проблем средневекового государства и права*);

б) о диалектике традиции и новаторства как принципа развития науки в целом, не прикрепленного к какому-либо временному срезу: так, в статье В.П. Култыгина «Специфика социологического знания: преемственность, **традиции и новаторство**» (журнал «Социс», 2000, №8, с. 3–11) рассматривается преемственность как принцип функционирования социологической науки со времени ее формирования до наших дней.

2) Употребление слов *традиция*, *традиционный* в научном тексте может быть вызвано желанием автора текста сопоставить или противопоставить традицию и не-традицию «внутри» науки. Этот тип употребления возникает вследствие желания говорящего выполнить одну из следующих задач.

2.1. Рассмотрение индивидуального субъекта науки (конкретного ученого) по отношению к традиции. Индивидуальный субъект науки может выступать как

а) создатель, основатель научной традиции: *М.В. Ломоносов и традиции русской стилистики; Основное положение, которое он [К.М. Бэр] развивал в своих работах, состоит в том, что различия, как в физическом типе, так и в культуре народов обусловлены особенностями географической среды, влиянием климата и рельефа местности (традиция Ж.Б. Ламарка); Традиции Менделеева сохранились и развились в рядах его научных преемников — современных советских физиков и химиков;*

б) носитель, продолжатель научной традиции: *Традиции предшественников продолжил и развил Д.И. Менделеев, возглавивший Депо образцовых мер и весов в 1892 г.; Традиции Менделеева сохранились и развились в рядах его научных преемников — современных советских физиков и химиков; Павлов исследовал психические явления в связи с физиологией нервной системы, продолжая традицию Сеченова;*

в) разрушитель, нарушитель традиции: *В Петербургской школе В.М. Бехтерев выступал в роли генератора нетрадиционных идей, инициатора ломки существовавших в то время традиций психологического познания; Разрывая оковы тысячелетних традиций, Лобачевский приходит к созданию новой геометрии.*

Значительно реже встречается позиция модификатора научной традиции. Во-первых, потому, что она недостаточно значима: ценностью в глазах научного сообщества является либо приверженность хорошей традиции, либо разрушение плохой. Во-вторых, невозможно количественно измерить и точно определить границу между **развитием** традиции, **модификацией** традиции и **разрушением** традиции. Ка-

кое количество и качество изменений должно быть внесено, чтобы традиция перестала быть равной самой себе? Приведем параллель с известным парадоксом о корабле Тесея, который, лежа на берегу, ветшает и доски на нем одна за другой заменяются новыми. В какой момент можно будет сказать, что прежний корабль перестал существовать? Аналогично можно задать вопрос: является ли отказ от системы членов предложения в Академической грамматике развитием, модификацией или разрушением традиции? А ученый, который открыл и начал изучать доселе неизвестных науке сумчатых в Австралии? Был ли он продолжателем традиции, поскольку он отвечал на те же вопросы, которые интересовали всех исследователей видов (чем питается? как размножается? и т.п.), или ее модификатором, или нарушителем, так как ввел в сферу изучения науки новый объект, неизвестный ей и не предсказанный ею ранее)?

Характеристика научного субъекта по его отношению к традиции может даваться не только от третьего лица (автор текста не равен оцениваемому субъекту), как в приведенных примерах, но и от первого: *Как вы понимаете термин «предикативность»? – Я понимаю его вполне традиционно* (субъект второй реплики равен оцениваемому субъекту). Обратим внимание на то, что подобная характеристика является одновременно оценкой границ (содержания) традиции. Говорящий сообщает не только о своем понимании термина, но и о том, что он считает это понимание входящим в традицию.

Итак, автор научного текста может определять свое место и место других субъектов науки по отношению к традиции, характеризуя как свои высказывания, так и высказывания других авторов как традиционные / нетрадиционные.

2.2. Рассмотрение некоторого компонента науки (термина, метода, объекта и т.п.) по отношению к традиции: *Термины «грамматика», «словообразование», «морфология», «синтаксис», «фонетика», «фонология», «морфонология», «акцентология» традиционно употребляются в двух значениях: для обозначения соответствующей системы внутри языка и для обозначения науки об этой системе. Эта двузначность терминов сохраняется и в «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1980]; Отвергая традиционное понимание «гражданства» как исключительно политической категории, он указывал, что успешное осуществление гражданином своих политических прав и обязанностей зависит от степени его участия в общественной жизни.*

Что может быть объектом традиции, то есть объектом интересующей диахронной трансляции (передачи от одного научного субъекта к другим в истории науки)?

а. Термин: **Традиционный** термин «части речи» – буквальный перевод лат. *partes orationis* и греч. *ta mure tu logu* (так же и в других языках: фр. *parties du discours*, нем. *Redeteile*, англ. *parts of speech*) [Маслов, 1987];

б. отдельное научное высказывание (взгляд) или система высказываний, причем характерна экстраполяция традиционности отдельных компонентов системы взглядов на всю эту систему;

в. структура знания: *Как следствие занятой позиции, он не признает традиционное деление грамматики на морфологию и синтаксис, в чем проигрывает «Esbozo». Соответствующий традиционной морфологии 1-ый раздел его грамматики назван «Unidades en el enunciado: forma y función» - «Единицы в высказывании: форма и функция», а 2-ой раздел «Estructura del enunciado: oraciones y frases» - «Структура высказывания: предложения и фразы» [Майнова 2006];*

г. объекты и направления исследования: *Эти направления исследований являются традиционными, составляющими основную часть проблемы "Генезиса и плодородия почв", по которой велись исследования на кафедре почвоведения с самого ее основания; Традиционная геология, по сути дела, сформировала целый ряд идеально-феноменальных "объектов", на которые сегодня по преимуществу ориентируются ученые и практики в добывающих отраслях. Традиционная география претендует на то, чтобы стать ведущей дисциплиной в комплексе наук о Земле. Однако эти "объекты" традиционной актуалистской, исторической или естественнонаучной геологии и экономической географии не могут, с нашей точки зрения, стать объектами исследований, ориентированных на задачи управления экологической ситуацией;*

д. метод: **Традиционные** методы построения геологических разрезов; *Пока нет возможности использовать весь арсенал традиционных геофизических методов для глобального изучения глубинного строения планет.*

Для этого типа употреблений (2.2) характерен фразеологизм *традиционное понимание* (в традиционном понимании), который может обозначать как общепринятое, однозначное понимание термина и т.п., так и совокупность разных пониманий в пределах одной научной парадигмы (см. далее). Интересно, что в тех случаях, когда автор научного текста полемически отталкивается от традиции, слово *традиционный*

употребляется как контекстный эквивалент *так называемый* и / или стоит в одном ряду с ним: *Частицы эти удобнее всего назвать от-носительными словами. Сюда подойдет и то, что **традиционно называют** союзами подчинительными (пока, когда, как, если, лишь только и т. п.) – но сюда подойдут и **так называемые** «относительные местоимения и наречия» (который, какой, где, куда, зачем и т.д.). Говорю «так называемые», потому что зачастую действительно нет причин видеть, например, в относительном который знаменательное слово, так как оно имеет лишь формы знаменательных слов, но не их значение [Щерба, 1974].*

2.3. Понимание традиции как системы взглядов, господствовавшей определенный период времени или в определенный момент времени. В этом случае отказ от традиции подразумевает замену всей системы взглядов на новую. Новая и старая системы могут мыслиться как взаимоисключающие или способные к параллельному существованию: *Свою **новую психологию** В.М. Бехтерев строит, основываясь на критике недостатков **традиционной**, интроспективной. Он вновь показывает ограниченность метода самонаблюдения, очерчивающего лишь область открывающихся субъекту изнутри переживаний, не исчерпывающих психического. Ученый опирается на выдвинутое им ранее положение о двух формах существования психики: субъективных переживаний и объективных проявлений. **Традиционной психологии** доступна лишь первая из них, поэтому следует дополнить ее новой системой взглядов. В.М. Бехтерев убежден, что **новую, объективную психологию** можно построить как автономную, независимую от традиционных воззрений на психическое, теоретическую систему; отсюда – введение запрета на употребление психологических терминов и метода самонаблюдения, но лишь в **новой системе**, а не вообще.*

«Период» или «момент времени» понимаются при этом довольно расплывчато. Нередко встречается использование слова *традиция* в значении ‘преобладающее на данном синхронном или произвольно ограниченном временном срезе мнение в науке’, от которого отличаются или с которым совпадают взгляды обсуждаемого ученого (ученых):

В свою очередь проблему эфира Менделеев, следуя традиции своего времени, связывал как с природой гравитации (а следовательно и веса, в том числе, разумеется, и атомного веса), так и с пониманием природы сил химического сродства;

В связи с этим, например, в отечественной традиции (особенно советского периода) наметилось явное сужение объема понятия «фольклор». К нему стали относить в основном народное художественное творчество (отметим в связи с этим отход от исконно широкого значения английского термина Folk lore - народная мудрость) или даже ту его часть, которую иногда называют духовной художественной культурой: слово, музыку, танец, театр, - без декоративно-прикладного творчества, отнесенного к «материальной» культуре и получившего среди специалистов этого профиля название «народное искусство»;

*Господствовавшие при его жизни воззрения он считал расплывчатыми, преувеличивающими исторический и адаптивный подходы, а также недооценивающими имманентные законы формы и системы. ...В своих поисках Любищев выходил далеко за **традиционные рамки современной ему биологии**, широко пользуясь теми фактами, которые, как он говорил, "задвинуты" в запасники науки, проводил аналогии с другими дисциплинами, искал философские обоснования своих биологических идеалов (С.В. Мейен, Ю.В. Чайковский, «О работах А.А. Любищева по общим проблемам биологии», введение к книге А.А. Любищев, «Проблемы формы систематики эволюции организмов» М., 1982).*

Вообще, каждое слово в формулировке, приведенной нами в заголовке пункта 2.3., весьма уязвимо с точки зрения строгости использования. Под **традиционной** системой взглядов может пониматься: *принятая; не вызывающая сомнения; та, которую привык видеть читатель; повторявшаяся неоднократно* и т.п. – метаязыковые разъяснения к употреблению слов *традиция* и *традиционный*, если автор научного текста желает их дать, весьма разнятся. Также и **системность** здесь под большим вопросом, равно и как **общепринятость**. Одни компоненты научной теории оказываются гораздо большими «долгожителями», чем другие. Одни идеи разделяются разными школами и направлениями, другие – служат как раз демаркационными знаками между теми же школами и направлениями. Иногда под *традиционной* понимают просто точку зрения, высказанную раньше по времени: *Среди множества подходов...нам важно выделить две крайние позиции. Согласно одной из них - **весьма традиционной** - к культуре относят материальные и духовные ценности как результаты деятельности человека и человечества. Согласно другой, **более поздней по времени**, позиции в культуру включаются и способы деятельности, знания, то есть все формы деятельности человека как существа социального,*

противостоящего природе, а также результаты этой деятельности – вне зависимости от их ценностной компоненты.

Таким образом, поскольку понимание научного высказывания типа **Осознав себя как новое направление научной мысли**, функционализм посвятил достаточно много усилий **переосмыслению традиционных лингвистических понятий** подразумевает понимание того, что включается в **традиционные лингвистические понятия**, интерпретация данного положения у автора и читателей может быть весьма вариативной.

3) Третий тип употребления – это употребление слов *традиция* и *традиционный* по отношению к какой-либо науке или группе наук в целом.

3.1. **«Традиция» как способ членения истории науки** – противопоставления издавна сложившегося предмета и структуры науки новым дисциплинам, возникающим в ее пределах и на стыке наук: *У нас в стране гуманитарная география как целостное научное направление начала формироваться совсем недавно – с начала 1990-х годов прошлого века. Никаких институциональных форм не было. Традиционная география не очень приветствовала такое ответвление и до сих пор не очень приветствует; Недавно появились серьезные основания полагать, что биокомпьютеры - уже предмет не только академического любопытства. Они стали новым прикладным направлением, находящимся на пересечении традиционных дисциплин - биологии и науки о компьютерах. Результаты таких междисциплинарных изысканий вообще трудно привязывать к наукам-прародителям.* Подчеркнем, что в данном случае речь идет именно о новых дисциплинарных и междисциплинарных ответвлениях, новых областях исследования, которые ни в коем случае не претендуют на то, чтобы заменить собой традиционную географию, биологию и т.п. Структура научного поля исторически изменчива, и для новых дисциплин, сохраняющих в своем названии базовый термин дисциплины, от которой они отпочковываются, принципиально важно заявить о своем статусе не только называя себя *новыми*, но и характеризуя «материнскую» науку как *традиционную*¹. Можно сказать, что это стандартное видение своей

¹ Это же значение может возникать и у словосочетания *традиционное понимание*: «Юридическая ответственность в традиционном понимании: подходы, признаки, принципы, виды». В традиционном (ретроспективном) понимании рассматриваемая категория характеризует ответственность за прошлое, совершенное противоправное деяние. Общепринятого взгляда на такой аспект правовой ответственности и соответственно на ее понятие в научной литературе также не сложилось. Одни авторы под юриди-

истории для всех давно существующих наук: деление на традиционный и новый (современный, новейший) период.

Это употребление слова *традиция* так же, как и предыдущее, демонстрирует субъективность периодизации истории науки. Так, статья «Катарсис» в Википедии разделена автором на части *Катарсис в традиции*, *Катарсис у Аристотеля* и *Новейшие толкования*, причем новейшие толкования начинаются с эпохи Возрождения и кончаются З. Фрейдом. Такая произвольность хронологического деления на «традицию» и «новейшее» в квазинаучном Интернет-ресурсе весьма симптоматична.

3.2. Традиционная наука в противопоставлении современной на синхронном срезе. В основу этой оппозиции кладется либо объект (его границы), либо метод. Традиция в данном случае выступает как свойство «прототипической» (по Дж. Лакоффу) науки, известной нам под тем или иным названием, подразумевая возможность науки развиваться «вширь»: *Традиционно общая биология включает: учение о клетке, учение об индивидуальном развитии организмов, молекулярную биологию, генетику, эволюционное учение, биоэкологию, учение о биосфере и учение о человеке.* Биология может заняться и другими объектами, это будет уже не традиционная, но все равно биология. См. также противопоставление традиционной и современной химии в следующем фрагменте: *Традиционная химия изучает реакции, которые происходят на макроскопическом уровне (в лаборатории или в окружающем мире), и интерпретирует их на атомно-молекулярном уровне. Известно, например, что сера горит на воздухе голубым пламенем, давая резкий запах. Это - макроскопическое явление. Современная химия способна изучать химические реакции с участием отдельных молекул, обладающих строго определенной энергией. Пользуясь этим, можно управлять течением химических реакций, подавая энергию в определенные участки молекулы. Управление химическими процессами на молекулярном уровне - одна из основных особенностей современной химии.* В то же время традиционная химия противопоставляется алхимии. Возникает вопрос: сколько должно пройти времени прежде, чем

ческой ответственностью понимают обязанность отвечать (или дать отчет) за свои противоправные действия, другие — обязанность претерпевать определенные лишения, отрицательные последствия за противоправный поступок, третьи рассматривают ее как..., четвертые находят, что..., пятые связывают данное понятие с..., шестые — ... В приведенном примере *традиционное понимание* юридической ответственности не значит 'понимание общепринятое, однозначное', а подразумевает 'понимание юридической ответственности в пределах традиционной юридической науки'.

современная химия станет традиционной? Что для этого должно случиться? И как тогда будет называться традиционная химия?

Выделение традиционной и современной (нетрадиционной, новейшей) части характерно для всех естественных и гуманитарных наук, независимо от конкретной истории науки и от времени ее существования. Как ни молода компьютерная отрасль, в ней тоже уже сформировалась традиционная часть: *Существует некоторая путаница в терминологии: микроядрам противопоставляются «монолитные», но «монолитными» называют и однократно загружаемые ядра в противоположность «модульным», хотя и те, и те - «монолитны» в традиционном понимании. Здесь имеется в виду традиционное понимание термина («Компьютера» № 6, 15 февраля 2001 года). Ср. также противопоставление астрофизика – традиционная астрономия в одних текстах (а) и традиционная – современная (новейшая) астрофизика – в других (б):*

(а) *В круг интересов астрофизики входит изучение не только традиционных астрономических объектов - Солнца, Солнечной системы, звезд, их систем и т. д., но и явлений микромира (Предисловие к энциклопедии «Физика космоса», Прохоров А.М. и др., 1986). Издатели и редакторы знают: на каждого любителя традиционной астрономии или новой астрофизики найдется десяток (или сотня) людей, увлеченных астрологией либо готовых довериться ее предсказаниям в такой ситуации, где иные науки ничего не предсказывают (С.Г. Смирнов);*

(б) *Традиционная астрофизика, не признающая иных объяснений красного смещения, кроме эффекта Доплера, даст для них существенно большее действительному расчетное удаление...; Большая часть физической информации о Солнечной системе получена в ходе космических исследований. Применяемые в них методы и аппаратура сильно отличаются от традиционных астрофизических; Книга основана на курсе лекций по общей астрофизике, которые на протяжении многих лет читаются студентам физического факультета МГУ. Некоторые вопросы изложены в ней более глубоко по сравнению с традиционными общими курсами (аннотация к книге: А.В. Засов, К.А. Постнов «Общая астрофизика»); Они полагают, что типичные нейтрально могут согласовать экспериментальные данные лучше, чем многие другие традиционные астрофизические гипотезы, такие как блазары («Новости физики», сборник статей на сайте Новосибирского ГУ, выпуск N 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru>).*

Таким образом, противопоставление *традиционных* и *нетрадиционных* наук может быть: а) диахронным (этапы развития науки); б) синхронным (по полю знаний).

3.3. **Традиция как синоним слова «наука»**, как мы уже видели раньше, выступает тогда, когда нужно подчеркнуть национальную специфику и то, что автор рассматривает не синхронный срез, а историю науки: *В советской психологии и физиологии, как ни в одной из наук, которые обсуждаются в данной книге, существует особая, русская традиция интерпретации исследований; Понятие ethnîe во французской научной традиции и его политическое использование* (название статьи Е. Филипповой в журнале «Казанский федералист» №1–2 (21–22), 2007, где речь идет о национально-специфичной значимости обсуждаемого понятия именно для французской научной мысли). Для русской научной мысли особое значение имеет, разумеется, сопоставление *европейской (западной) и русской (отечественной) традиций*.

В типе употребления 3.3. слово *традиция* имеет множественное число: *Напомним, что этнолингвистика (иногда - антропологическая лингвистика), согласно наиболее распространенному в славянских языковых традициях (в отличие от западных) пониманию - наука, занимающаяся исследованием связей между языковыми и культурными явлениями* [Юдин, 1999].

4) **Традиция** предстает в научном тексте и как **возможность выбора, один из потенциальных путей движения человеческой мысли** – неинституционализованный или институционализованный (то есть организационно оформленный, в частности научные школы и направления). Сюда относятся, например, мировоззренческие традиции в науке: *Журнал продолжает западную традицию, развивая ту интеллектуальную линию русской культуры, которая связывает его, в частности, с дореволюционным «Логосом» – международным ежегодником по философии культуры, издававшимся в начале XX века; Еще задолго до Октябрьской революции в русской физиологии и психологии существовала материалистическая традиция; У первой и второй частей книги задача одна: показать, что рациональность представляет собой одну из многих традиций, а не стандарт, с которым должны сообразоваться все традиции. В последнем примере эксплицитно противопоставлены традиция и стандарт (изучение соотношения этой пары лексем будет сделано нами позже, вместе с парой традиция – классика).*

Соотношение номинации *традиция* и понятия *научная школа*¹ – вопрос весьма сложный. Нет сомнения в том, что научная традиция – основа деятельности научной школы и научного направления. Это отражается и в частотности словосочетания *традиции научной школы*, которое используется как для внутренней характеристики научных школ, так и для характеристики продолжателей их традиций за их пределами, ср.: *Традицией научной школы является постоянное внимание к прикладным аспектам иммунологии и Нижегородские хирурги стали не только продолжателями традиций крупнейших научных школ России (в первую очередь, С.И. Спасокукоцкого), но внесли и свой существенный вклад в развитие науки и подготовку кадров, став одной из ведущих школ страны.* Однако иногда путаница в обозначении принадлежности к школам и традициям достигает такого предела, что не дает возможности адекватно понять текст, например, следующий фрагмент из статьи о В.В. Виноградове в одной из Интернет-энциклопедий: *Один из самых замечательных русских языковедов ХХ в., академик В.В. Виноградов был ученым, продолжавшим и развивавшим традиции той русской филологической школы, последователи которой, обладая глубокой гуманитарной эрудицией, в своих исследованиях не проводили резкой грани между проблематикой, лежащей в сферах языкознания и литературоведения, стилистики и текстологии, теоретической лингвистики и практического применения ее результатов.* На конкретный вопрос: *Кто принадлежал к «той русской филологической школе» и принадлежал ли к ней академик Виноградов?* – студент, прочитавший данный пассаж, как правило, отве-

¹ «Научная школа – это содружество людей, сформировавшееся под эгидой личности – ученого-лидера, имеющего идеи, темы для разработки. Нет лидера – нет школы. Лучшие школы те, где последователи лидера занимаются активной исследовательской работой в актуальных направлениях и объединены идеями, методиками, научными традициями, расширяющимся сотрудничеством, поиском новых фактов» [Зебрино, 2004]. В отличие от «научного коллектива», «в научной школе преобладают новые идеи, инициатива, самостоятельный поиск», но при этом члены научной школы считают себя принадлежащими одной традиции, что и эксплицируют в своих текстах. Традиция выступает не только как «способ оформления и освоения» содержания науки [Грезнева, 2003], но и как сознательная преемственность. В науковедении существуют разнообразные классификации научных школ: по типу связей между членами научной школы (научное течение, «невидимый колледж», научная группировка), по типу научной идеи (экспериментальные и теоретические), по широте предметной области (узкопрофильные и широкопрофильные), по функциональному назначению получаемых знаний (фундаментальные и прикладные) и т.п. [Грезнева, 2003, с. 11].

тить не может. Да, судя по всему, эта фраза и не подразумевает такой возможности.

5) Наконец, нередко встречается семантически ослабленное, ритуальное употребление слова *традиция* и производных, например, в вводно-модальной конструкции *традиционно считается* (*традиционно принято считать*), например: *создание новой химии, основоположником которой **традиционно** считается Р. Бойль*. Здесь слово *традиционно* семантически является лишним: *традиционно считается = считается*: В данном случае *традиционно* выступает фактически как слово-паразит¹.

Широта спектра употреблений слов *традиция*, *традиционный* может приводить и к их неправильному, чересчур расширительному использованию: *Фитотермин имеет ряд специфических особенностей, выделяющих его среди **терминов в традиционном понимании***. *В традиционном понимании* здесь = в целом.

И еще одна причина, заставляющая без нужды использовать атрибут *традиционный*, – это его более научный характер по сравнению с прилагательным *обычный*², что отчетливо проступает в следующем примере из студенческой работы: *Поскольку семантические критерии для персидского языка оказываются наиболее значимыми, «фразеологические части речи» будут определены как классы фразеологизмов, выражающие значения, эквивалентные значениям, выражаемым **традиционными** частями речи и выполняющими в предложении те же функции, что и **обычные** части речи* (Г.А. Коган, «Классы фразеологизмов как эквиваленты частей речи (на материале персидского языка)», доклад на студенческой конференции ИСАА). Ср. текст, где семантическая эквивалентность *обычно* и *традиционно* эксплицирована: ***Обычно** в грамматиках Ч. Р. наз. классы слов, выделяемые по самым разнообразным признакам, не только грамматическим (см. Грамматика и Форма грамматическая), но и неграмматическим. <...> В **традиционных** грамматиках к Ч. Р. относятся м. пр. некоторые классы слов, выделяемые по неграмматическим признакам, а именно:*

---

¹ Еще более, чем для научной, это характерно для современной публицистической речи: *Традиционно считается, что элитного жилья в принципе не может быть вне Садового кольца* (журнал «Мир & Дом. City», 2004); *Ищенко традиционно считается противником экс-мэра Юрия Чехова, но именно сторонники Чехова в Волгограде составляют основную электоральную базу «Единой России»*. («Независимая газета», 2003.04.28). Спрашивается, сколько лет этим «традициям»? И насколько они являются «способом передачи»?

² И более «творческий» по сравнению со *стандарный*!

местоимения (см.) и числительные (см.), а также грамматический класс слов, выделяемый однако не на основании тех признаков, которые лежат в основе выделения других Ч. Р., именно класс глаголов, обнимающий как спрягаемые формы глаголов, так и неспрягаемые, т. к. из этих последних причастия играют в предложении ту же роль, что и прилагательные, деепричастия – ту же, что наречия, а инфинитивы имеют свои особые функции [Дурново, 1925].

Присовокупим сюда и «извиняющееся» употребление слова *традиция*, с подтекстом «за неимением лучшего обозначения»: *Другими словами, нам нужен сегодня особый тип рациональности, приложимый к сложным системам человеческой деятельности, включающим те материальные компоненты, которые в силу исторических традиций и принятых онтологических обозначений мы склонны называть природой.*

В целом функционирование слов *традиция* и *традиционный* в научных текстах XX – начала XIX века демонстрирует следующие различия в понимании традиционности (содержания и процесса формирования научной традиции) и в отношении к строгости употребления этих номинаций у авторов рассмотренных текстов:

- 1) традиция как нечто статичное, фиксированное – традиция как нечто постепенно складывающееся, развивающееся;
- 2) синхронное – диахронное понимание традиции;
- 3) континуальное – скачкообразное развитие традиции;
- 4) определенно-личное – неопределенно-личное – обобщенно-личное понимание традиции;
- 5) объединительная – разграничительная функция традиции;
- 6) толерантные – антагонистические отношения между традицией и не-традицией;
- 7) терминологическое – нетерминологическое – «паразитическое» употребление слова *традиция*.

Применение данных оппозиций и выявленных типов употребления слов *традиция* и *традиционный* к анализу истории русской грамматической мысли и современному восприятию некоторых фактов этой истории дает возможность не только лучше понять структуру научного поля современной русистики, но и объяснить, каким образом лингвистическое сообщество и его отдельные члены формируют для себя опорные точки прошлого, необходимые для концептуального самоопределения в настоящем и будущем, определяют содержание «нормальной науки» (по Т. Куну) и оценивают продуктивность и пер-

спективность той или иной идеи или научной парадигмы. Однако это уже предмет для отдельной статьи.

Литература

- Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М., 2004.
- Акимова Г.Н. Современная синтаксическая наука и университетский курс синтаксиса // Спорные вопросы русского языкознания : Теория и практика. Л., 1983.
- Алпатов В.М. История лингвистических учений. М., 1999.
- Буслав Ф.И. О преподавании отечественного языка. М., 1867.
- Вейсман А.Д. Заметки к истории русской грамматики // Журнал министерства народного просвещения. М., 1899.
- Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М. 1958.
- Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Грезнева О.Ю. Научные школы (педагогический аспект). М., 2003.
- Грунский Н.К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. М., 1910.
- Десницкая А.В. Н.Я. Марр и задачи исторического языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1949. Т. VIII. Вып. 5.
- Дурново Н.Н. Части речи // Литературная энциклопедия : Словарь литературных терминов : В 2-х т. М. ; Л., 1925. Т. 2.
- Зербино Д. Научная школа как феномен. 2004. № 15.
- Майнова Н.И. О новых академических грамматиках испанского языка // Университетские чтения 2006. Симпозиум 1. Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. СПб., 2006.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1987.
- Поспелова А.Г. Программа дисциплины «Теоретическая грамматика английского языка». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rchgi.spb.ru>
- Русская грамматика. М., 1980.
- Стеблин-Каменский М.И. Называние и познание в теории грамматики // Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. М., 1974.
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Юдин А.В. Новые книги по славянской этнолингвистике (1999). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rastko.org.yu>

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е.Б. Трофимова

Ключевые слова: онтология, методы, психолингвистика, когнитивная лингвистика.

Keywords: ontology, methods, psycholinguistic, cognitive linguistics.

Лингвистическое исследование нельзя начинать с исправления старых представлений, но только с построения адекватной общей теории.

М. Бирвиш

В настоящее время проблема определения онтологических свойств языка является не просто одной из важных, как мне представляется, а самой главной проблемой в лингвистике. Сейчас уже мало кто сомневается, что язык исходно формировался как образование, функционирование частей внутри которого зависит от жизнедеятельности языкового организма в целом.

Тем не менее, на деле мы имеем весьма парадоксальную ситуацию: занимаясь исследованием различных сторон языка даже весьма известные лингвисты очень часто обходят вопрос о том, что есть язык как феномен действительности. Конечно, при этом много говорится и пишется о системе и структуре языка, его знаковой природе, связи с мышлением или относительной свободе от оно, функционировании тех или иных языковых единиц и т.д. Однако редко в лингвистической литературе можно встретить развернутую гипотезу, посвященную общему устройству языка, выяснению вопроса, в каком – реальном / нереальном пространстве «работают» языковые единицы и какие явления мы включаем в язык как некий вполне определенный объект действительности, а какие следует отнести к смежным отраслям. Такая позиция поддерживается, во-первых, ложным представлением (как правило, не эксплицируемым), согласно которому для конкретных исследований неважно, на каких общелингвистических позициях стоит автор; и, во-вторых, убеждением, что данные «материи» в большей степени относятся к компетенции философов, чем лингвистов.

Исходя из вышеобозначенного положения о зависимости характера функционирования языковых подсистем от языковой деятельности в целом, такого рода аргументы не представляются мне достаточно обоснованными. Отмечая незаинтересованность лингвистов в решении онтологической природы языка, В.А. Звегинцев пишет: «Традиционная лингвистика, имея дело с описанием конкретных фактов, работает, как правило, на уровне методов и не стремится к решению глобальных лингвистических теорий. А когда на это отважился В. Гумбольдт в своих замечательных по глубине и широте работах, то они вообще были вынесены за скобки лингвистики и причислены к философии языка» [Звегинцев, 2001, с. 9]. Общеизвестно, что именно Гумбольдту мы обязаны функциональным подходом к языку. Конечно, сами гумбольдтовские антиномии возникли не на пустом месте. Если оставить в покое философов античности, то ближайшие по времени предшественники В. фон Гумбольдта – И. Кант и Г. Гегель. Но здесь нет вторичности идей, ибо Гумбольдт не просто использует эволюционную концепцию Гегеля и антиномии Канта, а вписывает язык в общую систему мироздания, утверждая таким образом, что он – частица в миру других частиц и его дуализм – результат сложной организации данного феномена.

Подход к языку как к целостному функциональному устройству, обслуживающему процесс коммуникации, родился в системе школ психологического, психолингвистического и когнитивного направления, причем все указанные направления базируются на признании (не всегда декларируемом) синергетической природы языка. К числу хрестоматийных работ, оказавших значительное влияние на формирование именно такого подхода, принадлежит статья Л.В. Щербы «О трояком аспекте языковых явлений...» [Щерба, 1974, с. 24–39], которая явилась как бы отправной точкой для тех исследователей, кого не в полной мере устраивал как интуитивизм традиционников, опирающихся только на собственные представления о языке, так и строгий рационализм структуралистов, исключивших из сферы лингвистических интересов человека. Уже в названии своей статьи Лев Владимирович подчеркивает, что язык представляет собой совокупность из трех составляющих: процессы говорения и восприятия, языковой материал (сумма всего, что сказано и воспринято в определенную эпоху) и языковая система (словари и грамматики). Таким образом, автор обозначил психо-социальную природу языка. Здесь на первое место действительно нужно поставить основополагающую роль именно психических факторов, поскольку Л.В. Щерба подчеркивает несамостоятельность языкового материала и языковой системы, считая их «лишь разными

аспектами единственно данной в опыте речевой деятельности» [Щерба, 1974, с. 26]. Встает вопрос, справедливо ли утверждение, что реально существует лишь то, что дано нам в опыте, в реальном наблюдении. Ведь общеизвестно, что далеко не все из существующего в природе и в обществе доступно непосредственному контакту. Поэтому, например, «впаянность» грамматических явлений в лексические единицы, невозможность обозреть грамматическую систему как нечто целое не есть свидетельство отсутствия в определенной степени ее самостоятельного бытия. Таким образом, аргументация, на основании которой автор отказывает языковому материалу и языковой системе в «естественном происхождении» не кажется мне убедительной: не данное в прямом наблюдении вовсе не означает отсутствующее в действительности. Во всяком случае, априори мы не можем сделать каких-либо окончательных выводов о характере отношений между тем, что дано «в опыте», и тем, что скрыто «за кадром».

Идеи Л.В. Щербы об устройстве языка были творчески восприняты создателем Калининской (ныне Тверской) психолингвистической школы А.А. Залевской. К выделенным Щербой трем аспектам языковых явлений А.А. Залевская добавляет четвертую составляющую – психофизиологическую речевую организацию, под которой автор понимает «готовность индивида к речи». В результате появляются три подразделения, отвечающие за речезыковую деятельность индивида: *речевая организация, речь и языковая система*, причем каждое из этих подразделений рассматривается как дихотомия «процесс < > продукт», имеющая двустороннюю направленность. Данная дихотомия, безусловно, весьма значима: она определяет одновременно как развитие, так и сохранность языкового феномена. Речевая организация – верхний, ментальный «этаж» речезнакового пространства – процессуально обеспечивает «переработку речевого опыта», результативно – создает *систему концептов и стратегий пользования*, которая и оценивается автором концепции как «язык 1». Следовательно, для А.А. Залевской язык – явление чисто психическое, при этом концепты это не единицы сознания, получающие репрезентацию в языке, а непосредственно данные языковые и элементы, овеществляемые физической материей на следующем, речевом, «этаже». Речевая деятельность индивида, представленная *процессами производства и понимания речи*, в качестве продукта получает *языковой материал*. Если Л.В. Щерба рассматривает *языковой материал* как явление, лишь условно относимое к языку, то А.А. Залевская оставляет его в пределах естественной речевой дея-

тельности индивидов, однако сферу и форму его выражения автор не описывает.

Последняя часть в структуре языковых явлений обозначена автором как «метаязыковая деятельность индивида», причем в первую очередь здесь подразумевается исследовательская практика лингвиста. В этом случае «процесс» выражается *в анализе, систематизации и описании языкового материала*, а «продукт» в формировании *систем и правил их комбинирования*, представляющим в данной концепции «язык 2». При этом, в отличие от многих антропоцентристов, признающих оценку языковых фактов только с позиции «наивного носителя» (вспомним, например, рассуждения по данному поводу представителей Ленинградской фонологической школы), А.А. Залевская не противопоставляет «язык 1», и «язык 2» с точки зрения значимости, а лишь указывает на их несводимость друг к другу: «общность исходного языкового материала, перерабатываемого, с одной стороны, в ходе речевой деятельности индивида, а с другой – в ходе метаязыковой деятельности лингвиста – вовсе не предопределяет идентичности получаемых продуктов...» [Залевская, 1999, с. 31]. Все три части этого сложного языкового образования объединены между собой двусторонней связью, что подчеркивает их целостность.

Языковая концепция А.А. Залевской отражена в следующей таблице [Залевская, 1999, с. 34]:

РЕЧЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ	Процесс	Переработка и упорядочивание речевого опыта
	Продукт	ЯЗЫК 1 – система <i>концептов и стратегий</i> пользования ими в процессах говорения и понимания
РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДА		
РЕЧЬ	Процесс	Производство речи Понимание речи
	Продукт	ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ
МЕТАЯЗЫКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДА		
ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА	Процесс	Анализ, систематизация и описание языкового материала
	Продукт	ЯЗЫК 2 – система <i>концептов и стратегий</i> их комбинирования

Несколько лет назад я выступила с рядом критических замечаний по поводу данной концепции [Трофимова, 2003, с. 12–14], однако, с позиций сегодняшнего дня, проведя ряд исследований, в основном психолингвистической направленности, я обнаружила высокий потенциал такого понимания феномена языка. Правда, и сейчас я не стала бы рассматривать производство и понимание (восприятие) речи как еди-

ный процесс, поскольку считаю, что это явление неоднородное, ибо у говорящих и слушающих разные задачи и различные стратегии в акте коммуникации. Так, например, статус сильных и слабых позиций в процессе говорения и понимания не совпадает. Ассимилятивные явления для воспринимающего, безусловно, слабая позиция, поскольку в ряде случаев могут возникнуть затруднения в понимании, для говорящего – сильная, так как при таких условиях вступает в действие принцип экономии произносительных усилий.

Можно также предположить, что единицы порождения и восприятия отличаются по своей протяженности: порождение оперирует более крупными совокупностями элементов, чем восприятие. Отличаются эти процессы и по степени автоматизации: по-видимому, она выше при производстве речи. Следует также учитывать и то, что в языках различной структуры взаимоотношение порождения и понимания, скорее всего, варьирует.

Еще хочу остановиться на противопоставлении «языка 1» и «языка 2»; первый, как уже отмечалось, отнесен в позиции Залевской в качестве продукта к «речевой организации», второй – к «языковой системе». Поскольку ни речевая организация, ни языковая система не даны в непосредственном наблюдении, то «продуктом» в обоих случаях являются конструкты, конечно, они не равнозначны и противопоставлены по линии эвристичность – алгоритмичность (в какой-то степени синтез и анализ). Однако и те, и другие используются в процессах порождения и восприятия как факты уже получившие статус «продукта» в языке (в данном случае я имею в виду язык в целом, включающий три области «бытования», выделенные А.А. Залевской).

Но эти частные различия в понимании языкового устройства – не главное. Важно другое. В языковом конструкте, созданном А.А. Залевской, хорошо прописана неоднородность языковых явлений, проявляющихся при использовании разных методов исследования.

Конечно, существуют и другие модели языка. В качестве примера можно назвать общеязыковые конструкты Г. Гийома [Гийом, 1992], Т. Милевского [Milevski, 1965], Г.Б. Джаукяна [Джаукян, 1999]. Однако, первые два из указанных авторов, в отличие от А.А. Залевской, ориентируются не на общую системно-структурную организацию языка, представленную совокупностью качественно различных, но взаимообусловленных антиномий *процесса* и *продукта*, а на модели речевой деятельности. Г.Б. Джаукян пытается описать язык, используя трихотомию общего – отдельного – индивидуального: человеческий язык

↔ язык коллектива ↔ язык индивида → речь [Джаукян, 1999, с. 12–16].

Хотя разнонаправленные стрелки указывают на взаимосвязь языка в разных значениях, сама схема не есть описание механизма его действия: это скорее классификация термина *язык*. *Человеческий язык*, независимо от того, понимаем ли мы под данным термином «общечеловеческое достояние» или же «некоторые общие свойства, присущие всем языкам», не может стоять в одном ряду с *языком коллектива* и *языком индивида*, ибо если последние два реально рассматривать в качестве феномена действительности, представленного разными уровнями абстракции, то *общечеловеческий язык* – это «черный ящик», под который можно подвести бесконечное количество различных конструкторов.

Лингвистическая ситуация, наблюдаемая в научном сообществе в настоящее время, выдвигает повышенные требования к общетеоретическим представлениям исследователей о языке как феномене действительности. В последние десятилетия расширилось языковедческое парадигмальное пространство, что, кроме эволюционирования идей в любое время и в любой науке, также связано с новым общественно-политическим режимом в стране. Появилась масса альтернативных концепций, причем часто в пределах одной парадигмы. В.Г. Гак отмечает, что современная методология науки «склонна видеть в плюрализме мнений не слабость и недостаток научных исследований, а их достоинство» и далее, со ссылкой на П. Фейерабенда, продолжает «для объективного познания необходимо разнообразие мнений, и метод, одобряющий такое разнообразие, является единственным, совместимым с гуманистической позицией [Гак, 1998, с. 13]. К сожалению, при каждом плюсе имеются и свои минусы: многообразие позиций часто приводит к терминологическому хаосу. Это особенно ярко проявляется в когнитивном направлении, которое отнюдь не является однородным. Одна ветвь в нем тесно связана с психолингвистическим подходом к языку и ориентирована на использование психолингвистических методов при анализе материала, другая выросла из системно-структурных представлений, обогащенных идеями логики и матлогики. Исследователи, придерживающиеся первой позиции, ищут когнитивное в языковом сознании, получая доступ к нему через использование различных методик психолингвистического эксперимента; сторонники второй позиции ориентируются на отражение функционирования сознания в языковом материале. Таким образом, размежевание идет по линии «процесс» – «продукт», если пользоваться терминологией

А.А. Залевской. При этом ни то, ни другое представление о когнитивной природе языка не отражено в общей концепции его устройства и функционирования, не обеспечено терминологией, однозначно объясняющей именно такое понимание языкового феномена.

С этих позиций в более выгодном положении, как мне представляется, находятся продолжатели психолингвистических традиций, поскольку, несколько модернизировав языковую модель А.А. Залевской, можно выйти на когнитивный уровень. Для этого достаточно разграничить неосознанное и осознаваемое в *представленности речевой организации*, то есть рассматривать «процесс» – *переработку речевого опыта* и «продукт» – *систему концептов* в двух режимах, первый из которых обеспечивает психолингвистический уровень, второй – когнитивный.

Л.С. Выготский, характеризуя речь ребенка, писал: «Ребенок склоняет, спрягает, но это деятельность им усвоена чисто структурно <...> он владеет языковыми формами спонтанно, автоматически» [Выготский, 1996, с. 213]. В нормальных условиях речевой навык не требует осмысления и сознательной регуляции; он высоко автоматичен, и поэтому вынужденно использует маркированные (однозначно определяемые) единицы, по-видимому, образованные по продуктивным моделям. Большую роль в спонтанном порождении и восприятии играет вероятно–статистический фактор: все единицы и модели их преобразование высокочастотны. Условно «зону обитания» спонтанности можно назвать уровнем языкового подсознания, спроецированного на спонтанную речевую деятельность. Полагаю, что на этом уровне активную роль играют эмоции человека.

Осознаваемое порождение и восприятие регулируется уровнем языкового сознания, роль которого заключается в обязательной оценке языковых явлений. Под оценкой в данном случае понимается любая классифицирующая деятельность носителя языка, все, что требует осмысления. В самом общем виде можно предположить, что уровень осознания включается тогда, когда, во-первых, нарушается стохастическая закономерность в следовании речевых сигналов и, во-вторых, когда перед носителем языка ставится требование оценки каких-либо языковых моментов. О том, что языковые единицы, содержащиеся в сознании носителя языка, отличаются от неосознанно воспринимаемых и воспроизводимых единиц тем же носителем неоднократно писалось и говорилось и психологами, и лингвистами. Например, А.А. Леонтьев, вслед за А.Н. Леонтьевым, различает «содержания, актуально осознаваемые, и содержания, лишь оказывающиеся в сознании» [Леонтьев,

1969, с. 231]. То же разграничение встречается и в работах Ч. Осгуда. Наряду с речевыми элементами, участвующими в процессе порождения и восприятия речи, исследователь выделяет языковые единицы, которые использует носитель языка, говоря о своем или чужом языке, то есть единицы, интуитивно осознаваемые говорящим [Osgood, 1970, p. 71–73].

В моих собственных исследованиях, а также в диссертационных работах аспирантов, при проведении психолингвистических экспериментов, ориентированных, с одной стороны, на спонтанные реакции (простой ассоциативный эксперимент), а с другой – осознаваемые носителем языка (отсроченный, направленный эксперименты, метод семантического дифференциала и т.д.), на одном и том же материале были получены разные результаты.

Все вышеизложенное не означает, что я считаю использование экспериментальных методик в психолингвистических и когнитивных исследованиях панацеей от всех бед. Во-первых, до сих пор не разработана достаточно надежная классификация реакций, получаемых на предъявляемый стимул. Во-вторых, открытым остается вопрос о процедуре отбора информантов, места и времени проведения эксперимента, роли личности экспериментатора, психофизиологических особенностях испытуемых. Я вполне согласна с К.Я. Сигалом, отмечающем, что «без разработки типологии экспериментов в психолингвистике, учитывающей такие параметры, как характер решаемых благодаря им задач, процедурные допущения и ограничения, избирательность взаимосвязи с другими экспериментальными методиками, от практики экспериментирования нельзя требовать эксплицитного обоснования выбора одной или нескольких методик для решения конкретной исследовательской задачи» [Сигал, Юрьева, 2009, с. 23].

Однако пока еще не решенное не означает не решаемое в принципе, просто некоторый скептицизм при оценке тех или иных результатов вполне уместен. Разработка новых исследовательских методов и постановка и решение общетеоретических вопросов, касающихся онтологии языка, – взаимообусловленные задачи.

Литература

- Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1996.
Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.

- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Джаукян Г.Б. Универсальная теория языка. Прологомены к субстанциональной лингвистике. М., 1999.
- Живов В., Тимберлейк А. Расставаясь со структуриализмом (тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания. 1997. № 3.
- Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. № 6.
- Кодзасов С.В. О фонологической интроспекции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
- Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевых высказываний. М., 1969.
- Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых условиях. М., 2009.
- Трофимова Е.Б., Трофимова У.М. Общее в частном: фонетические и лексические единицы в пространстве языка. Бийск, 2003.
- Osgood Ch. Hierarchies of Psycholinguistic Units // Psycholinguistics. 1970.

**КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА
РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА КОМПАНИИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
РЕГУЛЯТИВНОЙ ПРИРОДЫ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «COLUMBIA» В РОССИИ)***

Л.О. Бутакова

Ключевые слова: рекламный дискурс, коммуникативные стратегии, поликодовый текст, ассоциативный эксперимент.

Keywords: advertising discourse, communicative strategies, multimodal text, associative experiment.

Актуальность предлагаемого исследования определяется принадлежностью рекламы к одному из основных пластов культуры, участвующих в формировании информационной среды современного человека, а также малой изученностью рекламного текста с точки зрения регулятивных функций его поликодовой организации. Нас интересовало то, как специфика вербальной и невербальной организации рекламного текстового пространства одной торговой марки с помощью функционирования знаков разной направленности задает «рассредоточен-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09-04-00185а.

ную» репрезентацию смысловых доминант и регулирует коммуникативные отношения между рекламодателем и потребителями.

Ставя перед собой цель исследовать знаковую специфику текстов рекламной кампании «Columbia», обеспечивающих реализацию основных смысловых стратегий, мы в первую очередь рассматривали взаимодействие интралингвистических (слоганы, рекламные тексты) и экстралингвистических (цветовая семантика, исследование этикетки, товарных знаков) факторов, влияющих на актуализацию ведущих смысловых стратегий поликодовых рекламных текстов фирмы, выявляли назначение доминантных знаков, оценивали знаковые наборы разных рекламных текстов «Columbia», устанавливали их роли в передаче доминантных и периферийных смыслов в каждом из типов. Кроме того, с помощью ассоциативного эксперимента выявляли смысловые наборы, репрезентирующие образ Компании и ее продукции в сознании реципиентов, а с помощью рецептивного эксперимента анализировали восприятие рекламных роликов фирмы «Columbia» и устанавливали степень воздействующего эффекта разных структурных составляющих.

В поле нашего зрения находились вербальные и невербальные компоненты рекламной коммуникации «Columbia» разных типов: телевизионной и журнальной рекламы, рекламы на баннерах, этикетках продукта, слоганы, бренды, цветовая семантика, результаты ассоциативного и рецептивного экспериментов.

В качестве материала исследования выступили 27 рекламных слоганов продукта, 7 телевизионных рекламных роликов. В ходе ассоциативного и рецептивного экспериментов было опрошено 50 человек и исследовано более 310 ответов испытуемых.

В коммуникативном аспекте реклама рассматривается как специфическая область массовых коммуникаций между рекламодателями и аудиториями рекламных обращений с целью активного коммуникационного воздействия на эти аудитории, которое должно способствовать решению определенных маркетинговых задач рекламодателя [Конечкая, 1997, с. 290]. Это вполне определенная, заданная форма коммуникации, которая пытается перевести качество товаров и услуг на язык нужд и потребностей покупателя [Ромат, 2002, с. 522].

В качестве наиболее важных коммуникативных черт рекламы специалисты традиционно выделяют *неличный характер, одностороннюю направленность* рекламного обращения от продавца к покупателю, *неопределенность* с точки зрения измерения эффекта рекламы, *общественный характер, четкое позиционирование рекламодателя* как субъекта, за чей счет и от чьего имени осуществляется реклама;

отсутствие претензий на беспристрастность; броскость и способность к внушению [Ромат, 2002, с. 145].

Среди всех задач, которые в складывающейся конкретной рыночной ситуации решает реклама, нас интересовала задача *создания и поддержания «собственного лица»* фирмы, которое отличалось бы от образов конкурентов. Эта задача решается на уровне медиапланирования в целом, а также на уровне структурно-семантической организации отдельного текста и их функционального взаимодействия в коммуникативном пространстве в частности.

Семиотическая природа любого (в том числе рекламного) текста задает как выбор кода, так и способы его более или менее однозначно интерпретирования. За каждым из этих элементов коммуникации закреплена определенная функция – информативная, эмоциональная, экспрессивная, фатическая, референтная, эстетическая и пр. Традиционно считается, что наибольшей эффективности достигает тот рекламный текст, в котором учтены и сбалансированы все функции.

Кроме того, особенность рекламной коммуникации заключается в ее многоканальности, осуществляемой с помощью кодирования информации в знаковых наборах, воспринимаемых разными перцептивными системами. Многоканальность восприятия и поликодовость речевого произведения в идеале должны обеспечивать лучшее восприятие такого типа текста. Тот факт, что понимание реципиентом воспринимаемого текста связано с активным процессом порождения собственных смыслов на основе воспринятого, заставил психолингвистов экспериментально проверить характер восприятия поликодового текста. Указанный тип текста определяется как «специфическое произведение, возникшее на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» [Сонин, 2006, с. 16]. Представление в нем смысловой доминанты подчиняется определенным тенденциям ментальной репрезентации. Оно имеет рассредоточенный характер, поэтому было названо А.Г. Сониным «рассредоточенной репрезентацией» [Сонин, 2006, с. 16–17]. Специфика организации поликодового текста направляет его понимание в такую сторону, когда реципиент строит ментальную репрезентацию, «отличающуюся от репрезентации содержания вербального текста определенными преимуществами на уровне когнитивной обработки» [Сонин, 2006, с. 16–17]. Такая репрезентация более информативна, чем просто изобразительные компоненты, что «(по сравнению с вербальным текстом) обуславливает понимание передаваемого содержания, обеспечивая при этом лучшее его запоминание»

[Сонин, 2006, с. 16–17].

А.Г. Сонин экспериментальным путем установил ведущую роль изображения, поскольку «именно изображение закладывает основу для понимания поликодового рекламного произведения» [Сонин, 2005, с. 195]. Роли вербальной и визуальной составляющих такого типа текста не равновелики в отношении направления процесса восприятия и определения эмоционального компонента: «изобразительная составляющая обладает большим потенциалом для привлечения непроизвольного внимания реципиента и создания у него положительного эмоционального отношения к рекламе с первых секунд ее восприятия. В вербальном тексте важнее его логичность» [Сонин, 2005, с. 195–196].

Следовательно, если компания заботится о большем масштабе восприятия передаваемой информации, то все компоненты коммуникативного процесса должны быть сориентированы в первую очередь на визуализацию. Следовательно, при воздействии на целевую аудиторию как можно больше предметов, несущих фирменные знаки, должны быть оформлены в коде зрительного восприятия, а текстовые компоненты (слоганы) должны быть построены по логическому принципу. Именно это должно способствовать актуализации и удержанию объекта в сознании адресатов, улучшению мнения адресатов о рекламируемом объекте, убеждая в его преимуществах и пр. Сказанное означает несколько иную трактовку качества рекламных сообщений и согласованности рекламы с другими компонентами комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Компания-производитель «Коламбия» была основана в 1923 году Семей Бойл («мама Бойл» – дочь семьи основателей) в Америке. Первоначально одежда носила сугубо потребительский характер и была представлена как вполне доступная и недорогая одежда для повседневной жизни. На сегодняшний день компания «Коламбия» позиционирует себя как не только производитель долговечной одежды для активного образа жизни, но еще и как очень доступной.

Для подтверждения / опровержения этого нам понадобилось изучить бренд Компании. Бренд мы понимали широко – как название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для отличия их от товаров или услуг конкурентов. Две главные функции бренда: идентификация товара и его производителя; различимость товаров в конкурентной среде. Этой цели служат разные средства, позволяющие создать «свой» образ продук-

ции.

Мы рассматривали логотип, зимние ботинки и бирку к ним, пуховик и 6 видеороликов и рекламный баннер 3х6 м.

Характер логотипа:

1. Логотип двуцветный. Может использоваться в контрастных локальных цветах, что позволяет четко выделять его в любой цветовой гамме, делает легко и однозначно воспринимаемым.

2. Логотип используется в трех модификациях: текст вместе с «кубиком», отдельно текст названия Компании, и «кубик».

3. Не зря выбрана «кубическая» форма. Символика формы однозначно выражает гендерную ориентацию: куб – форма мужчины: четкий, размеренный, выверенный, крепкий.

4. Смысл «простоты» и «доступности» выражает выбор шрифта фирменного стиля – Times New Roman – шрифт, который установлен в любом современном пакете текстовых редакторов.

Бирка от пары зимней обуви «Columbia» имеет простую форму, обычный материал изготовления – пластик, на котором нанесен логотип производителя. За счет наличия шнура может использоваться даже как брелок к ключам, что часто наблюдается в России.

Видеоролики:

Каждый ролик ситуационен. Всего два участника – две главы Компании, выглядящие как обычные люди, способные на экстраординарные поступки и действия: «Мамочка Бойл» и ее сын Тим Бойл. Они находятся в иерархических отношениях: один может делать все что угодно со вторым (второй не оказывает сопротивления и никак не проявляет себя). Налицо две противоположные психологические роли: «жертва» // «злодей, мучитель». Причем когнитивный конфликт заложен уже в том, что жертвой (в противовес гендерным стереотипам) является не женщина, а мужчина. Еще один когнитивный конфликт выражен компонентами разыгрываемых ситуаций: все жестокие действия одного героя и страдания другого имеют смысл только как способ доказывания прочности одежды «жертвы» (только в одном случае одежда надета на «мучителя»).

В ролики интегрированы элементы гиперболизированной событийности, динамики развития обстоятельств, хронотопа (последовательно развиваемых или нарушенных во времени событий), конфликтности позиций главных героев. С когнитивной точки зрения ролики распадаются на две группы: построенные на операциях когнитивного конфликта и использования «шоковых» элементов нарушения пространственно-временных отношений, неожиданности появления героев

в разных местах, контрастности функциональных ролей героя – «жертва» // «мучитель»; на операциях когнитивного согласования: весь сюжет развивает единый фрейм, компоненты которого последовательно перетекают один в другой. Все знаковое пространство видеотекста работает на передачу смысловой доминанты (типажи персонажей, пространственно-временные отношения), включая визуально «второстепенные» знаки – надписи на одежде.

Когнитивная специфика	№ ролика	Специфика структурно-смысловой организации
<p>1 когнитивный тип: <i>1. Тим Бойл докладывает совету директоров о доходах Компании. В кабинет врывается «Мамочка Бойл» и с помощью индонезийской трубки выпускает в Тима стрелу с усыпительным средством; Тим падает без сознания на пол; Прорывается на Северном полюсе в одежде «Коламбия» и с картой местности на груди. Видит как «Мамочка Бойл» улетает на вертолете;</i> <i>2. Строительная бетономешалка. Из каретки мешалки вываливаются предметы: чемодан, кирпичи, крокодил и вслед за ними Тим Бойл. За рулем бетономешалки «Мамочка Бойл»;</i></p>	<p>Ролики 1, 3 Слоган «<i>Проверено жестко</i>» появляется в конце в виде надписи на экране / голоса за кадром, после двух серий «шоковых» элементов, разделенных вставкой «черного экрана».</p>	<p>Когнитивный конфликт, «шоковые» элементы, нарушения хронотопа; контрастные функции героев «жертва» / «мучитель»; полная власть первого героя над вторым. 1. «Шоковые» элементы: 1) фреймы «Кампания», «Совет Директоров» // «Индонезийские способы вести военные действия», «Оружие»; 2) фрейм «Северный полюс», «Вертолет с «Мамочкой Бойл» улетает;</p> <p>2. «Шоковые элементы» набор объектов, неожиданность появления героя в предлагаемой ситуации, иерархия отношений главных действующих лиц, проявляющаяся в действиях одного, направленных на другого; второй главный герой «уравнен в положении» с предмета-</p>

		<p>ми, экзотическими объектами; Фрейм «Строительная техника», «Экзотические животные»;</p>
<p>2 когнитивный тип : 2. <i>Рокерский клуб. Камера переводится с одного на другого брутального представителя рок-культуры и среди них «Мамочка Бойл». Затем черный экран (пауза) джинсы с лейблом «Tough Mama» (Жесткая мама);</i> 4. <i>Режьявик. Тим Бойл сидит на летнем стульчике в одежде Компании. Мимо проезжает «Мамочка Бойл» в снегоуборочной машине и замечает Тима;</i> 5. <i>Зима. Усадебный дом. «Мамочка Бойл» выходит во двор покормить собак, где на цепи сидит и выглядывает из сугроба в одежде компании Тим Бойл;</i> 6. <i>К крыше машины внедорожника, которым управляет «Мамочка Бойл», пристегнут в одежде компании Тим Бойл. Машина направляется в грозу по труднопроходимым дорогам, преодолевает джунгли, зимние просторы. Тим Бойл все это время находится на крыше.</i> 7. <i>Ледовый каток и ледовая машина закатывает</i></p>	<p>Ролики 2, 4, 5, 6, 7 2. Слоган в зрительном пространстве текста меняет свои роли, становясь выразителем доминанты – лейбл на джинсах главной героини «Tough Mama» (Жесткая мама), перед ним – вставка «черного экрана». 4,5,6,7. Слоган написан в конце текстового пространства.</p>	<p>Когнитивное согласование, развитие единого фрейма, последовательность развития хронотопа, все знаковое пространство передает смысловую доминанту, первоначально второстепенная роль визуальных компонентов (надпись на одежде) становится главной в конце: 2. Фрейм «Рокерский клуб», все герои – рокеры, включая «Мамочку Бойл»; 4. Фрейм «Уборка снега», «Режьявик», органично совмещены «нарушенные» временные пласты: лето – летняя одежда – предмет отдыха летом // зима – снег – уборка снега – снегоуборочная машина; первый временной пласт не соответствует заданному собственным именем пространству – <i>Режьявик (холод, зима)</i>. 5. В едином фрейме «Загородный дом зимой» совмещены «нарушенные» социальные и когнитивные пласты; ситуация гомо-</p>

<p><i>Тима Бойла под лед.</i></p>		<p>генна с точки зрения хронотопа (зима – зимняя усадьба – сутробы – собаки во дворе), но из нее «выпадает» второй субъект – человек на цепи (второй главный герой).</p> <p>6. В едином фрейме «Возможности внедорожника преодолеть любые расстояния и выдержать испытания погодой» действуют единые герои, сохранено единство их ролей.</p> <p>7. Единый фрейм «Чистка катка». Ситуация гомогенна с хронопической точки зрения: зима – лед – каток – ледовая машина – действия одного субъекта. Не соответствует ей характер действий одного субъекта по отношению к другому: человек с помощью ледового катка угрожает жизни другого человека (своего мужа). Второй действующий герой демонстрирует свою власть над первым действующим лицом и иерархию их отношений.</p>
-----------------------------------	--	---

Эффект неожиданности, основанный либо на столкновении фреймов, либо на контрастности ролей героев в ходе развития единого фрейма, оказывает сильное воздействие на зрителя, вызывая при восприятии сильные эмоции.

Слоган выступает в качестве уточнения к визуальному ряду, выделяет необходимый элемент из общего пространства видеоряда, позволяет четко определить две модальные составляющие представленных видеороликов: конструкция архетипических / стереотипных элементов и репрезентант доминирующего смыслового компонента. Видеоролики обладают матричностью. Можно предположить, что авторы роликов разработали матрицу и, меняя форму компонентов этой матрицы, но, не меняя общий ее состав, получают необходимый коммуникативный результат: все ролики по хронометражу и смысловой структуре подчиняются следующей закономерности. Общее время: 30 секунд, ситуативный элемент (содержание) 25 секунд; вербальная часть: слоган: 5 секунд.

В видеорядах отсутствует какой-либо диалог (как внутри пространства ролика между героями, так и героев со зрителями) и коммуникативная задача их направлена на визуальное восприятие.

Таким образом, реклама компании сориентирована на актуализацию ряда когнитивных стереотипов потребителя, давая ответ на часто задаваемые вопросы: качественна ли одежда, долговечна ли, доступна. Ответами на первые два вопроса являются структурно-смысловая организация рекламной видеопродукции.

Налицо смысловые связи между формами рекламы Компании: акцентированной в роликах смысловая доминанта «проверено в жестких условиях» соответствует появлению изображения «мамы Бойл» на коробке-упаковке продукта. Позиционирование роли «мамы» дает представление, что «мама» – гарант качества после проверки. Лицо «мамы» становится не только логотипом, иконическим компонентом Компании но и знаком «когнитивного стереотипа». Такое формирование смысловой доминанты в рекламе кампании можно считать «рассредоточенной репрезентацией». Реализация этого способа смысловой передачи на разных уровнях видео- и аудио-текста позволяет с помощью различных элементов поликодовости создать целостный неразделимый образ Компании «Columbia».

Обилие логотипа на продуктах создает не только фирменный стиль бренда, но и фирменный стиль одежды, принадлежность ее элементов, например пуговицы, продукту.

С точки зрения специфики внутренней организации поликодового текста выделяются **компоненты**, выполняющие смыслоформирующую функцию через визуальное и графическое выделение смысловой доминанты (по А.Г. Сонину):

- монтажный принцип изображения и его динамика, показ с разных углов зрения, показ крупным планом, показ «сверху», «снизу», «сбоку», «отъезд», «наезд» камеры и пр.;
- типичные / атипичные цвета (белый, красный, черный, голубой, серый);
- дополнительные элементы видеоряда;
- финальное размещение речевого компонента;
- «вмонтированность» вербального компонента в пространство предмета-участника визуального компонента;

Оценка поликодовости текстов:

По гетерогенности – тексты видеороликов представляет собой тексты с ненулевой степенью компонентов (есть вербальные и изобразительные средства).

По характеру иконических компонентов – двухмерный (вербальный текст в кино).

По характеру вербального компонента – устный и письменный, представленный речью за кадром, надписями внутри видеоряда (печатным), включающий знаки нескольких естественных языков (озвучивание производится на языке страны, где проводится рекламная кампания, фирменные знаки и надписи на одежде и обуви героев выполнены на английском языке).

По соотношению объема информации, переданной различными знаками и по роли изображения – изобразительно – центрические (с ведущей ролью изображения, вербальная часть конкретизирует его).

По характеру связей компонентов – эксплицитно выраженные.

Смысловые роли компонентов:

Сюжет демонстрирует иерархию отношений героев, отсылает к архетипу – «наоборот», создает эмоционально шоковую ситуацию для зрителя и дает возможность ощутить качество товара.

Видеоряд задает ведущие концепты смысловой системы текста, отношения между ними (первый, третий, пятый ролик – когнитивный конфликт, второй, четвертый, шестой – когнитивное согласование), а также передает эмотивную доминанту текста.

Динамика развития текста содержит динамику смыслового разветвления доминанты.

Пространственно-временное решение построено на единстве времени, места и героев в каждом ролике. Пространственно-временные отношения между роликами – смена места и времени при сохранении единства героев и отношений между ними.

Цветовое решение соответствует заданному изначально в каж-

дом ролике хронотопу. Неизменными являются традиционные для компании цвета одежды и обуви героев. Исключения составляют ролик с бетономешалкой и ролик в рокерском клубе. Они выполнены в черно-белой гамме. В ролике с бетономешалкой преобладает размытый серый цвет (цвет цементной пыли). В ролике в рокерском клубе преобладающий цвет – черный, вероятно, призванный выразить смысл «жесткости», хорошо согласуемый с основными смыслами рокерского движения и цветами одежды рокеров.

Вербальный компонент.

Слоган «Проверено жестко» повторяется в каждом ролике, достраивая смысл видеоряда и согласуясь с действиями одного героя в нем по отношению к другому.

Проведенные ассоциативный и рецептивный эксперименты показали следующее:

1. С одной стороны, все еще сильны стереотипы, сформированные историческим и культурным опытом русского народа, а с другой – протяженность лексической сети постоянно растет за счет присоединения к ним усилиями рекламы новых ассоциаций, среди которых не последнее место занимают ассоциации, связанные с компанией «Columbia».

2. Существует определенное влияние рекламной коммуникации на сознание потребителей.

3. Эффективность грамотно выстроенной рекламной кампании достигается при учете рассредоточенной актуализации смысловой домина: название бренда отождествляется у реципиентов с концептом «Columbia-wear».

Стратегический ход, построенный на связях между структурными элементами бренда, выполняет искомое назначение, и все эти элементы однозначно воспринимаемы русским человеком. А именно: лексическая сеть концепта «Columbia-wear» достаточно разветвлена; активации доминантных компонентов концепта высокая; «чувственные» ассоциаты – самая многочисленная смысловая группа, составляют базовый слой концепта; ядро и базовый слой концепта, представлены не только такими прогнозируемыми ассоциациями, одежда, мода, стиль, бейсболка но и новыми, вошедшими зачастую через рекламную коммуникацию ассоциациями, – «Бетономешалка» (*запоминание рекламного ролика*).

Литература

- Sonine A.G. Compréhension des textes multimodaux: exemple de la bande dessinée. Thèse de doctorat. Université de Nantes. 2003.
Конецкая В.П. Социология коммуникации. М., 1997.
Ромат Е.В. Реклама. СПб., 2002.
Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов : когнитивный аспект. М., 2005.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ (на примере семантического гештальта микрополя «бюро путешествий»)

О.А. Кузина

Ключевые слова: семантический гештальт, этнокультурная специфика, языковое сознание, микрополе, ассоциативное поле.

Keywords: semantic gestalt, ethno-cultural specificity, linguistic recognition, microfield, associative field.

Целью данной статьи является рассмотрение семантического гештальта как одного из основных психолингвистических способов, который точно выявляет его этнокультурную специфику исследования языкового сознания в структуре ассоциативного поля. Ассоциативное поле материализуется на разных языковых уровнях: на морфологическом уровне (при словоизменительных и словообразовательных отношениях между реакциями и стимулом: гостиница – гость); на лексическом уровне, на котором выражаются лексико-категориальные отношения стимула и реакции и полисемия стимула (гостиница – ночлежка, дом, отель и т.д.); на синтаксическом уровне, описывающем синтаксические отношения между стимулом и реакцией, включая предикативные словосочетания и так называемые «синтаксические примитивы»: гостиница комфортная, можно отдыхать и жить в ней); а также на когнитивном уровне, который отражает знания носителя языка о стимуле, запечатленные в языке в метафорических обозначениях сти-

мула, во фреймовых типовых ситуациях (эффект воздействия гостиницы на человека – *комфорт, удобства, обслуживание*); на прагматическом уровне, состоящем из оценок, даваемых носителями языка содержанию стимульного слова (альпотель – красота, свежий воздух). Следовательно, используемый способ построения семантического гештальта, предложенный Ю.Н. Карауловым, является одним из ведущих способов представления знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей данного языка [Караулов, 2000, с. 192]. Это одна из самых новых и оригинальных идей при построении классификации была предложена Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1999, с. 136] при разработке теоретических основ ассоциативной лингвистики и развита в рамках теории межкультурного общения А.М. Новиковой [Новикова, 1998, с. 19]. Ю.Н. Караулов предложил концепцию «семантического гештальта» в структуре ассоциативного поля. Эта концепция отвечает системно-уровневому описанию языка и обладает объяснительной силой, заставляющей посмотреть на ассоциативное поле как с лингвистических, так и с когнитивных позиций. По мнению Е.И. Горошко, предложенная концепция является одновременно и классификацией ассоциаций, своеобразно упорядочивающей ассоциации как в языковую систему человека, так и в «наивную картину мира» носителя языка. Ассоциативное поле рассматривается как совокупность уровней: фонетического, лексического, синтаксического, морфологического, когнитивного, прагматического. Наряду с перечисленными уровнями вводится понятие абсолютно нового способа, называемого «семантическим гештальтом» ассоциативного поля, который определенным образом «восстанавливает» фрагменты наивно-языковой картины мира. Например, в работе А.М. Новиковой все уровни исследуются и описываются на примере ассоциативного поля, полученного на стимул «город» [АТСРЯ, т. I, с. 38; Новикова, 1998, с. 4].

На материале нашего исследования это выглядит так.

– Синтаксический уровень описывает синтаксические отношения между стимулом и реакцией: *гостиница комфортная, не очень; в бунгало тесно; семейные родители; база туристская – перевалочный пункт*, покрывая все возможные типы словосочетаний имен существительных «*гостиница, бунгало, родитель, база туристская*».

– Лексический уровень рассматривается в двух аспектах: с точки зрения лексико-категориальных отношений, в которых вступают стимул и реакция и непосредственно сами реакции, и с точки зрения полисемии стимула. При этом первый аспект отражает макроструктуру поля. Сюда входят синонимы (*гостиница – отель, мотель, флотель, бо-*

тель) и квазисинонимы, антонимы и квазиантонимы (*гостиница – ночлежка, забегаловка*), паронимы (*ботель – болезнь; флотель – флора и фауна*), окказионализмы, родовые и видовые наименования (*гостиница – дом, место проживания, ночлежка, дурдом, отель, санаторий и т.д.*), часть – целое (*родотель – дорога, трасса*), целое – часть (*бунгало – веранда, качалка, загородка и т.д.*), перифразы и игра слов (*альпотель – Альпачино*). К нему относятся и конверсивные, омонимические, жаргонные и диалектные слова, архаизмы, экзотизмы, иностранные заимствования и т.д. Второй аспект лексических отношений отражает его макроструктуру и связан с раскрытием в реакциях системы значений стимула.

– Морфологическая уровень ассоциативного поля реализуется в словоизменительных и словообразовательных отношениях между реакциями и стимулом: *гостиница – гость, родотель – роддом, мотель*.

– Когнитивный уровень ассоциативного поля отражает разнообразные знания носителя о стимуле, запечатлеваемые в языке в именах собственных (*Боровое, Иртыш, Альпы*), в фреймах типовых психологических ситуаций (например, эффект воздействия гостиницы на человека – *комфорт, удобства, обслуживание, много людей, бардак, помойка, трупцобы, весело, скучно и т.д.*, в афоризмах и идиомах.

– Прагматический уровень состоит из оценок, даваемых носителями языка содержанию стимульного слова. На данную оценку, по мнению А.М. Новиковой, могут оказывать влияние и прецедентные тексты культуры, связанные с данным стимулом (*бунгало – без комфорта, дешевая, небольшая и т.д.*).

Все эти уровни превращают поле в единицу языка или «владения языком» – «в языковую способность», при этом первые три уровня (лексический, синтаксический и морфологический) представляют основные системные уровни языка и, объединяясь в единые лексико-грамматические уровни, репрезентируют язык как таковой. Когнитивный уровень суммирует единицы хранения знаний и оперирования ими, отражает языковую картину мира и репрезентирует отношения «язык и человек», ибо нет знаний без их носителя, как и не существует «картин мира» без субъекта [Новикова, 1998, с. 20–21]. Прагматический уровень поля определяет отношения «человек – действительность», а статистическая часть чисто формальными методами «показывает» степень адекватности численных характеристик поля внешним параметрам «единицы владения языком». Отношения «язык – действительность» описываются при помощи способа, называемого А.М. Новиковой «семантическим гештальтом». Этот способ некото-

рым образом «воссоздает типовую для данной национальной культуры модель референта, которая соответствует стимулу в окружающей носителя данного языка реальности» [Новикова, 1998, с. 22–23]. Он строится на причастности каждой реакции к тому или другому стереотипному свойству данного референта в данном языке.

Автор высказывает предположение, что тип гештальта для носителей одного и того же языка и одной и той же культуры остается, по видимому, постоянным, тогда как его содержание может отличаться в зависимости от времени построения ассоциативного поля (то есть времени собирания ассоциативных норм) и от характеристик групп испытуемых – носителей языка.

В разных культурах семантический гештальт позволяет проводить межкультурные сопоставления, выделяя универсальную часть типа гештальта и его национально-культурную специфику.

Основным методом для построения **семантического гештальта микрополя «бюро путешествий»** стал цепной ассоциативный эксперимент, проведенный с реципиентами, для которых русский, немецкий и английский языки являются родными. Были соответственно сопоставлены английские, русские и немецкие ассоциативные поля.

В эксперименте принимали участие студенты вузов г. Омска в возрасте от 18 до 25 лет, студенты учебных заведений Германии в возрасте от 18 до 30 лет и студенты учебных заведений США штат Флорида г. Санкт-Петербург в возрасте от 20 до 30 лет. Количество участников было равным (250 человек с каждой стороны). В результате эксперимента было получено следующее количество реакций: у русских – 52322, у немцев – 51454, у американцев – 53736.

Построение «семантического гештальта» в сфере туризма в структуре ассоциативного поля (АП), который отвечает системно-уровневому описанию языка, по мнению Ю.Н. Караулова, и заставляет посмотреть на ассоциативное поле с языковых и когнитивных позиций. «Семантический гештальт» ассоциативного поля – это единица, восстанавливающая фрагменты наивно-языковой картины мира (НЯКМ) [Караулов, 1999, с. 180]. Было составлено 63 семантических гештальта на английском, русском и немецком языках. На основании этого мы выбрали семантические гештальты тех макрополей, где проявилось самое большое количество реакций. Соответственно, из 63 гештальтов было выделено по 2 самых частотных семантических гештальта, что составило 14 семантических гештальтов. Рассмотрим семантический гештальт «бюро путешествий» ассоциативного макрополя «обеспечение сферы туризма» у русских, немцев и американцев:

Внутренняя структура семантического гештальта «бюро путешествий» у русских характеризуется шестью свойствами:

- это туристы, путешественники и клиенты, а также рабочий персонал – турагенты;
- оформляют путевки, билеты, визы для поездки, для чего необходимы деньги клиентов, а также различного вида документы и офисное оборудование;
- может быть просто офисом, турфирмой или турагентством с рабочим кабинетом;
- с помощью него можно отдохнуть, провести отпуск летом на островах;
- съездить на экскурсии и совершить путешествие, круиз по определенному маршруту;
- это воспоминание о советских временах, а в настоящем времени – это прокол и обман;
- это омские турфирмы «5 звезд», «Евразиятур», «Летур», некоторые из них расположены на пр. Маркса.

Для сравнения рассмотрим содержание термина «бюро путешествий» по «Туристскому терминологическому словарю» (ТТС).

«Бюро путешествий – это один из каналов сбыта туристского продукта. Первые «Бюро путешествий» появились в середине 19 века. В их задачу входила организация туристских поездок и реализация их потребителям» [ТТС, 1999, с. 63].

Когнитивный уровень (43%). Большое количество имен собственных, названий турфирм и их адреса. Если сравнить с объемом термина в словаре, то увидим, что данный гештальт у русских полностью соответствует описанию содержания термина «бюро путешествий». Рассмотрим семантический гештальт: «бюро путешествий» – «потребители: туристы, путешественники и рабочий персонал – турагенты» – «предоставляют полный пакет документов (путевки, билеты, визы, страховки, предложения и т.д.), за что необходимо клиентам платить деньги» – «может быть турагентством, турфирмой, где есть рабочий кабинет и офис» – «организует отдых, туризм, экскурсии и т.д.» – «сравнивают с советскими временами, а с другой стороны, много обманов и проколов в данной сфере деятельности» – «самая известная «Летур» на пр. Маркса».

Прагматический уровень (9%). Это связано с тем, что сам стимул «бюро» не вызывает каких-либо эмоций, с этим связаны реакции типа существительное – существительное: *советские времена, обман, прокол, лягушка*.

Грамматический и лексико-семантический уровни (33%):

Лексический уровень.

- Синонимия: бюро путешествий – *тур. фирма, турагентство.*
- Целое – часть: бюро путешествий – *туристы, турагенты;*
– *путевка, билеты;*
– *деньги, компьютер, бумага;*
– *проспекты, предложения;*
– *офис, рабочий кабинет;*
– *поездка, маршрут.*
- Часть – целое: бюро путешествий – *туризм, отпуск;*
– *приключения, путешествие;*
– *обман, прокол;*
– *страны, города.*

Данный уровень представлен большим количеством реакций и достаточно объемно заполнен с точки зрения их разнообразия.

Морфологический уровень представлен 11% реакций, которые образовались с помощью словосложения с использованием корня *тур*, что неестественно для русского языка. Проявляется словообразовательная активность: *турист – туризм – турагент – турфирма – турагентство – турпродукт – «Летур» – «Евразиятур».*

Синтаксический уровень (4%): *место продажи путевок, составляющие лица, учреждение, турагентство.*

Следовательно, когнитивный уровень самый многочисленный, лексический и морфологический уровень также объемны. Это связано с тем, что формирование ассоциаций внутри происходит в направлении от существительного к существительному. Оценочный компонент, то есть прагматический уровень, сформирован незначительным числом реакций, как и синтаксическая часть гештальта.

Внутренняя структура семантического гештальта «бюро путешествий» у немцев характеризуется шестью свойствами:

- это туристы и путешественники, а также организатор поездок;
- делает бронирование или заказ гостиницы по следующим уровням обслуживания: все включено, полный пансион, завтрак и ужин, с предоставлением определенных услуг в отеле;
- это агентство, бюро туристское;
- предоставляют турпоездку с комплексным обслуживанием с различными видами отдыха в разное время года и по различным странам и городам;

- вносит в жизнь красоту и проблемы;
- предоставляет различные виды транспорта от самолета до машины на прокат.

Когнитивный уровень (41%). Если сравнить семный состав лексического значения термина, мы видим, что семантический гештальт языкового сознания также полно раскрывает содержание термина «бюро путешествий». Специфично то, что в реакциях много географических названий.

«Бюро путешествий» – «это туристы и путешественники» – «бронирование гостиницы, где все включено и есть страховка» – «это агентство и туристское бюро» – «предоставляет турпоездку с комплексным обслуживанием с различными видами поездок на корабле, на автобусе по городу» – «приносит в жизнь красоту» – «использует транспорт – машину на прокат».

Прагматический уровень (6%): *Last Minute Reisen, Schoenheit красота, Probleme, Leben жуть.*

Грамматический и лексико-семантический уровни (46%):

Лексический уровень.

- Синонимия: *Reisebuero – Agentur, Touristenbuero.*
- Целое – часть: *Reisebuero – Touristen, Traveler, Reiseveranstalter* организатор поездок;
  - *Planung* планирование, *Angebote* предложение, *Beratung* обсуждение;
  - *Reservierung, Buchung* бронирование, *Versicherung* страховка;
  - *Pauschalreisen* турпоездка с комплексным обслуживанием, *Staedtereise* поездка по городу;
  - *Mietwagen* машина на прокат.
- Часть – целое: *Reisebuero – Schoenheit* красота, *Probleme.*

Морфологический уровень (11%):

- *Touristen – Touristenbuero;*
- *reisen – Reiseveranstalter – Schiffreisen – Abendteuerreisen – Pauschalreisen – Staedtereise – Wellnessreisen;*
- *Kaffeefahrt – Busfahrt;*
- *Halbpension – Vollpension.*

Синтаксический уровень (0%).

Итак, данный гештальт содержит все уровни, кроме синтаксического. Самые многочисленные уровни – когнитивный и лексический и морфологический. Прагматический уровень не является многочисленным, так как предметное представление в гештальте «бюро путешествий» вытесняет оценку и эмоции.

Внутренняя структура семантического гештальта «бюро путешествий» у американцев характеризуется шестью свойствами:

- это клиенты: туристы, люди и т.д.
- персонал: туристические агенты, клерки;
- необходимы деньги, предоставляемые документы: паспорт, страховки, визы; получение информации через Интернет; офисное оборудование: карта, письменный стол, компьютер;
- работает с консульством и посольством;
- организует путешествия, туры, где есть море, пляжи и пальмы в Европу или Майями;
- должно предоставить удобство в поездке, все должно быть официально, и с предупреждениями;
- предоставляют проживание в гостинице и транспортные средства от корабля до автобуса.

Когнитивный уровень (57%). С определением из туристического словаря в рамках данного гештальта совпадает та часть, в которой актуализируются обязанности бюро: оно должно предоставлять туры-луги и организовывать поездки.

«Бюро путешествий» – «это туристы и клиенты» – «с деньгами, чтобы сделать себе бронирование гостиницы, билетов и т.д.» – «работает с консульством и посольством» – «организует путешествия и туры на каникулах» – «чтобы все это было удобно» – «туристы любят плавать на кораблях».

Прагматический уровень (3%): *warning, official, free, slow, convenient.*

Грамматический и лексико-семантический уровни (36%):

Лексический уровень:

- Целое – часть: *travel agency – tourists, travel agents;*
  - *reservation, suggestions;*
  - *map, desk, computer;*
  - *passport, visa, money;*
  - *tours, excursions.*
- Часть – целое: *travel agency – consulate, embassy;*
  - *tourism.*

Морфологический уровень (4%):

– *tourists – tourism – tours.*

Синтаксический уровень не зафиксирован.

Итак, данный гештальт имеет самые объемные составляющие – когнитивную и лексическую. Морфологический и прагматический

уровни представлены единичными реакциями, а синтаксический не актуализирован вообще.

Представляется возможным сделать следующий вывод: гештальты «бюро путешествий» русского языкового сознания, немецкого языкового сознания и американского языкового сознания имеют значительное число совпадений с тем семантическим объемом специального понятия, которое отражено в слове. Разница состоит в том, что каждый гештальт выявил наличие дополнительных свойств. У американцев и немцев имеет значение такое свойство, как транспортные средства, которые являются неотъемлемой частью жизни. В Европе и Америке пользуются транспортом чаще, чем в России (*выводы сделаны по данным 2005 года, поэтому на сегодняшний день ситуация может выглядеть иначе*). В силу этого транспорт не отражен в русских реакциях. У русских также не указано проживание. Количество свойств в немецком и русском сознании одинаково, но они отличаются смысловым наполнением. Немцы более скрупулезно относятся к поездке и к своей жизни, у них есть все от уровня обслуживания вплоть до транспорта. Такая же картина наблюдается и у американцев. Кроме того, у них реакция «деньги» в данном гештальте является преобладающей. Русские не дали ни одного отказа, у немцев отказы составили – 123, у американцев – 83.

Безусловным остается тот факт, что в силу этнической обусловленности мышления людей разных наций даже в области интернациональной деятельности, названной интернациональной лексикой, будут проявляться несовпадающиеся стратегии ассоциирования, сами ассоциации, количественно-качественные различия и когнитивный состав ассоциативного поля.

Следовательно, с опорой на концепцию «семантического гештальта» могут быть построены многие последующие классификации. Особенно полезен данный подход при межкультурных сопоставлениях, что очень важно для психолингвистического исследования. Следует заметить, что приведенную классификацию сложно однозначно отнести к лингвистической или психологической классификациям. Она базируется на определенной совокупности и ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ, и когнитивных, и ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ (так как идея «гештальта» в лингвистику, например, пришла из гештальт-психологии). Рассмотренная идея «семантического гештальта» является по своей сути междисциплинарной и может претендовать, по мнению Е.И. Горошко, на определенную универсальность. Во всяком случае, она максимально элиминирует «противоречивость», заложенную в чисто психологиче-

ских, логических или лингвистических классификациях [Горошко, 2001, с. 253]. По всей видимости, насколько сложно по своей сути явление ассоциации, настолько и сложна ее классификация, поэтому она не может строиться на линейных (одномерных) принципах.

Литература

АТСРЯ – Ассоциативный тезаурус современного русского языка (АТСРЯ). Т. I, II, III. М., РАС, 1994–1998.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков ; М., 2001.

Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психологических исследованиях. Калинин, 1978.

Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации худ. текста // Материалы IX конгресса МАПРЯЛ, Братислава. М., 1999.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М., 2000.

Новикова А.М. «Семантический гештальт» в структуре ассоциативного поля. М., 1998.

Туристский терминологический словарь. М., 1999.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ НА СТРАНИЦАХ ГОРОДСКИХ САЙТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В.А. Ларин

Ключевые слова: городской сайт, коммуникативная стратегия, Интернет, реклама, электронные коммуникации.

Keywords: citysite, communicative strategy, Internet, advertisement, Internet-communications.

В настоящей статье мы рассмотрим возможность применения некоторых манипулятивных технологий на страницах городских сайтов Западной Сибири, используемых для привлечения внимания аудитории, увеличения числа посетителей сайтов и побуждения их к принятию решения о покупке того или иного товара или использованию услуг той или иной компании, принятию политического решения, посещения какого-либо учреждения или мероприятия и пр. Под манипулятивными технологиями мы будем иметь в виду использование скрытых

для реципиента стилистических приемов, позволяющих воздействовать на чужое сознание и влиять на его выбор. Единицей исследования в нашем случае являются стилистические приемы влияния в совокупности с типами сообщений и высказываний, в зависимости от которых они по-разному используются.

В качестве объекта исследования мы выбрали 11 городских сайтов Западной Сибири – среди которых НГС (Новосибирский городской сайт), Сибнет, ГородГид, НГС24, КГС, Yarsk.ru, Tomsk.ru, Novokuznetsk.su, Keminfo.ru, Gorod55.ru и Barnaul-Altai.ru¹. Нами исследуются различные сообщения 2007–2009 годов, опубликованные на этих сайтах в разделе новостей, а также ряд аналитических статей и материалов из тематических разделов этих сайтов, посвященных, к примеру, отдыху и пр. (в общей сложности порядка 1 500 сообщений). Помимо этого, мы (в меньшей степени, чем сообщения и статьи) рассматриваем и проводящиеся на сайтах интернет-конференции, размещенные на их страницах рейтинги, форумы, общее содержание и оформление разделов – весь доступный для влияния на аудиторию инструментарий, анализируя его во взаимосвязи с информационными сообщениями.

Целый ряд западных и российских исследователей констатировали возможность средств массовой информации влиять на общественное сознание. Так, немецкая исследовательница Э. Ноэль-Нойман видит возможность манипуляции в механизме предоставления слова меньшинству (например, отдельным частным экспертам), пытающемуся говорить от имени большинства [Ноэль-Нойман, 1996]. В свою очередь, американский исследователь П. Лазарфельд пришел к выводу о том, что меньшинство (несогласная с содержанием сообщений сайта аудитория) склонно присваивать себе заслуги большинства (аудитория, на которую сайт может легко влиять своими сообщениями), когда оно оказывается успешным или побеждает в какой-либо ситуации (например, в ходе предвыборной кампании) – ситуация, которую американский исследователь определяет как «эффект оркестрового вагона» [Rogers, 1994; Windahl, Signitzer, 1992]. Французские исследователи П. Бурдьё [Бурдьё, 2002, с. 21–27] и П. Шампань [Шампань, 1997, с. 229–240] говорят о тенденции (причем далеко не всегда сознательной, создаваемой человеком) к манипуляции в электронных СМИ и используемых ими приемах.

---

¹ Перечисленные сайты доступны по следующим ссылкам:

<http://www.ngs.ru>, <http://www.sibnet.ru>, <http://www.gorodgid.ru>, <http://www.ngs24.ru>,
<http://www.kgs.ru>, <http://www.yarsk.ru>, <http://www.tomsk.ru/>, <http://www.novokuznetsk.su>,
<http://www.keminfo.ru>, <http://gorod55.ru> и <http://www.barnaul-altai.ru/>

Однако нас больше интересует не конечный результат воздействия, а механизм, с помощью которого оно осуществляется. В конечном счете, универсальным средством воздействия (манипуляции) является замена способов новостного производства. В книге «Связи с общественностью: Теория и практика» А. Чумиков и М. Бочаров противопоставили два принципа подачи новостей: *make-story* («создание повествования-рассказа») и *make-sense* («создание смысла»), указав, что во втором случае «недостающие куски информации (или даже вся информация) могут заменяться смысловой интерпретацией <...> Первая модель подразумевает право выбора смысла за аудиторией, в то время как ньюсмейкер лишь представляет самые важные события, а вторая – что смысл уже изложен в содержании новости как отдельный элемент, с целью влияния. Целью такого рода операций является непосредственное включение индивида в некоторый социальный контекст для последующей реализации каких-либо запрограммированных целей. [Чумиков, Бочаров, 2003, с. 222–223].

Подобную подмену можно обнаружить не только в таких традиционных формах СМИ, как газеты, радио и телевидение, но и при анализе содержания интернет-сайтов. Являясь частью новостного производства, городские сайты Западной Сибири (в лице своих сотрудников и даже участников онлайн-обсуждений) в значительной степени отходят от простого информирования аудитории о событиях, происходящих в городе и имеющих отношение к его жителям, но также пытаются активно воздействовать на сознание потребителя, его выбор и последующую оценку. Таким образом, несмотря на то, что интерпретационная составляющая не является прерогативой городских интернет-сайтов, они обычно вводят определенные элементы позиционирования в сообщения. В этом случае граница между информационными и рекламными сайтами практически стирается.

Тематика сообщений исследуемых нами городских сайтов представлена таким образом, что новости, которые можно отнести к коммерческим и которые можно квалифицировать как рекламные (то есть содержащие элемент влияния), составляют порядка 5–10% от общего количества новостей. Сотрудники НГС отмечают, что на 30 новостей, которые выходят у них в день, две являются чисто коммерческими (то есть за них платят деньги в отдел продаж).

Однако стилистические приемы влияния используются достаточно часто даже там, где речь не идет о заказных материалах. Как известно, любое высказывание может рассматриваться с трех позиций: что сообщается, как сообщается и зачем сообщается. Пользуясь методом

контент-анализа, можно утверждать, что всякое нарушение баланса трех единств и выдвигание категории цели на первый план содержит элемент воздействия. В свое время нидерландский исследователь Т. ван Дейк в книге «Язык. Познание. Коммуникация» [ван Дейк, 1989] говорил о том, что в любом акте коммуникации выделяется интерес (тема), стиль (способ общения) и цель. В рассмотренных ниже высказываниях целевой аспект явно превалирует над тематическим и стилизовым.

Целевой аспект высказывания, в свою очередь, можно выделить в следующие типы (рассматриваются сообщения, не помеченные на сайтах как рекламные):

1. Создание положительного имиджа лица.

«Начиная с себя... Губернатор Кемеровской области принял решение о 10%-ном уменьшении заработной платы сотрудникам администрации Кемеровской области»¹ (поскольку заработная плата губернатора и сотрудников администрации является коммерческой тайной, то не представляется возможным сказать, насколько «обеднели» чиновники. Кроме того, как известно, помимо зарплаты существуют разные виды доплат, премий и бонусов, о которых ничего не известно. Тем не менее, сам факт, изолированный от системы, создает известный популистский эффект).

2. Создание положительного имиджа компании.

«Топ-книга погасила облигационный займ»² (использование слова «займ» вместо «заем» может указывать на то, что новость была написана не журналистом, а самой компанией).

3. Борьба с конкурентами.

«АЛПИИ» закрывает убыточный гипермаркет» (эта новость была опубликована на новосибирском НГС, хотя касается она Красноярска; комментарии к этому сообщению³, касающиеся финансовой несостоятельности компании, наводят на предположение о том, что данное сообщение могло быть написано намеренно с целью очернить данную сеть гипермаркетов). «Валютный трафик. В 2009 году новосибирцы смогут выбирать провайдера, но сэкономить на Интернете это не поможет» (статья, основанная на интервью, по сути, одного человека (!) – генерального директора компании «Новотелеком», иллюстрированная его же фото, где конкурент компании, ЭР-Телеком, назван «амбициоз-

---

¹ См. <http://www.keminfo.ru/news/4365>

² См. <http://news.ngs.ru/more/42776.php>

³ См. <http://news.ngs.ru/comments/42787>

ным новичком» – явное нарушение правила беспристрастности журналистского текста)¹.

4. Подмена информативного сообщения рекламным.

«Открылся сосудистый центр»² (новость, которую можно воспринимать двояко: и как информацию, и как рекламу).

Одним из стилевых приемов, позволяющих дифференцировать информативные и манипулятивные сообщения, является соотношение денотатов (слов, имеющих сугубо предметное содержание) и коннотатов (слов, содержащих положительную или отрицательную окраску). В отобранных нами примерах доля коннотатов явно превышает норму, допустимую для чисто информативных дискурсов. Причем присутствуют как положительно окрашенные коннотаты («тариф для разговорчивых новосибирцев», «погашенный займ»), так и отрицательно окрашенные («убыточный гипермаркет», «конкуренты», «амбициозные новички» и др.).

Указанные типы сообщений, вызывающие у читателя ту или иную оценку фигурантов (субъектов) статьи или новости (частных или юридических лиц), а также содержащие в себе оценку, сделанную журналистом в статье, следует считать новостями или статьями влияния – то есть оказывающими влияние на выбор покупателя в отношении того или иного товара, компании, услуги или чего-либо, связанного с тем или иным человеком (например, продуктов его творчества и т.п.).

Кратко обозревая наличие новостей влияния на других анализируемых нами сайтах отметим, что:

– на сайте КГС они практически отсутствуют, но есть отдельный раздел «Ваши новости», куда компании и частные лица могут присылать свою информацию – абсолютно бесплатно;

– Yarsk.ru и Gorod55 компилируют чужие новости, причем далеко не всегда касающиеся региона и даже России;

– Sibnet, Tomsk.ru и Novokuznetsk.su коммерческие новости влияния практически не используют, но томский сайт может использовать новости бизнес-влияния в разделе «Финансовые новости» (<http://www.tomsk.ru/finance/news/>), а новокузнецкий сайт в значительной степени использует положительные оценки действий местной власти, поскольку она имеет отношение к финансированию проекта (по средством редакции газеты «Новокузнецк»);

¹ См. <http://news.ngs.ru/more/42737.php>

² См. <http://news.ngs24.ru/news/20090206/33891>

– НГС24, являясь филиалом НГС в Красноярске, также использует новости влияния на своих страницах;

– GorodGid очень непредвзят в собственных новостях, но имеет раздел «Новости партнеров», куда и помещает все подобные новости – <http://www.gorodgid.ru/clientNews.htm>;

– Barnaul-Altai.ru довольно часто использует новости влияния – попеременно с другими новостями, как например в новости «Майминский ЖБИ выпустил свой первый продукт» – <http://www.barnaul-altai.ru/news/citynews/?id=30719>. Отметим, что подобные новости посвящены не только бизнесу, но и власти¹.

В целом, мы можем выделить две модели использования манипулятивно-рекламной информации на страницах городских сайтов региона: 1) модель скрытого, или параллельного, использования, наряду с другими новостями (наглядный пример – НГС); и 2) модель создания отдельного блока, посвященного клиентским или коммерческим новостям (GorodGid, Yarsk.ru и др.).

Кроме того, сильным инструментом влияния являются комментарии к статьям (являющимися своего рода продолжениями информационных сообщений – комментарии располагаются сразу же под сообщением), в формировании которых принимает участие сама аудитория. Специфика интернет-издания предполагает многократное усиление интерактивности в сравнении с иными СМИ. В то же время следует отметить, что интерактивность влияет не только на такие моменты, как интерес в выборе темы или особенности стиля того или иного сообщения, но и на формирование целеполагания высказываний.

В ходе диалога с сотрудниками редакции НГС.Новости выяснилось, что решения об интересности и важности тех или иных новостей для аудитории принимаются во многом на основе комментариев к предыдущим сообщениям по этой или похожей теме. Как отмечает редактор НГС-Новости Константин Пономарев, *«НГС, в силу своей специфики интернет-издания, в отличие от газеты, сразу видит количество прочтений, и какая новость вырывается вперед. Сразу появляется рейтинг новостей, даже если они очень свежие. НГС видит динамику, и если новость активно читается, то это означает, что ей нужно уделить особое внимание»* [Пономарев, 2006, с. 33].

---

¹ См. новость «ИТАР-ТАСС: Губернатор Алтайского встретился с лауреатами Правительственной награды» (<http://www.barnaul-altai.ru/news/citynews/?id=30707>). Новость сама по себе очень малоинформативная, поскольку губернатор ежедневно встречается с огромным количеством людей.

Мы можем отдельно выделить такое свойство комментариев (которые мы рассматриваем как продолжения информационного сообщения и базис для создания новых сообщений в будущем), как полемичность. Дело в том, что по своей сути они не являются форумом, обсуждающим ту или иную тему, а являются комментарием к новости (статье) – то есть некой содержательной информацией, касающейся сути изложенного в сообщении вопроса. Вместе с этим, на практике все превращается в открытую полемику, с диалогами и полилогами, с ответами на комментарии других пользователей, и с многочисленным количеством шуток. Мы можем прийти к выводу, что организаторы сервиса комментариев намеренно превратили его в подобие форума, введя для пользователей возможность не просто написания комментариев, а ответов на комментарии любого пользователя. По свидетельству корреспондента НГС-Новости Марка Волкова, это создано с целью, во-первых, дать возможность аудитории доработать новость, помочь журналисту, исправить его ошибки, добавить свои факты, касающиеся темы – то, что журналист не знает, или не упомянул, с тем, чтобы в последующих сообщениях по этой теме журналист мог учесть всю эту информацию. Во-вторых, такой мини-форум создает свою целевую аудиторию. Люди заходят туда, чтобы узнать мнение других и чтобы поспорить с ними. А это все положительным образом влияет на посещаемость, наращивая ее. В-третьих, это дает ориентировку журналисту и редактору именно на те вопросы и темы, которые реально волнуют аудиторию, подготавливая почву для следующих статей. Наконец, это дает возможность редактору контролировать работу журналиста по части качества: если в комментариях аудитория указывает журналисту на множество ошибок, и если комментариев вообще мало, то, значит, статья написана плохо.

Отметим, что экспертное мнение авторитетных в среде аудитории лиц (экспертов) для комментирования статьи (новости) не привлекается. Вместе с этим, комментарии простых пользователей имеют ряд существенных недостатков – для того, чтобы они являлись авторитетным мнением для других читателей: во-первых, в них допускается множество орфографических и других ошибок (мнение людей, допускающих много ошибок, как известно, не слишком высоко ценится, поскольку указывает на их уровень образования и на другие сопутствующие вещи); во-вторых, дискурс этой коммуникативной среды, присутствующей в комментариях, по своей сути юмористичен, то есть несерьезен, а такие мнения также не вызывают доверия читателей. Наконец, все пользователи имеют зарегистрированные имена, большинство из кото-

рых вызывают у читателя-реципиента негативную оценку пишущего: stupor, VULVA, Нахрената, Bugavchik, Клон, Посторонний, неважно, Dezu, Капчур Сибирский, Новичок, НеворуюЧужиеНики-Анастасия, авпавпра, ЦЦЦ, А1, ОльКа123, Фана и прочими. Эти пользователи могут подписываться и своими реальными именами и должностями, но такая скрытность дает возможность для совершенно свободного выражения своего мнения.

Поэтому становится само собой очевидным, что мнение журналиста является в этом дискурсе самым главным и авторитетным (а соответственно и наиболее удобным для осуществления влияния): оно изложено в грамотной форме, оно серьезно по тону, а также по своему социальному положению журналист как бы находится выше своей аудитории, над ней, поскольку он имеет возможность писать такие тексты и привлекать экспертов, а аудитория в данном случае ограничена в своих правах, и может лишь читать тексты и писать комментарии. Но если бы к комментированию статей (уже постфактум) привлекались уважаемые в среде аудитории эксперты, то их мнение было бы намного авторитетнее.

В значительной степени влияние на аудиторию используется и в таком разделе, как «интернет-конференции» (<http://business.ngs.ru/conference/>). Здесь мы можем выделить такие аспекты манипуляции, как предоставление выборочного мнения выборочным экспертам, манифестация идеальности эксперта и организации, которую он представляет. Отметим, что отрицательные вопросы всегда удаляются модератором конференции, иначе бы они теряли свой смысл. Дискурс интернет-конференций всегда положителен по сути. Это объясняется их коммерциализированностью. Никто не приглашает эксперта (экспертов) для того, чтобы дать им негативную оценку. Во-первых, они на это (как показывает практика) не согласятся, во-вторых, они больше не будут участвовать в конференциях на этом сайте, а это удар по сложившимся тесным связям и дружественным отношениям с другими организациями, отрицательный пиар. В-третьих, привлечение эксперта на онлайн-конференцию редко проходит обособленно от параллельного сотрудничества сайта с этим экспертом (или его организацией) в других областях – как, например, платная реклама на сайте, размещение позитивных новостей, совместный проект, спонсорство и пр.

Если конференции, наподобие «Как уберечься от мошенничества»¹ (с подполковником милиции), вполне можно считать действительно информирующими аудиторию, с достаточной долей объективности, с участием лица, представляющего бесспорный авторитет в глазах аудитории (старший офицер милиции), то конференции, наподобие «Ланта-Банк» в новых экономических условиях»² или «Связь, которая сближает»³ (с участием представителя компании «Арктел») имеют минимальный интерес для аудитории и значительный элемент навязываемости для нее. Анализ вопросов, заданных на приведенных нами в качестве примеров конференциях, показывает, что, во-первых, на первой из них количество вопросов примерно в два и даже более превышает количество вопросов на двух остальных конференциях (поскольку собственная безопасность волнует людей больше, чем «Ланта-Банк» или компания «Арктел» с услугами связи), а во-вторых, вопросы, заданные на первой конференции, более разнообразны и более репрезентативны по охвату задающей их аудитории, чем вопросы на двух других конференциях. Более того, в том, что касается, к примеру, конференции «Ланта-Банка», на основе анализа становится очевидным, что значительная часть вопросов была задана сотрудниками банка или же журналистами НГС, так как отсутствовали другие вопросы, а оставлять спикера без вопросов означало бы разочаровать его и понизить интерес к участию в конференциях в дальнейшем. К примеру, уже первый вопрос касается того, как изменилась кадровая политика банка в условиях кризиса. Маловероятно, что это интересно кому-либо из посетителей настолько, что он решил задать этот вопрос, но наверняка это в большей степени волнует сам банк – а точнее то, как он выглядит в глазах соискателей работы и вообще среди сообщества потенциальных клиентов.

Кроме того, напомним, что у НГС есть свои постоянные клиенты – клиенты, которые регулярно размещают баннеры на страницах сайта и платят за это деньги, клиенты, которые выступают экспертами (как правило, это компании) в различных специализированных разделах на сайте – таких как «Недвижимость», «Бизнес», «Финансы», «Афиша», «Авто» и пр. К примеру, экспертами по ипотечному кредитованию выступают далеко не репрезентативные (то есть не дающие полной объективной картины рынка) представители филиала Газпром-

¹ Ссылка на эту конференцию: <http://business.ngs.ru/conference/130/>.

² <http://business.ngs.ru/conference/124/>.

³ <http://business.ngs.ru/conference/122/>.

банка в Новосибирске и банка «ДельтаКредит». Эксперты по финансам – это представители «Первой юридической компании» (в финансовом мире, пожалуй, не попадающей даже в первую тысячу) и Группы компаний БКС (действительно, надо заметить, так называемого маркет-мейкера, одного из лидеров отечественного финансового рынка); но здесь отсутствуют другие компании.

Попытка манипуляции рынком и имиджем компаний представлена также подразделами «Рейтинг агентств» и «Рейтинг застройщиков», где наглядно виден список из многих компаний, со своей иерархией. В список мест для отдыха в разделе «Афиша» (как то, например, рестораны или кафе) присутствуют далеко не все популярные и известные всем заведения. В разделе «НГС.Товары» представлены далеко не все товары и услуги, предлагаемые местными компаниями, и так далее.

Во всех разделах всех выбранных нами сайтов весомое значение имеют отзывы посетителей о деятельности тех или иных компаний, или о тех или иных людях – в особенности в таких разделах, как «Работа» (<http://rabota.ngs.ru>), «Афиша» («Отдых») (<http://relax.ngs.ru>), «Туризм» (<http://turizm.ngs.ru>) и других. Негативная оценка, оставленная, к примеру, о том или ином туроператоре и предлагаемом им туре, может поставить большой и длительный крест на этой компании – причем не только среди посетителей сайта, но и среди других людей, до которых эти пользователи донесут эту информацию¹. Эта же самая негативная оценка может быть применима и к ресторану или кафе: достаточно один раз оставить каверзную заметку относительно плохого или даже недопустимого качества еды в том или ином ресторане, как вряд ли кто-либо из прочитавших эту заметку посетит этот ресторан в будущем. Возьмем хотя бы разгромную по тональности рецензию конца 2007 года на посещение новосибирского гриль-бара «Куба» (написанную обиженной официанткой журналисткой²), который другим кажется вполне прекрасным местом для ужина и отдыха. Конечно же, эти форумы могут использоваться как и самими туроператорами (разумеется, инкогнито) для, наоборот, положительного приукрашивания своих туров³ и successful story счастливых клиентов, так и конку-

---

¹ Как это наглядно можно почитать, например, вот здесь:

http://turizm.ngs.ru/forum/showflat.php?table=0&Cat=0&Board=tourizm_zagran&Number=1873343241&page=4&view=collapsed&sb=5&o=&fpart=1

² Имеется в виду статья «Неудавшаяся сиеста или «бизнес-ланч» от 6.10.2007 (<http://relax.ngs.ru/news/more/22980/>)

³ Например, таким образом: <http://turizm.ngs.ru/article/878> или таким: <http://forum.ngs.ru/showflat.php?Board=tourizm&Number=1873291319>. В последнем случае

рирующими организациями, которым также абсолютно ничто не мешает очернить своих конкурентов и их услуги (также, разумеется, анонимно) и приукрасить, в свою очередь, свои. Это же касается и работодателей, и предприятий питания и досуга.

В заключение мы можем сделать вывод о том, что на городских сайтах достаточно активно используются приемы влияния на аудиторию – в первую очередь на сайте НГС. Влияние проявляется за счет отбора самих сообщений, которые сознательно отбираются журналистом или редактором и содержат субъективную оценку, а также за счет использования открыто коммерческих (платных) и скрытых новостей влияния, представляющих интересы партнеров редакции, спонсоров, знакомых, друзей и просто субъектов, к которым она лояльна. Стилистически в своих материалах журналист использует маску компетентности. Кроме того, влияние производится и за счет отбора экспертов для комментирования материала. Влияние осуществляется и в отдельных разделах за счет опять-таки выбора экспертов, предоставления мнения узкому меньшинству, зачастую неавторитетному и неквалифицированному, использования различных рейтингов. Помимо этого, удобным инструментом влияния являются онлайн-конференции, в которых произвольно осуществляется отбор экспертов (спикеров) и самой тематики конференции.

Наконец влияние в значительной степени используется в комментариях к новостям (статьям), которые являются своего рода продолжением информационного сообщения и оказывают весьма существенное влияние на фигурантов статьи (компанию, ее товар, человека, учреждение и т.п.). Это достигается за счет репрезентативности представленных мнений. Однако эффект таких сообщений нивелируется за счет использования несерьезной тональности, ошибок и скрытости личности комментирующего.

Литература

- Бурдые П. О ТВ и журналистике. М., 2002.
Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

«Маленькая доли», вероятнее всего, сотрудник отдела продаж авиакомпании «Сибирь», которая напрямую (материально) заинтересована в увеличении объема продаж своего отдела. Этот пример, конечно же, далеко не единственный. Достаточно просто посмотреть список форумов на <http://www.forum.ngs.ru>

Пономарев К. Как правильно написать новость? // Семинар Новосибирской школы практической журналистики. Новосибирск, 2006.

Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью : Теория и практика. М., 2003.

Шампань П. «Делать мнение: новая политическая игра». М., 1997.

Rogers E.M. A history of communication study. A biographical approach. New York, 1994.

Windahl S., Signitzer B. Using communication theory. An introduction to planned communication. London etc., 1992.

ЖУКОВСКИЙ И БУНИН : ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЗЕРКАЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКОВ.

Е.Е. Анисимова

Ключевые слова: Жуковский, Бунин, образ зеркала, баллада, мотивология.

Keywords: Zhukovsky, Bunin, image of mirror, ballad, motif.

В отличие от давно и продуктивно осмысляющихся в литературоведении тем «Жуковский и Блок» [Топоров, 1975; Мушина, 1980; Абраменко, 1990; Барбачаков, 1992; Анисимова, 2008], «Жуковский и Цветаева» [Войтехович, 2004], «Жуковский и Булгаков» [Янушкевич, 1992; 1996; 1997], «Жуковский и Введенский» [Фаустов, 2007], сопоставление Жуковского и Бунина является скорее потенциальным, хотя и ожидаемым – в силу объективных биографических оснований, – объектом исследования¹. Масштаб проблемы задается уже количеством бунинских упоминаний о Жуковском: в художественных текстах, переводах², дневниках, письмах, высказываниях, записанных современниками. Разработка данной темы имеет два ключевых аспекта: биографический и историко-литературный. Биографический ракурс подразумевает изучение образа Жуковского в контексте тщательно создававшегося Буниным семейного мифа, в рамках которого автор «Певца во

---

¹ Пока анализ проблемы ограничивается краткими экскурсами в контексте более общих тем и / или указанием на отдельные реминисценции [Атаманова, 1998; Пронин, 2001].

² Так, Бунин переводит тексты европейских авторов, актуальные в свое время для Жуковского-переводчика: отрывок поэмы «Лала-Рук» Т. Мура и «Лесной царь» В. Гете. См.: [Литературное наследство, 1973, с. 202–203, 207–208].

стане русских воинов» воспринимался скорее как символическая фигура, своего рода литературный «первопредок», определяющим образом воздействовавший на идентичность самого Бунина в эстетической полемике начала XX века. В свою очередь, историко-литературный аспект предполагает исследование ассоциирующейся с именем Жуковского поэтической традиции в художественной системе Бунина. Взаимообусловленность этих подходов очевидна и подтверждается высказываниями самого «последнего русского классика». Так, в письме к Н.Р. Вредену от 9 сентября 1951 года Бунин (кроме всего прочего, автор рассказа с характерным названием «Баллада») пишет о том, что *«классически кончает ту славную литературу, которую начал вместе с Карамзиным Жуковский, а говоря точнее – Бунин, родной, но незаконный сын Афанасия Ивановича Бунина и только по этой незаконности получивший фамилию “Жуковский” от своего крестного отца (курсив И.А. Бунина. – Е.А.)»* [Бабореко, 2004, с. 408].

Вероятно, наиболее существенным и репрезентативным художественным¹ источником, на материале которого типология бунинского интереса к Жуковскому может быть реконструирована, являются непосредственно связанные друг с другом повести «Деревня» (1910) и «Суходол» (1911). В «Суходоле» автор открыто высказывается о генетическом и ментальном единстве крепостных и их хозяев (укажем здесь на прекрасно известное Бунину происхождение самого Жуковского). *«Кровь Хрущевых мешалась с кровью дворни и деревни спокон веку»* [Бунин, 1987, с. 118]; *«У господ было в характере то же, что у холопов: или властвовать или бояться»* [Бунин, 1987, с. 139]. Центральным образом, реализующим это единство в пространстве текста, становится зеркало. В литературоведческой истории изучения зеркальности специально можно выделить семиотическое [Зеркало. Семиотика зеркальности, 1988], жанровое [Лебедева, 1996] и психоаналитическое [Созина, 1997]² направления. Функции образа зеркала у Бунина многообразны – от демонстрации различных этапов самоопределения персонажей, организации системы их взаимодействия до ориентации читателя на генезис балладного жанра и решения фундаментальных вопросов миромоделирования.

Через этот полифункциональный образ даны зеркальные пары персонажей: в «Суходоле» – Наташки и Тони, а в первой части дило-

¹ Здесь и далее курсив наш за исключением специально оговоренных случаев.

² При анализе рассказа «У истока дней» и романа «Жизнь Арсеньева» Е.К. Созина опирается на концепцию Жака Лакана, термин которого («стадия зеркала») и вынесен в название статьи.

гии, «Деревне», – Тихона и Кузьмы. Сходство судеб Тони и Наташки подчеркивается Буниным неоднократно – в характерных синтаксических конструкциях, в которых героини выступают как двуединый образ. «Сошла с ума – от несчастной любви – и тетя Тоня <...> сходила с ума и Наталья» [Бунин, 1987, с. 116]; «Тронулась же тетя Тоня и в ссылке побывала Наталья – из-за любви», «приезд его оказался гибельным и для Натальи и для тети Тони» [Бунин, 1987, с. 131]; «“У ней – свой, а у меня – свой”, – не то думала, не то чувствовала Наташка» [Бунин, 1987, с. 135]; «барышня обрекла себя богу и, значит, замуж ее не пустит» [Бунин, 1987, с. 143]; «и думать не смела она (Наташка. – Е.А.) ни противиться, ни просить защиты у господ, у дворни, как не смела противиться барышня дьяволу» [Бунин, 1987, с. 158] и т.д. Участь дворовой Наташки является сниженным вариантом и отражением участи хозяйки. В этом контексте интересен введенный в эти параллельные любовные сюжеты образ-мотив зеркала. Неудачный роман Тони и Войткевича развивается на фоне большого зеркала в гостиной, односторонний роман Наташки завязывается вокруг зеркальца, украденного ею у Петра Петровича Хрущева.

Тоню и Войткевича вместе читатель может видеть только в одной из комнат барского дома – гостиной, обстановка которой подробно описывается Буниным: «В жаркие дни, когда его (балкон. – Е.А.) некло солнце, когда были отворены осевшие стеклянные двери и веселый отблеск стекла передавался в тусклое овальное зеркало, висевшее на стене против двери, все вспоминалось нам **фортепиано тети Тони, когда-то стоявшее под этим зеркалом. Когда-то играла она на нем, глядя на пожелтевшие ноты с заглавиями в завитушках, а он** (курсив И.А. Бунина. – Е.А.) **стоял сзади, крепко подпирая талию левой рукой, крепко сжимая челюсть и хмурясь**» [Бунин, 1987, с. 122]; «барышня поминутно оправляла рукава легкого и широкого платья из оранжевого шелка, пристально смотрела в ноты, **сидя спиной к заре, ударяя по желтым клавишам, наполняя гостиную торжественно певучими, сладостно-отчаянными звуками полонеза Огинского и как будто не обращая никакого внимания на стоявшего за нею офицера**» [Бунин, 1987, с. 135]. Из этих описаний Тони и Войткевича ясно, что видеть стоящего сзади офицера героиня могла только в зеркало, висевшее над фортепиано. Ассоциативный фон возможных историко-культурных параллелей ситуации, в которой девушка наблюдает своего суженого в зеркало, весьма прозрачен. Такая организация пространства заставляет соотнести любовный сюжет Тони – Войткевича не только с упомянутой в тексте балладой Жуковского «Людмила», но и со «Светланой»,

восходящей к тому же источнику, «Lenoge» Г.А. Бюргера. Именно так начинается встреча Светланы и жениха-мертвеца в одноименной балладе Жуковского:

Робко в зеркало глядит:
 За ее плечами
 Кто-то, чудилось, блеснит
 Яркими глазами
 [Жуковский, 2008, с. 33]

Зеркало, соединяющее Наташку с Петром Петровичем, появляется в том же фрагменте текста, что и зеркало Тони – Войткевича. Бунин здесь впервые упоминает о составе и месте «преступления»: *«той самой бане, где Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце»* [Бунин, 1987, с. 123]. Помещение, в котором хранится зеркальце, с одной стороны, соответствует маргинальному положению героини в усадьбе, а с другой стороны, вводит в текст тему гаданий и народной магии. Исследователь народных ритуалов отмечает: «Широко распространенное гадание с зеркалом, особенно в бане в полночь, считалось наиболее надежным способом гадания о суженом» [Райан, 2006, с. 161]. Зеркальце для Наташки становится иррациональным способом обретения «небывалой близости» с возлюбленным: *«всего страшнее и праздничнее было за садом, в заброшенной бане, где хранилось двойное зеркальце в тяжелой серебряной оправе, – за садом, куда, пока еще все спали, по росистым зарослям, тайком бежала Наташка, чтобы насладиться обладанием своего сокровища»* [Бунин, 1987, с. 132–133].

Еще одной особенностью взаимодействия с зеркалом главных героинь «Суходола» является то, что они имеют возможность смотреться в одно и то же зеркало вместе со своими возлюбленными. Так, Тоня и Войткевич описаны перед зеркалом в гостиной, Наташка и Петр Петрович смотрятся в двойное зеркальце. То, что в последнем случае вглядывание в зеркало осуществляется в разное время, соответствует функции зеркала демонстрировать иной мир, в том числе мир прошлого и будущего, например, «в сцене гадания, когда требуется установить, какой индивид из множества индивидов, существующих в момент t1 (момент гадания), является женихом гадающей в момент t2» [Золян, 1988, с. 36–37]. Наташка благодаря украденному зеркальцу чувствует особую связь с молодым Хрущевым, *«какую-то сладкую тайну, небывалую близость между ним и собой»* [Бунин, 1987, с. 133]. Прodelываемый ею ежедневно ритуал помимо «космети-

ческого» имеет и потенциальный матримониальный смысл. Так, «в ряде обрядов вступающие в брак предварительно смотрят в одно зеркало» [Золян, 1988, с. 37]. Неслучайно поэтому, что владелицей отобранного у Наташки «роково[го] зеркальц[а] в серебряной оправе» оказывается в итоге Клавдия Марковна, ставшая женой Петра Петровича [Бунин, 1987, с. 151].

По словам Е.В. Душечкиной, «образ героини, гадающей на зеркале» о своем суженом, стал центральным в «Светлане» Жуковского, потеснив другие эпизоды баллады [Душечкина, 2007, с. 29]. Иначе говоря, именно этот образ стал визитной карточкой популярной баллады «первого русского романтика». Нам представляется, что появление в «Суходоле» аллюзий на «Светлану» Жуковского неслучайно (тем более что публикация повести Бунина в 1912 году приходится как раз на столетний юбилей «Светланы») и соответствует задаче, которую ставил перед собой «последний русский классик» – выявить черты русского национального характера, «душу русских людей вообще» [Бунин, 1987, с. 621]. Одну из главных причин востребованности баллады Жуковского в русском культурном пространстве точно обозначила Ф.З. Канунова: «“Светлана” формирует определенный миробраз, связанный с глубинными свойствами национального женского характера, укорененного в природной и культурной стихии» [Жуковский, 2008, с. 284]. В программных текстах русской литературы, воссоздающих женский национальный характер, – «Евгении Онегине» А.С. Пушкина¹ и «Войне и мире» Л.Н. Толстого – читатель встречает реминисценции этой баллады Жуковского. Показательно, что авторы не просто вводят тему святочных гаданий и образ зеркала (пушкинская Татьяна кладет зеркало под подушку, у Толстого Наташа и Соня во взаимоотраженных зеркалах пытаются разглядеть образ суженого), а используют прямую цитату из Жуковского для описания своих героинь.

У Жуковского:

Гускло светится луна
В сумраке тумана –
Молчалива и грустна
Милая Светлана
[Жуковский, 2008, с. 32].

У Пушкина:

«...Скажи: которая Татьяна?»

---

¹ В этот же ряд входят «Метель» и «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина.

– Да та, которая *грустна*
И молчалива, как Светлана,
 Вошла и села у окна
 [Пушкин, 1978, с. 50].

У Толстого:

«Она (Соня. – Е.А.) была *молчалива и грустна* и не отвечала» [Толстой, 1980, с. 302].

Поведение Тони Хрущевой, однако, в большей степени соответствует выбору героини первой баллады Жуковского. Бунин предлагает читателю именно этот литературный код прочтения своей повести: «Войткевич, может статься, и впрямь имел серьезные намерения, загадочно вздыхая возле Тонечки, играя с ней в четыре руки, глухим голосом читая ей “Людмилу” или говоря в мрачной задумчивости: “*Ты мертвецу святыней слова обручена...*”»; «*Все стихи ей читал, все напугивал: мол, помру и приду за тобой...*» [Бунин, 1987, с. 138, 126]. Речь идет о первой русифицированной переработке уже упоминавшейся баллады Г.А. Бюргера «Lenoge», осуществленной В.А. Жуковским, и о стихотворении М.Ю. Лермонтова, написанном в том же романтическом балладном ключе. Склонная к разыгрыванию ролей, как и все суходольцы, Тоня подражает балладной героине, отказываясь от полноценной жизни после утраты возлюбленного¹: «*Тонечка стала не спать по ночам, в темноте сидеть возле открытого окна, точно поджидая какого-то известного ей срока*» [Бунин, 1987, с. 138]. Кроме того, Войткевич, носитель польской фамилии, и жених Людмилы, владелец «дома» в Литве, соотнесены в национально-топографическом смысле – как символические представители одной и той же западной части Российской империи.

Востребованность в бунинской повести и «Людмилы», и «Светланы» – закономерна. В национальной культурной традиции эти две «русские» баллады были восприняты как «жанровые дублиеты» [Янушкевич, 2006, с. 95]. В «Светлане», по наблюдению А.С. Янушкевича, образ-мотив зеркала является воплощением романтического двоимирья, «соединяет сон и явь, здесь и там» [Янушкевич, 2006, с. 98]. В «Суходоле» попытка заглянуть через зеркало в другой мир оканчивается печально: Войткевич навсегда уезжает из усадьбы, Петр Петрович отправляет Наташку на дальний хутор. Более того, в зеркале гостиной

¹ В другом обращении к балладам Жуковского – в «Руслане и Людмиле» А.С. Пушкина – автор использует прием обманутого ожидания: жизнелюбие пушкинской Людмилы все время преодолевает намеченную балладную сюжетную схему.

дважды отражается смерть. Сначала Войткевич убивает на фортепиано бабочку (ассоциирующуюся с музицирующей Тоней): «перед отъездом он с сердцем хлопнул однажды ладонью по одной из них, трепетно замиравшей на крышке фортепиано» [Бунин, 1987, с. 122]. Затем в той же комнате Герваська убивает Петра Кирилловича: «дедушка вернулся в гостиную <...> изредка поглядывая в зеркало, где отражалось небо. Вдруг неслышно и быстро вошел Герваська – без казакина, заспанный, “злой, как черт”...» [Бунин, 1987, с. 142]. Как и для Светланы, проникновение в зазеркалье для Тони и Наташки начинает сливаться со снами. Вместо реальных возлюбленных к героиням в сновидениях начинают приходиться мнимые: к Тоне как будто сам дьявол, к Наташке – козел, представляющийся, что характерно, ее женихом. Жизнь все больше переплетается со снами: Тоня с истериками по утрам требует от девок рассказов об их сновидениях, Наташка верит в осуществление двух своих страшных снов. Как видим, роковая история вымирания русского усадебного барства описывается Буниным в балладном жанровом ключе.

Балладные героини Жуковского – Людмила и Светлана – по-разному воспринимают свою судьбу: первая ропщет на Бога, другая – верит в Провидение, именно это позволяет Жуковскому завершить «страшную» балладу счастливым финалом¹. Подобную разницу в восприятии несчастливой судьбы тонко чувствует Тоня, а со временем понимает и Наташка. *«Барышня ждала ее “как света белого”<...>. Наташка вернулась – и встречена была совершенно равнодушно. Но не были ли слезы барышни слезами горького разочарования? У Наташки дрогнуло сердце, когда она сообразила все это»* [Бунин, 1987, с. 145]. Если любовь к Войткевичу действительно переломила жизнь Тони, то Наташка по возвращении из Сошек выглядела оздоровевшей, но при этом смирившейся.

Помимо двоения двух главных героинь в «Суходоле» – Наташки и Тони – тема двойничества возникает также в описании связанных с зеркалами героя и художественного пространства повести. Так, имя Петра Петровича само по себе «устроено» как двойное зеркальце, а в случайном незнакомце Наташка по пути в ссылку видит своего возлюбленного. *«В бричке, уткнувши подбородок в шинель с капюшоном, сидел офицер <...>. Озарил ее безумная мысль, что это Петр Петрович»* [Бунин, 1987, с. 136]. Двойничество зафиксировано также в пространственной характеристике усадьбы. В суходольском доме «по

¹ См. публикацию планов «Светланы» Н.Ж. Ветшевой: [Жуковский, 2008, с. 287].

залу, **уменьшенному двойнику** того самого, где Хрущевы садились за стол с татарками, мы прошли в гостиную» [Бунин, 1987, с. 121].

Рассматривая мотивный комплекс «Суходола», нельзя оставить без внимания первую часть дилогии Бунина – повесть «Деревня». Сам автор подчеркивал нераздельность этих текстов: «Это произведение находится в прямой связи с моею предыдущей повестью “Деревня”» [Бунин, 1987, с. 621]. В системе персонажей обоих текстов много дублирующих героев: братья-антиподы; Донька *Коза* и Юшка-*козел*; пара хохлов и т.д. Ср.:

«Деревня»:

«но, проездив несколько лет, братья однажды чуть ножами не порезались – и разошлись от греха» [Бунин, 1987, с. 8].

«Суходол»:

«и все рос раздор между братьями. Доходило иногда до того, что они хватались за ножи и ружья» [Бунин, 1987, с. 159].

Зеркальность в системе мотивов «Деревни» занимает важное место, но ее функциональная нагруженность несколько иная, нежели в «Суходоле». Зеркало представляет собой механизм самосознания, связанный с подведением жизненных итогов Тихоном и Кузьмой Красовыми. Так, Тихон задумывается о напрасно прожитой жизни, подходя к висящему над столом зеркальцу, которое при мыслях о приближении смерти вдруг проясняется: *«Самовар, стоявший на столе возле простенка, бурлил, клокотал, **зеркальце**, висевшее над столом, **подернулось налетом белого пара**. <...>*

– Страм сказать! – пробормотал он. – В Москве сроду не бывал! Да, не бывал. А почему? Кабаны не велят! То торгашество не пускало, то постоялый двор, то табак. <...> А через пять, десять лет так же будут говорить и про Тихона Ильича:

– Покойный Тихон Ильич...

*В горнице стало теплей и уютней от нагретшейся печки, **зеркальце прояснилось**» [Бунин, 1987, с. 37–39].*

Кузьму, смотрящего в зеркало, одолевают схожие мысли о несостоявшейся жизни: *«И Кузьма **стал поглядывать в зеркало**: что это, в самом деле, за человек перед ним? Ночует в «общем номере», среди чужих, приезжающих и уезжающих людей, утром плетется по жаре на базар, в трактиры, где ловит слухи о местах <...>. Для кого и для чего живет на свете этот худой и уже седой от голода и строгих дум мещанин, называющий себя анархистом и не умеющий толком объяснить, что значит – анархист?» [Бунин, 1987, с. 77].*

Другой важный смысл образа зеркала – его способность отражать внешность человека: красоту или безобразие. Наташка, героиня «Суходола», предаваясь мечтам о барине, заглядывается в зеркало: «*Кончилось тем, что сам же Петр Петрович приказал остричь, обезобразить ее, принаряжавшуюся, сурьмившую брови перед зеркальцем*», «*для кого она, в безумной надежде понравиться, и заглядывалась-то в зеркальце*» [Бунин, 1987, с. 133]. В списке интересующих женщин товаров, продаваемых братьями Красовыми, тоже на первом месте – зеркала:

«– Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!

Товар – зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели – в рундуке» [Бунин, 1987, с. 7].

В историко-бытовом ключе это значение зеркала является главным, что неудивительно, ведь, по наблюдению современного исследователя, «зеркало – это то, что на уровне обыденного сознания слишком тесно связывается с женщиной и женским» [Савкина, 2007, с. 5]. Красота для Бунина-эстета – категория ключевая. Единственная героиня дилогии, которую Бунин безоговорочно наделяет красотой, – Молодая. Лейтмотивом и основным признаком привлекательности героини являются ее опущенные ресницы: «с вечно опущенными ресницами»; «эти ресницы волновали Тихона Ильича страшно» [Бунин, 1987, с. 23]; «с опущенными ресницами Молодая... Да от одних этих опущенных глаз сбежишь!» [Бунин, 1987, с. 53] и т.д. Магнетизм этой характеристики настолько силен, что она переходит даже в структуру сюжетно близкого к Молодой образа Дениски Серого, будущего ее мужа и невольного губителя. Обладатель «больших ресниц» [Бунин, 1987, с. 109]; Дениска Серый «был даже недурен и, зная это, степенно и скромно опускал темные ресницы» [Бунин, 1987, с. 111]. Этим же признаком наделена героиня «Суходола» Наташка, которая «ходила с опущенными ресницами» [Бунин, 1987, с. 145].

Вероятным лирическим источником этой характерной черты является стихотворение «Люблю глаза твои, мой друг...» поэта «школы Жуковского» Ф.И. Тютчева¹:

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

---

¹ Полезный обзор темы «Жуковский – Тютчев» см.: [Лейбов, 1999, с. 31–47].

Но есть сильней очарованья:
 Глаза, потупленные ниц
 В минуты страстного лобзанья,
 И сквозь *опущенных ресниц*
 Угрюмый, тусклый огонь желанья
 [Тютчев, 2002, с. 173].

Тютчев в своем стихотворении предвосхитил бунинское понимание страсти – явления физиологического («минуты страстного лобзанья») и потому конечного (нагнетание синонимов: «угрюмый, тусклый огонь желанья»), именно в этом показав ее трагизм и «очарованье»¹.

Финал «Деревни» – свадьба Молодой и Дениски Серого – пронизан балладными интонациями. Повесть Бунина встраивается в ряд «метельных» текстов русской литературы, у истоков которого находится «Светлана» Жуковского («Метель», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Бесы» А.С. Пушкина, цикл «Снежная маска» А.А. Блока и т.д.). Венчание в «Деревне» сопровождается необыкновенной метелью: «А за порогом несла непроглядная вьюга»; «вьюга не стихла и утром»; ««Батюшки, свету божьего не видно!..»»; «вьюга в сумерках была еще страшнее» [Бунин, 1987, с. 112–114] и т.д.

На лексическом уровне текста жених и невеста даны как обитатели загробного мира: «какой *могильный* камень лежит на ее скрытной душе!»; «на меня брешут, как на *мертвого*» [Бунин, 1987, с. 45–47]; «*мертвых с погоста* не носят» [Бунин, 1987, с. 109]; «рука Молодой, казавшейся в венце еще красивей и *мертвее*, дрожала» [Бунин, 1987, с. 114] и т.д. Тем же приемом Бунин пользуется в «Суходоле»: «полюбила она *покойного* дядю Петра Петровича»; «вдове *покойного* Петра Петровича» [Бунин, 1987, с. 116–117]; «Да авось еще в *могиле*-с наспимся...»; «женился *покойник* Петр Петрович»; «все стихи ей читал, все напугивал: мол, *помру* и приду за тобой...» [Бунин, 1987, с. 124–126].

Увертюрой к трагическим отношениям Алексея Арсеньева с Ликой становятся строки баллады Жуковского («*Скачут. Пусто все вокруг / Степь в очах Светланы...*») [Бунин, 1988, с. 180] и поездка героев на поезде во время метели. В подтексте «Суходола» встречаем этот же мотив «Светланы». После прослушивания Наташкиной истории у хохла возникает аналогия с метелью, что закономерно влечет за собой

¹ За консультацию по поводу стихотворения Ф.И. Тютчева «Люблю глаза твои, мой друг...» автор статьи благодарит А.Л. Осповата.

этимологический ассоциативный ряд мятежа и смятения. *«Евсей молот без умолку <...> и о Петре Петровиче, и, уж, конечно, о зеркальце, – а хохол, Шарый, или, как звали его в Суходоле, Барсук, только головой мотал и вдруг, когда Евсей смолк, рассеяно глянул на него и превесело заныл под нос: “Круть, верть, метелица...”»* [Бунин, 1987, с. 145–146].

На репрезентативность зеркальной образности у Бунина указывает как ее количественная представленность, так и продуктивное внедрение в структуру программных текстов писателя. Если сделать попытку выстроить типологию этого полифункционального образа у Бунина, то многообразие его ролей можно определить следующим образом:

1) зеркало как знак связи с потусторонним миром, часто смертью, выражает идею романтического двоемирия («Суходол», «У истока дней», «Господин из Сан-Франциско», «Казимир Станиславович», «Безумный художник»);

2) зеркало рассматривается как символический атрибут самосознания героя («Деревня», «У истока дней», «Жизнь Арсеньева», «Ночь»);

3) зеркало отражает человеческую внешность, что, учитывая тяготение Бунина к крайним проявлениям природных и человеческих свойств [Сливицкая, 2004, с. 91], чаще всего становится отражением или изысканной красоты, или редкого безобразия («Суходол», «Жизнь Арсеньева», «Личарда», «Всходы новые», «Митина любовь»).

Универсальность образа зеркала позволяет бунинским героям переживать последовательные этапы авторефлексии – первая рефлексия ребенка о себе самом, так называемая «стадия зеркала», осознание героиней своей женской сущности или подведение жизненных итогов. Причем эти смыслы практически неотделимы от возможных других – оценки своей внешности, создания визуального двойника и двойников в системе персонажей, контакта с иным миром, будь то установление связи с суженым, встреча со смертью или составляющая творческого процесса и т.д. Нужно отметить важнейшую особенность «зеркальных» текстов Бунина: их большая часть носит автобиографический характер – начиная от рассказа «У истока дней», к которому восходит один из фрагментов «Жизни Арсеньева», заканчивая «Ночью» и «Суходолом», в котором истории жизни Хрущевых имеют прямые аналогии с судьбами близких родственников Бунина.

Память о В.А. Жуковском являлась важнейшей частью семейной мифологии И.А. Бунина. К роду Буниных поэт, как известно, имел больше отношения, чем к семейству Жуковских. На это, по воспомин-

нениям А.В. Бахраха, и сетовал в первую очередь И.А. Бунин: «Он никак не мог примириться, что незаконный сын его деда от турчанки Сальмы (Сальхи – Е.А.) носит не имя Василия Афанасьевича Бунина, а по крестному – Василия Андреевича Жуковского. “А ведь не были бы придуманы “нелепые” узаконения, был бы поэт Буниным”, – приговаривал он» [Бахрах, 2000, с. 174]. Проблема рода, «породы» была для Бунина особенно значимой. Об этом свидетельствует последовательное изучение писателем антропологических учений рубежа веков, «которые затрагивали как вопросы познания, так и включали в себя теорию рас, вырождения, наследственности и т.д.» [Карпенко, 1998, с. 61]. Однако, по замечанию другого исследователя, «породистость для него не обязательно связана со знатностью: биологическая породистость гораздо важнее, чем именитость рода» [Мальцев, 1994, с. 21]. Как в «Суходоле», так и в других программных текстах Бунина, восходящий к «Светлане» Жуковского ассоциативно-образный ряд рождает и прямую аналогию с фигурой «первого русского романтика»: прозвищем Жуковского в «Арзамасе» было, как известно, имя этой его балладной героини – Светлана. Бунин продолжает традицию художественной этимологизации фамилии Жуковского (см. на эту тему: [Мароши, 2000]): «жуковский табак» оказывается характерной бытовой деталью повести. «Затем наставили столов, зажгли столько спермацетовых свечей, что они отражались во всех *зеркала*х, и по комнатам, полным дыма душистого *жуковского* табаку¹, шума и говора, был золотистый блеск, как в церкви» [Бунин, 1987, с. 141]².

Литература

Авраменко А.П. А. Блок и русские поэты XIX века. М., 1990.

Анисимова Е.Е. О судьбе одного романтического мотива в символизме: «рыцарство» у В. Жуковского и А. Блока // Утопическое и фантастическое в русской литературе XX–XXI вв. Вып. 14. СПб., 2008.

Атаманова Е.Т. И.А. Бунин и В.А. Жуковский (К проблеме реминисценций в творчестве И.А. Бунина) // Творчество И.А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 1998.

Бабореко А.К. Бунин : Жизнеописание. М., 2004.

Барбачаков А.С. В.А. Жуковский в творческом сознании А.А. Блока : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1992.

Бахрах А.В. Бунин в халате. М., 2000.

¹ Элитный табак, выпускавшийся на фабрике тезки и неполного однофамильца поэта – Василия Григорьевича Жукова (1795 / 1800–1882).

² Отметим аналогичный прием у Б.Л. Пастернака в романе «Доктор Живаго»: *Таня «Ларина»* дочь.

- Бунин И.А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1987. Т. 3.
Бунин И.А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1988. Т. 5.
Войтехович Р. Неназываемый Жуковский в творческом мире Цветаевой // Пушкинские чтения в Тарту 3. Тарту, 2004.
Душечкина Е.В. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007.
Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем : в 20 т. М., 2008. Т. 3.
Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. Т. 22. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 831. Тарту, 1988.
Золян Т.С. «Свет мой, зеркальце, скажи...» (к семиотике волшебного зеркала) // Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. Т. 22. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 831. Тарту, 1988.
Карпенко Г.Ю. Творчество И.А. Бунина и религиозно-философская культура рубежа веков. Самара, 1998.
Лебедева О.Б. Русская высокая комедия XVIII века : Генезис и поэтика жанра. Томск, 1996.
Лейбов Р.Г. Тютчев и Жуковский. Поэзия утраты // Тютчевский сборник II. Тарту, 1999.
Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973.
Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. М. ; Франкфурт-на-Майне, 1994.
Мароши В.В. Имя автора (историко-типологические аспекты экспрессивности). Новосибирск, 2000.
Мушина И. Блок и Жуковский // Звезда. 1980. № 10.
Пронин А.А. Евангельский «след» в цикле путевых рассказов И.А. Бунина «Тень птиц» и поэма В.А. Жуковского «Агасфер» // Евангельский текст в русской литературе XVII–XX веков : Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 2001. Вып. 3.
Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1978. Т. 5.
Райан В.Ф. Баня в полночь : Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006.
Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем : автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007.
Сливницкая О.В. «Повышенное чувство жизни» : мир Ивана Бунина. М., 2004.
Созина Е.К. «Стадия зеркала» в творчестве И.А. Бунина // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. Тюмень, 1997. Вып. 3.
Толстой Л.Н. Собр. соч. : 20 т. М., 1980. Т. 5.
Топоров В.Н. Блок и Жуковский : к проблеме реминисценций // Тезисы 1 Всесоюзной конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XIX века». Тарту, 1975.
Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем : В 6 т. М., 2002. Т. 1.
Фаустов А.А. След В.А. Жуковского в творчестве А.И. Введенского: несколько наблюдений // Жуковский и время. Томск, 2007.
Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М., 2006.
Янушкевич А.С. В.А. Жуковский в мире Михаила Булгакова // Филология. Philologica. Краснодар, 1996. № 9.
Янушкевич А.С. В.А. Жуковский в мире романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Пушкин и другие : Сборник к 60-летию проф. С.А. Фомичева. Новгород, 1997.
Янушкевич А.С. Отзвуки балладной поэтики В.А. Жуковского в «Беге» М.А. Булгакова // Проблемы литературных жанров. Томск, 1992. Вып. 7.

ДЕФЕКТЫ ЗРЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

А.А. Мансков

Ключевые слова: мотив, зрение, слепота, внешнее, внутреннее.

Keywords: motif, sight (vision), blindness, outward, inside.

Большинство персонажей С.Д. Кржижановского характеризуются какими-либо физическими недостатками и недугами. Эта особенность произведений писателя является аксиологически значимой и обладает рядом семиотических и семантических функций. Наиболее распространенными являются проблемы, связанные с функционированием органов зрения (изменения, деформации, нарушения работы глаз).

Мотив зрения повторяется на протяжении всего творчества Кржижановского. Подтверждением этому служат новеллы и повести «Чуть-Чути», «Граи», «Четки», «Фу Ги», «В зрачке», «Странствующее – странно», «Автобиография трупа» и др. Многочисленные обращения автора к данной теме объясняются особенностями его биографического кода¹.

В художественном мире писателя *зрение* выступает в качестве сложной философской категории. Оно является тождественным *виденью, мирозерцанию*. В зависимости от контекста зрение может иметь различные формы выражения. В исследуемых текстах данное понятие чаще всего эксплицируется через отношения внешнего и внутреннего. Кржижановский рассматривает их как диалектическое единство. Так, зрение персонажа может быть направленно как вовне (восприятие физического мира), так и вовнутрь (созерцание таинственных реальностей и миров). Используя бинарную оппозицию «внешнее (чувственное) – внутреннее (духовное) зрение», автор выстраивает сложные логические конструкты, в основе которых находится попытка гносеологического объяснения мира.

В новеллах и повестях Кржижановского зрение имеет амбивалентный характер. Оно может выступать в качестве как положительно-го начала (одно из проявлений внешних чувств человека, способность видеть), так и отрицательного (мучительное созерцание измененного

---

¹ Кржижановский страдал плохим зрением и на протяжении всей жизни вынужден был носить очки.

мира, эсхатологические видения персонажа). Отрицательные коннотации, связанные с семантикой зрения, объясняются значением проклятия, которое появляется в некоторых исследуемых текстах («Грайи», «Четки»).

Важной чертой «визуальных» новелл является их включенность в мифологический контекст. Так, в произведениях, где фигурирует категория зрения, обнаруживаются интертекстуальные аллюзии и реминисценции, отсылающие сознание читателя к тому или иному мифологическому источнику (греческие, римские, египетские мифы). Эта тенденция связана с особенностями индивидуально-авторского дискурса Кржижановского, его принадлежностью модернистской парадигме.

Наряду с этим категория зрения в исследуемых текстах является своеобразным инструментом мифологического познания мира. Процесс видения сакрализуется, он становится способом восприятия не эмпирической, а мифологической реальности. Оба этих пространственно-временных пласта соединяются в абстрактной точке, определяемой формами измененного сознания персонажа: пространство улицы, заполненное мириадами четок, которое видит думальщик («Четки»), комната, разросшаяся до размеров вселенной, воспринимаемая визуально Сутулиным («Квадратурин»).

Сакрализация зрения осуществляется также посредством взаимодействия данного понятия с другими смыслообразующими категориями. Наиболее распространенными из них являются различные проявления культурного кода смерти. Глаза персонажей становятся проводниками сакральной информации. Это можно проследить на материале новелл «Фу Ги», «Четки», «Соната “Death`s Door”» и других. Так, перед смертью философ Фу Ги обращается к персонифицированным Небу и Земле: «И положив кисть, сказал Тишине неба: “Войди”. И она, одетая в звезды и солнца, смиренно вошла сквозь зрачок Фу Ги в его левый глаз. Тогда сказал Фу Ги Тишине земли: “И ты”. И та, укрытая в темные одежды свои, вошла в его правый черный глаз» («Фу Ги») [Кржижановский, 2001, с. 121].

Нередко процесс обретения персонажем сакральных знаний имеет ярко выраженный деструктивный характер. Из субъекта, осуществляющего действие, персонаж становится объектом, на которого направленно действие: «Чьи-то тонкие пальцы втиснулись мне в горло, и новый мир, разрывая зрачки, острыми скальпелями врезаясь в мозг, входил в меня» [Кржижановский, 2001, с. 173]; далее в тексте: «Теперь пусть меняются дни и меняется в днях: то, что вошло в мой глаз, не знает смен: остекленно, врезано, на веки веков, как в них» («Четки»)

[Кржижановский, 2001, с. 173]. Таким образом, постижение сокровенной реальности явлений и вещей происходит в результате ее проникновения через отверстия зрачков в сознание персонажа. В этом случае автор следует традиционной мифологической традиции. В ряде культур глаз рассматривался как место пребывания души. Через зрачки душа попадала в тело и покидала его.

В отличие от мифологических источников, в текстуальной реальности писателя информация, попадающая через глаз, остается в нем навсегда «остекленно, врезано, на веки веков». Этот мотив находит широкое распространение в новеллистике писателя. Нередко изображения на сетчатке служат предметом рефлексии персонажа (апории «Стрела», «Ахиллес», «Черепаша»).

Значительная роль в художественном мире Кржижановского отводится теме утраченного и возвращенного зрения. Так, выражением данной интенции служит мотив слепоты и прозрения в новелле «Грайи».

Слепота как форма утраты способности видеть определяет специфику сюжетных линий всего текста. Это связано с тем, что многие из них повторяются по ходу развития сюжета, а также зеркально отражают друг друга (слепота Грай, потеря – нахождение глаза, синдром грайеглазых и т.д.). Большинство персонажей в новелле являются незрячими: Грайи, старик Цекус, поколение грайеглазых людей и т.д.

Наряду с архаичными богинями древнегреческой мифологии, чьи имена представлены в заглавии, важная роль в тексте отводится образу нищего слепца Цекуса. Автор вводит этого персонажа в третьей части новеллы, продолжая линию, связанную с деятельностью Грай (потерянный глаз, превращающийся в плодоносящее дерево): «Первым открыл местонахождение Грай, как это ни странно, слепой старик» [Кржижановский, 2001, с. 153]. Парадокс в том, что абсолютно слепой человек первым обнаруживает дерево с необычными плодами. В этом случае Кржижановский обозначает вектор, отсылающий сознание читателя к осмыслению персонажа в смысловой парадигме *внутреннего зрения*. Однако далее в тексте он иронически снимает обозначенную читательскую установку, объясняя нахождение таинственного дерева наличием посоха.

Основой экзистенции Цекуса является тоска по утраченным глазам, невозможность смириться с утратой. Эта особенность сознания персонажа становится смысловой пружиной сюжета. По этой причине мечта о возвращении зрения становится для него реальностью: «Цекус осторожно потянул за слипшееся мертвое веко вытекшего глаза и, пре-

одолевая тупую боль, стал втискивать сорванный с дерева упругий и скользкий глаз во вгиб пустой глазницы» [Кржижановский, 2001, с. 155]. Происходит повторение мотива, заявленного в первой части новеллы: передача глаза сестрами Грайями друг другу при встрече с незнакомым путником¹.

Дерево Грай имеет очевидные мифологические параллели. В качестве такой параллели можно выделить плоды (яблоки) с дерева Гесперид. Основанием для подобного суждения служит прежде всего тот факт, что в тексте новеллы Кржижановский называет порождение глаза Грай яблоней, а его плоды яблоками: «Люди не размышляли долго над происшедшим: они обвели *яблоню* с глазными *яблоками* железной оградой, к ограде приставили караул и вверили чудо особой комиссии из врачей и оптиков» [Кржижановский, 2001, с. 157]. «Близилась осень: на сливах синели овалы слив; на яблонях золотились яблоки; и на диковинном деревце, повиснув на белых осевидных фибриллах, прокружились свесившиеся зрачками вниз, маленькие, понемногу полнящиеся и наливающиеся нервным соком стеклисто-белые глазные *яблоки*» [Кржижановский, 2001, с. 153].

Сходство глаз, растущих на дереве Грай, и яблок подчеркивается также по принципу смежности (плод яблони и глаз человека схожи по форме). С точки зрения семантики яблоки с дерева Грай и яблоки Гесперид эксплицируют некоторое тождество. Общим для них является семантика чудесного. Согласно древнегреческой мифологии, яблоки Гесперид возвращают человеку утраченную молодость и здоровье. Они являются своеобразным чудом света, поэтому царь Эврисфей отправляет Геракла к титану Атланту на край земли, чтобы он принес ему три золотых яблока. В тексте новеллы С.Д. Кржижановского дерево Грай характеризуется прилагательным «чудесный», а также называется существительным «чудо»: «Слух о *чудесном* деревце и прозрении Цекуса забегал, семена словами, по всем тропинкам и путям страны» [Кржижановский, 2001, с. 156]; «...они обвели яблоню с глазными яблоками железной оградой, к ограде приставили караул и вверили *чудо* особой комиссии из врачей и оптиков» [Кржижановский, 2001, с. 157]. Семантика чудесного в новелле реализуется через функционирование дерева Грай: его плоды возвращают человеку утраченное зрение.

В связи с семантикой зрения в образе Цекуса обнаруживаются и другие мифологические аллюзии. Значимой в этом случае является

---

¹ Мотив утраты и последующего обретения органов зрения отсылает сознание читателя также к египетским мифам: различные варианты текстов об Оке Атума, Ра и Хора.

этимология имени персонажа. Старик из новеллы «Грайи» носит то же имя, что и один из римских императоров, сын диктатора Гая Клавдия Красса Аппиус Клаудиус Цекус, имевший прозвище «слепой». Здесь очевидно совпадение имени персонажа с историческим лицом, а также значение *слепоты*.

Исторический Цекус был известен прежде всего тем, что даровал пассивное избирательное право безземельным крестьянам, а также активное право детям освобожденных рабов. Новелла Кржижановского «Грайи» была написана в 1922 году 30 октября 1922 года в Москве состоялась IX съезд Народных депутатов РСФСР, на котором был принят Земельный кодекс, закрепивший за крестьянами выделенную им в пользование землю. Этот факт не мог остаться незамеченным Кржижановским, что, вероятно, послужило одним из оснований для аналогии имен.

Другой заслугой Аппиуса Клаудиуса Цекуса являлось строительство знаменитой Аппиевой дороги, названной впоследствии «*regina viarum*» («царица дорог»). Эта тенденция находит своеобразное отражение в тексте. Она реализуется через семантику странничества. Будучи слепым, Цекус путешествует с мальчиком-поводырем от города к городу, собирая милостыню. В этом случае скитание персонажей в новелле можно сопоставить с путешествием по Аппиевой дороге, которая являлась основной пешеходной магистралью страны.

Цекусу принадлежит также знаменитая римская крылатая фраза «*Quisque faber suae fortunae*» («Каждый человек сам архитектор своей судьбы»). Эта сентенция, заложенная в имени персонажа, критически переосмысливается Кржижановским. В тексте новеллы происходит двойное переворачивание данной смысловой фигуры. Традиционно в античной литературе судьба являлась неким фатумом, над которым человек был не властен. Аппиус Клаудиус Цекус осуществил попытку преодоления этого мнения. Однако автор новеллы возвращает своего персонажа к первоистоку, мысли о том, что он все же не властен над судьбой и ее причудливыми проказами (нахождение дерева Грай, чудесное обретение «проклятого» зрения).

Игровая ситуация переворачивания смыслов эксплицируется в новелле через особенности физиологии работы глаза, которые становятся лейтмотивом исследуемого текста (мотив перевернутого мира): «Между тем дело объяснялось очень просто: в хрусталике, вправленном в человеческий глаз, живет озорная манера – опрокидывать мир, входящий в него лучами, сверху дном. Но за мозгом, получающим опрокинутый мир от хрусталика, водится не менее озорная привычка – оп-

рокидывать опрокинутое. Только благодаря такому двойному кувырканию и получается достаточно серьезный мир, где верх – вверху и низ – внизу» [Кржижановский, 2001, с. 157].

Таким образом, философская сентенция о противостоянии человека судьбе получает в новелле вполне модернистское прочтение. Она становится предметом игрового дискурса и обретает возможность не только переворачивания, но и порождения новых смыслов.

В художественном мире Кржижановского обнаруживается обширный интертекстуальный пласт, связанный с древнегреческой классикой. В произведениях писателя представлены аллюзии на трагедии Эсхила, Софокла, комедии Аристофана, а также другие литературные и мифологические источники (новеллы «Прикованный Прометеем», «Грайи», «Итанесис», «Мост через Стикс» и др.). Интертекстуальные отсылки к тому или иному тексту могут быть даны как в эксплицитной форме (образ драматурга Эсхила в «Прикованном Прометеем», пространство Стикса и его обитатели в повести «Клуб убийц букв»), так и имплицитно (предполагаемый миф о Гипербореях в «Итанесис», черты греческих космогонических мифов в «Стране нетов»).

Новелла «Грайи» с точки зрения интертекстуальных связей имеет ряд литературных претекстов.

Персонаж новеллы «Грайи» старик Цекус характеризуется некоторым сходством с царем Эдипом из трагедий Софокла. Как Эдип, так и Цекус являются слепыми. Их слепота оказывается приобретенной. Будучи зрячими от рождения, они утрачивают способность видеть во взрослом возрасте.

В сознании персонажей существуют образы видимого мира, а также представления о них («солнце», «небо», «звезды», «земля» и т.д.). Они реализуются в тексте через семантику воспоминаний и воображение. В обоих произведениях авторское внимание акцентируется на имажинативном аспекте. Визуальное восприятие реальности замещается процессами, связанными с сознательной и подсознательной творческой активностью персонажей. Я.Э. Голосовкер утверждает, что, согласно мифологическим представлениям древних греков, слепые имели более обостренное и чувствительное воображение по сравнению со зрячими людьми (Гомер, Гераклит, мифологический певец Демодок и др.) [Голосовкер, 1987, с. 50]. Воображение должно было непрерывно восполнять слепым видимый зрячими мир, и этот мир всегда жил в них как некое виденье. Это утверждение применимо и к современным людям, лишенным способности видеть. Их сфокусированность на внутреннем видении является своеобразным способом существования.

Как Эдип, так и Цекус по ходу развития сюжета извлекают из памяти различные картины прошлого, мысленно локализуя их во времени и пространстве. Данный процесс осуществляется как произвольно (и тогда он сопровождается эмоциями, сопутствующими тому или иному событию жизни: узнаванию Эдипом тайны об убийце Лая, воображаемому солнцу Цекуса), так и непроизвольно (преследующие Эдипа мысли о преступлении, механическое ощупывание пустой глазницы Цекусом, что вызывает в сознании образы утраченных вещей). Наряду с этим персонажи постоянно представляют себе объективную физическую реальность, картины которой словесно передаются им их поводами: Антигоной («Эдип в Колоне»), мальчиком Тэком («Грайи»).

В обоих исследуемых текстах утрата зрения персонажами связана с деструктивным дискурсом – трагической случайностью в новелле «Грайи»: «Цекус не был слепорожденным: катастрофа в шахте отняла у него глаза: один, под правым веком, был мертв, другой – вытек» [Софокл, 1970, с. 154]; выкалыванием глаз в состоянии аффекта в трагедии «Царь Эдип»: «С ее одежды царственной сорвав / Наплечную застежку золотую, / Он стал иглу во впадины глазные / Вонзать крича, что зреть очам не должно / Ни мук его, ни свершенных зол» [Софокл, 1970, с. 170]. «Колол глаза. / Кровавые зрачки / Не редкой каплей темно-бурой влаги, / А черным градом истекая, лик / и бороду страдальца орошали» [Софокл, 1970, с. 171]. Общим является описание физиологических подробностей травмы органов зрения: вытекание с кровью наполнявшей глазное яблоко жидкости.

Для понимания категории зрения в исследуемых текстах необходимо обратить внимание на символику и семантику числа *три* в силу того, что это число определяет характер фабульных линий, а также особенности функционирования персонажей. В обоих произведениях мотив зрения имеет троичную структуру, которую можно обозначить следующим образом: «зрение – слепота – зрение». В новелле «Грайи» эта установка четко выражена. Автор дает читателю информацию о прошлом Цекуса, потом он объясняет причины утраты персонажем способности видеть, и далее наделяет его новым «виденьем». В этом случае очевидна идея троичности, триединства, заложенная в сюжете новеллы. Она реализуется через силлогизм, имеющий в основе принцип диалектического развития (зрение – тезис, слепота – антитезис, новое виденье – синтез). Однако в силу особенностей индивидуально-авторского дискурса новое зрение персонажа становится не соединением двух предшествующих элементов, а их деконструкцией (мотив проклятия).

Традиционно миф об Эдипе интерпретируется посредством бинарных оппозиций. Его юность в Коринфе и последующее правление в Фивах (убийство Лая, брак с Иокастой) принято считать незрячим периодом, а самоослепление и изгнание объясняются как метафизическое прозрение и обретение истины. В этой связи интерес вызывает факт разгадки Эдипом загадки Сфинкса. Интуитивное нахождение ответа указывает на наличие некоего сверхзнания (особого виденья), которым обладает будущий правитель Фив¹. Не будь у Эдипа этого знания, он разделит бы участь предшественников. Здесь возникает парадокс, связанный с амбивалентностью мотива зрения в трагедии, «слепотой зрячести»: как мог Эдип, обладая особым сверхзнанием, оставаться в неведении о своем происхождении и содеянном им преступлении? Это указывает на недостаточность бинарных оппозиций в интерпретации текста, необходимость введения дополнительного (третьего) элемента: зрение – слепота – *зрение*. Таким образом, основу сюжета трагедии составляет тернарная структура, которая дает наиболее адекватное прочтение мифа, а также сближает текст Софокла с новеллой Кржижановского.

В обоих произведениях утрата внешнего (чувственного) зрения персонажей становится причиной обретения внутреннего (духовного) виденья, то есть происходит некое обращение вектора зрения вовнутрь. Для того чтобы прозреть (осмыслить глубину собственного заблуждения), Эдипу нужно ослепнуть. Только будучи слепым, он оказывается в состоянии понять истинный ход вещей. Так, во второй антистрофе четвертого стасима хор, обращаясь к Эдипу, говорит ему о прозрении: «Теперь всезрящее тебя настигло время / И осудило брак, не должный зваться браком, / В котором долго пребывали / Слиянными отец и сын» [Софокл, 1970, с. 169].

В новелле «Грайи» ситуация обретения Цекусом внутреннего виденья осложнена его последующим прозрением, которое также изменяет его представление о мире. Этот процесс характеризуется некоторой стадийностью. Из-за утраты визуального контакта персонажа с окружающей реальностью в его сознании происходят значительные трансформации: смещение акцента с восприятия на воспоминание, то есть интроверсия, выступает в данном случае в качестве вектора, указывающего на ориентацию сознания Цекуса от настоящего к прошлому. Эта тенденция прослеживается в тексте: «Всякий раз, как Цекус

---

¹ Многие жители Фив пытались найти ответ на загадку Сфинги, но их попытки были напрасными, и только Эдип сумел расшифровать скрытый смысл вопроса.

оставался один, он пробовал силою слабнущей от дня ко дню памяти превратить ошупи в зримости и снова зажечь среди вечной ночи солнце: оно восходило – серо-желтое, мутное, бессильное Солнце слепых...» [Кржижановский, 2001, с. 154].

Интровертность персонажа обостряется еще больше после обретения новых глаз. Цекус замыкается в себе, предпочитая общению с людьми возможность предаться собственным размышлениям: «...прозревший был как-то странно рассеян и нетверд в своем видении: шел шатким шагом, так, как если б ставил ступни в пустоту. Глядел не под ноги, а куда-то вверх. Глаз его, избегая лиц людей, шурились в носы их башмаков. Когда спрашивали, рад ли чуду, молчал, сердито шевеля ссохшимися губами. И наконец (этой привычки Тэк за стариком раньше не знавал), любил, сев у озера, а то и просто у лужи, глядеть – по целым часам – на отражения в воде» [Кржижановский, 2001, с. 156]. Описание поведения персонажа в новелле соответствует внешним действиям типичного интроверта, что подтверждает рассматриваемую нами исследовательскую установку.

Общей для обоих персонажей является семантика боли. Однако наряду с физическими страданиями, связанными с утратой органов зрения, они испытывают мучительные душевные переживания, выражением которых служат различные проявления рефлексии. Генезис данного мотива различается в исследуемых нами текстах, но герой имеет схожие формы экспликации. Как Эдип, так и Цекус являются глубоко несчастными людьми. Они осознают свое одиночество и беспомощность. В силу того, что их сознание направлено на самих себя (осмысление и обоснование собственных предпосылок), персонажи оказываются в неизбежной ловушке, созданной ими самими. Они стремятся к изменению мира, но одновременно с этим понимают невозможность остановить ход событий. Следствиями этому являются разочарование и пессимизм. Так, Эдип в беседе с афинянами говорит о себе: «Внемли, Паллады град непобедимый / Столица славы, древние Афины! / Пред вами тень несчастного Эдипа: / О сжальтесь же! / Не тот уж я, что был» [Софокл, 1970, с. 63]; «Пред вами – несчастный, жестокой судьбе обреченный» [Софокл, 1970, с. 65].

В новелле «Грай» пессимизм персонажа объясняется особенностями его восприятия реальности как опрокинутого, перевернутого мира. Мучительная рефлексия и фрустрация Цекуса служат выражением невозможности его существования в условиях изменившегося мира: «Раньше, – горько размышлял Цекус, – калекой был я, один я, теперь я исцелен, но разве весь мир не стал жалким калекой: бросил Божьи

звезды вниз, уперся свисающей на головы землей, как в костыли, в свои опрокинутые горы и топчет вершинами их, будто поганую траву, ясные лучи, взращенные из солнца» [Кржижановский, 2001, с. 158]. Осмысление Цекусом себя как калеки в еще более дисгармоничном мире служит выражением авторского мифа, попыткой создания новой пессимистической теогонии. Возникновение измененного мира, где «горы стали на свои вершины, деревья потянулись, точно сталактитовая поросль, комлями вниз», а «под ногами засияло небо с оброненными в бездну звездами», и появление формации новых людей – «поколения грайеглазых, <...> заблудившихся между двух миров» [Кржижановский, 2001, с. 160], – являются попыткой полемики Кржижановского с эзотерическим учением Гермеса Трисмегиста. На это указывают отсылка в тексте к «Изумрудной скрижали» Трисмегиста, а также закавыченная цитата. Возможна также переключка с символистским мифом, концепцией Д.С. Мережковского о двух безднах. В качестве аллюзии можно указать упоминание слова *бездна* в одном контексте с *небом* и *землей*, то есть здесь очевидно противостояние, антитеза двух начал. Однако Кржижановский, следуя собственной логике, создает свой постсимволистский миф. Воспроизводя традиционную символику, вместо законченной конструкции автор оставляет открытым финал новеллы. На вопрос «Где правда?» он дает несколько ответов: «Здесь», «Там», «И здесь, и там», «Ни там, ни здесь» [Кржижановский, 2001, с. 160]. Характерно также то, что последний (решающий) ответ маркируется негативной семантикой, имплицитно выражающей авторскую позицию (тезис о минус-пространстве Кржижановского).

При внимательном рассмотрении негативная семантика проявляется и непосредственно на уровне персонажей. Уже будучи зрячим, старик Цекус стремится вернуться к состоянию слепоты: «Старый Цекус был помещен для наблюдений и опытов в изолированную камеру офтальмологической клиники. Он жаловался, как умел, на опрокинутость мира, просил убрать потолок из-под ног, умолял спасти. Однажды в припадке отчаяния старик, жалко всхлипывая, стал просить вернуть ему слепоту» [Кржижановский, 2001, с. 156]. Прозрение Цекуса становится его проклятием. Его изолируют от людей (камера офтальмологической клиники), вследствие чего он утрачивает связь с миром, то есть становится обитателем минус-пространства.

Схожее развитие сюжета обнаруживается у Софокла. В трагедии «Царь Эдип», еще будучи зрячим, персонаж говорит о ненужности зрения: «На кого смотреть мне ныне? / Кого любить? / Кого дарить приветствием?» [Софокл, 1970, с. 174]. Семантика нежелания видеть

усиливается. В беседе с Креонтом Эдип пытается объяснить причины своего самоослепления: «Мне не тверди о том, что я избрал / Не лучший выход. Брось советы. / Сойдя в Аид, какими бы глазами / Я стал смотреть родителю в лицо / Иль матери несчастной / Я пред ними виноват, что мне и петли мало!» [Софокл, 1970, с. 174].

Характерно также то, что мотив перевернутого, опрокинутого мира, представленный в новелле «Грайи», символически присутствует и в греческой трагедии. Преступное деяние Эдипа (убийство, кровосмешение) метафорически являет собой перевернутое виденье мира, проявление человеческого безумия.

Литература

- Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
Кржижановский С.Д. Собрание сочинений : в 5 т. СПб., 2001. Т. 1.
Софокл. Драмы. М., 1990.
Софокл. Царь Эдип // Античная драма. М., 1970.

«АРЕОПАГ». МЕТРИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Л.В. Егорова

Ключевые слова: «Ареопаг», Томас Дрант, сэр Филип Сидни, Эдвард Дайер, Эдмунд Спенсер, Габриэл Гарви.

Keywords: «Areopagus», Thomas Drant, Sir Philip Sidney, Edward Dyer, Edmund Spenser, Gabriel Harvey.

Существовал ли «Ареопаг»? В настоящее время вряд ли кто станет отрицать, что те, чьи имена упоминаются как имеющие отношение к «Ареопагу», способствовали расцвету поэзии, знаменующему «Золотой век» елизаветинской литературы. Разногласия скорее касаются наличия или отсутствия формальной организации. Что объединяло сэра Филипа Сидни, Эдварда Дайера, Эдмунда Спенсера, Габриэла Гарви, графиню Пембрук, Фулка Гревилла и других?

Об «Ареопаге» известно из переписки 1579–1580 годов Эдмунда Спенсера (1552–1599) и Габриэла Гарви (1545?–1630). В 1580 году, нарушив кодекс анонимности, окружавший искусство придворной по-

эзии, Габриэл Гарви опубликовал письма, включавшие среди прочего и обсуждения, касавшиеся поэтических экспериментов (октябрьские письма 1579 года были напечатаны Г. Бинеманом (H. Bynneman, «dwelling in Thames streete, neere unto Baynardes Castell») под названием «Two other very commendable Letters of the same mens writing: both touching the foresaid Artificiall Versifying, and certain other Particulars. More lately deliuered vnto the Printer». Им же напечатаны апрельские письма 1580 году: «Three Proper and wittie, familiar Letters: lately passed betweene two Vniuersitie men: touching the Earthquake in Aprill last, and our English reformed Versifying. With a Preface of a well willer to them both»).

5 (?16) октября 1579 года Эдмунд Спенсер из дома Лестера пишет другу («To the worshipful very singular good friend, Maister G. H., Fellow of Trinitie Hall in Cambridge») о том, что сэр Филип Сидни и Эдвард Дайер «провозгласили в своем *Ареопаге* общее умолкание и тишину и плохих Рифмачей, и самых лучших, и вместо рифм властью своего Сената предписали определенные Законы и правила Долготы английских слогов для Английского Стиха, в чем у них уже была обширная практика; вовлекли в свою фракцию они и меня» [Smith, 1904, p. 89].

Что имел в виду Спенсер в несомненно шутивно звучащих строках, употребляя данные обозначения: «their *Areopagus*», «their whole Senate», «their faction»? Была ли это в какой-то мере своеобразная *Accademia Fiorentina*? Скорее, это английский вариант «Плеяды»: наряду с другими литературными, философскими, религиозными исканиями, они стремились к созданию подлинной национальной поэзии, способной соперничать с лучшими образцами античности и современности; их влекли продуктивные пути развития английской поэзии. По мнению Л.И. Володарской, «“Защита поэзии” – это скорее всего теоретический манифест, философско-эстетическое кредо создателей новой английской поэзии, отчасти напоминающее “Защиту и прославление французского языка” (1549) И. Дю Белле, крупнейшего представителя “Плеяды”» [Володарская, 1982, с. 267]. Ссылаясь на наблюдение И.Ю. Подгаецкой: «... для ренессансных деятелей поэзия включает и ее теорию, а теория поэзии сама по себе строится как поэтическое произведение» [Подгаецкая, 1967, с. 316], Л.И. Володарская расширяет рамки «теоретического манифеста» до трех произведений вкупе («Защита поэзии», «Астрофил и Стелла», «Новая Аркадия»). Она отмечает, что «самые тесные узы связывают эти три произведения, из которых цикл сонетов “Астрофил и Стелла” и незаконченная вторая версия романа, получившая название “Новая Аркадия”, являются “естественным” (по

выражению Дю Белле) художественным воплощением доктрины автора, так же, впрочем, как и сама поэтика» [Володарская, 1982, с. 268]. Если следовать такому расширенному видению, едва ли возможно не брать в расчет и «Старую Аркадию», но с самим взглядом и узрением параллелей между «Плеядой» и «Ареопагом» невозможно не согласиться.

23 октября Габриэл Гарви отвечал Эдмунду Спенсеру: «Ваш недавно основанный “Ареопаг” я ценю более, чем вы можете предполагать, и отношусь с бóльшим почтением к двум достойным джентльменам (Сидни и Дайеру. – *Л.Е.*), чем к двум сотням *Дионисиев Ареопагитов* или самым видным из Сенаторов, которых когда-либо в таком числе позволяли себе *Афины*» [Smith, 1904, p. 94]. Если за Дионисием Ареопагитом стоит так называемый «религиозной герметизм» («religious hermetism»), как убедительно продемонстрировала Фрэнсис А. Йейтс (Frances A. Yates, *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*), за шуткой Гарви – признание интересов сидневской группы. Ощущая происходивший распад целостности человека и христианства, они стремились к обретению целостности разными путями, среди которых нас здесь будет интересовать проведение метрического эксперимента с английским стихом, направленного на его привитие к классической почве.

Весной 1580 года Габриэл (адекватно русскому Гавриил, обыгрываемому здесь) Гарви возвращается к теме: «...я не могу не поблагодарить и не воздать почести благому ангелу (будь то Гавриил или кто-то другой), вложившему столь замечательное побуждение в головы этих превосходных джентльменов – мистера Сидни и мистера Дайера, двух бриллиантов при дворе ее Королевского Величества: продвинуть новое начинание по замене варварских скверных рифм искусными стихами; одни подобны превосходному чистому золоту, другие – подделанной неудачной меди. Я не сомневаюсь, что их живой пример и практика в скором времени окажется в тысячи раз действеннее мертвой рекламы и убеждения в том же мистера Эшема...» [Smith, 1904, p. 101–102].

Начало эксперимента с метрическим (греч. «мерным»), или квантитативным (лат. «количественным») стихом – в соответствии с правилами классической просодии – связано с именем Томаса Дранта (ок. 1540–1578), архидиакона Льюиса, приближенного Лестера (процесс складывания метрических стихов так и называли: «Dranting»). Его пребывание в Кембридже, в колледже святого Иоанна совпало с пребыванием Томаса Уотсона и Роджера Эшема. Именно тогда могли появиться планы относительно устранения рифм из английского стиха. Известно, что Роджер Эшем (Roger Ascham, 1515–1568) руководствовался

соображениями классической чистоты; для него рифма – устарелый варваризм: «наше грубое нищенское рифмование впервые принесено в Италию *готами* и *гуннами*, когда вся хорошая поэзия и все хорошее учение были уничтожены ими» [Smith, 1903, p. 29]. Следовать привнесенному готами и гуннами, а не «истинной версификации» греков для Эшема равносильно «поеданию желудей со свиньями вместо того, чтобы питаться хлебом наравне с людьми» [Smith, 1904, p. 30].

Бесспорных оснований для утверждения того, что Томас Дрант был сторонником классической чистоты, у нас нет.

Известно, что сэр Филип Сидни знал правила классической проэдии еще со школы по книге Тигуринуса (Tigurinus, *De Syllabarum et Carminum Ratione*) [Buxton, 1954, p. 38]. Знал он и о попытках привития итальянского и французского языков к квантитативной системе стихосложения, но эксперимент в Англии, по всей видимости, уже набирал силу. Правила квантитативного стиха Дранта почитались и Сидни, и Спенсером, но до нас не дошли. Сэр Филип Сидни знал Томаса Дранта лично. Как свидетельствует первое из октябрьских 1578 г. писем Эдмунда Спенсера к Габриэлю Гарви, Спенсер получил правила от Сидни (расширенные Сидни правила Дранта) и дополнил их своими наблюдениями, интересуясь мнением Гарви, чтобы им не разойтись – работать в едином русле [Smith, 1904, p. 99–100].

Наблюдения над языком сэра Филипа Сидни зафиксированы и дошли до нас. Один из манускриптов – копия «Старой Аркадии», хранящаяся в Кембридже, в колледже Святого Иоанна, и положенная в основу издания Джини Робертсон, в «Эклогах первого дня» (*The First Eclogues*) содержит сидневские правила английского квантитативного стиха, которые мы и воспроизведем. От нее незначительно отличается версия («Rules in measured verse in English which I observe»), представленная в рукописи Ottley наряду с более сорока поэтическими сочинениями Сидни, написанными в период 1575–1579 годов Сидни формулирует:

Правила, соблюдаемые в английском квантитативном стихе:

- согласный перед согласным всегда долгий, за исключением немого и плавного (например, *rēfrain*), которые нейтральны;
- единичные согласные обыкновенно краткие, но двойные (например, *lāck*, *wīll*, *tīll*) или с предшествующим гласным (например, *hāte*, *debāte*) дают долгий звук;
- гласный перед гласным или дифтонг перед гласным всегда краткие, за исключением таких восклицаний, как *ōh*; в другом положении дифтонги всегда долгие, единичные гласные краткие;

– поскольку в нашем языке много согласных и односложных слов, гласные короче, чем в греческом или латинском; для этих языков характерны гласные и длинные слова. Гласные являются долгими согласнo произношению (как, например, *glōry, lādy*) или в составе дифтонгов (например, *shōw, blōw, dīe, hīgh*);

– элизия, или опущение гласной при встрече нескольких гласных используется в зависимости от целей стиха; так же происходит и в обычной речи (мы говорим и *thou art*, и *th'art*), и аналогичным образом Петрарка иногда пользуется апострофом, иногда нет;

– слова, пришедшие к нам из латыни и других языков, отсчитываются в зависимости от усвоения их английским, а не от их исходного качества на континенте (мы не говорим *fortūnate*, хотя на латыни произносим *fortūna*; не *usūry*, но *ūsurry* – с ударением на первом слоге); наш язык обладает особым даром в их изменении и усвоении;

– некоторые слова особо кратки;

– короткие слова (союзы, предлоги) могут быть и длинными, и краткими (как, например, *but, or, nor, on, to*);

– некоторые слова, различающиеся в произношении, пишутся различно (как, напр., одни говорят *thōugh*, другие произносят это же *thō*);

– что касается таких слов, как *wēe, thēe, shēe*, они краткие, хотя по ложному написанию могут быть сочтены двойными гласными <...> аналогично с нашим *о*, удваиваемым некоторыми в слове *dōo* [Sidney, 1989, p. 62–63].

Вслед за теоретической выкладкой – выявлением количественных качеств английского языка – идут метрические сочинения, демонстрирующие их. В завершение «Эклог первого дня» звучат дебаты о стихосложении героев «Эклог» – Дикуса и Лалуса, сохранившиеся в двух манускриптах и воспроизведенные в уже упомянутом издании Джини Робертсон. Первым слово предоставлено Дикусу, по существу, отстаивавшему метрическое стихосложение. Дикус считает, что поскольку главное украшение, если не сказать цель стиха – в музыке, присвоенные музыкой стихи наилучшим образом выполняют свое предназначение или, по меньшей мере, получают наилучшее убранство. Такие стихи неизбежно должны быть в наибольшем согласии с музыкой. Для каждой целой или половинной ноты есть свой слог, из долгих и кратких слогов складываются стопы. Без какого-либо искажения слова словно аккомпанируют ритму. В метрическом стихе есть своего рода скрытая музыка: один метр подобает высоким предметам, другой – с его легкостью стоп – хорош для реализации любовных замыслов. Ди-

кус строг по отношению к стиху, основанному на ритме. Он отмечает, что там, где обыкновенно пользуются мерой, кроме количества слогов уже ничего не замечают: главное – получить восьми-десяти-двенадцатисложники. Музыка же, находя это запутанным, подчас вынуждена проглотить то, что грубо или тяжело на языке, – превратить в восьмую, в другом случае – наоборот, задержаться на гласной с выдохом. Отсюда – появляющиеся для компенсации рифмы, весьма напоминающие тех, кто, не умея танцевать (соизмеряя слишком быстро или слишком медленно стопы на слух), начинает еще и притаптывать – отбивать такт. Изобилие рифмующих поэтов Дикус уподобляет пчелиному улью; их больше, чем сов в Афинах. Метрических поэтов – лишь несколько за все истекшие века, но именно их глубоко почитают.

Искусен в своих возражениях и Лалус. Поскольку музыка несет с собой меру, слова нуждаются в ней в меньшей степени. Если же музыка являет ритм и меру, стихи – слова и рифмы, – вместо трех прелестей мы имеем четыре. Вместе с тем, Лалус находит, что Дикус, видя в поэзии лишь сопровождение музыки, существенно подрывает величие поэзии. Скорее, наоборот, музыка должна служить поэзии: музыка доставляет удовольствие слуху, поэзия – разуму. Если музыка оказывается к этому не способна, в этом вина музыканта, не поэта. Задача поэта (украшение слова для наибольшего удовольствия) в значительной степени достигается за счет рифм, особенно для обычного слуха, на который нацелен поэт, почему его и называют народным философом. Вместе с тем, и самый изощренный слух обретает наслаждение в рифмах: рифмующий соблюдает и меру, и рифму, в то время как метрический поэт – только меру. Лалус уподобляет этот род поэтов танцорам, которые, не связывая себя возвращением к одному кадансу (от латинского *cadere* произошли итальянское *cadenza* и французское *cadence* – «окончание»), всегда томятся в ожидании, лишённые приятного следования главному. Что касается их малочисленности, метрические стихи слагались многими, но далеко не все делали это хорошо, а потому до потомков дошло не все. Аналогично произойдет и с рифмачами. Серединая позиция в этом диспуте отдана Базилию с его мудрым замечанием относительно того, что в любой системе наилучших результатов достигает пишущий мудро, и что похвалы достойны обе системы.

Эта тема получила продолжение и развитие в «Защите поэзии», где Сидни воздал хвалу английскому как превосходнейшему из современных языков, предоставляющему свои богатые ресурсы для обеих систем стихосложения. Данная точка зрения была далеко не бесспорной. Противоположной придерживался, к примеру, Томас Нэш (Tho-

mas Nashe, 1567–1601), считавший, что «наш английский не только не слишком хорош, но слишком плох, чтобы имитировать греков и латинян» [Smith, 1904, p. 240]. Всеобщее увлечение гекзаметром Нэш расценивал как «гекзаметрическую лихорадку» («hexameter furie») [Smith, 1904, p. 315]. Он признавал гекзаметр родовитым и благородным, но сомневался в возможности его процветания «в английском климате». Английская речь казалась метафоричному Нэшу слишком тяжелой для «вспашки» гекзаметром, и тот виделся продвигающимся рывками и прыжками, словно скачущий по болоту: поднимаясь в одном слогe, опускаясь в другом. На английском, по Томасу Нэшу, не выходило той величественной ровной поступи, какой гекзаметр мог похвалиться среди греков и латинян [Smith, 1904, p. 240].

Готовность к метрическим экспериментам сэра Филипа Сидни и близких к нему – свидетельство зрелости, стремления к развитию языка и стихосложения. Значение количественных экспериментов не должно ни преуменьшать, ни уничижать. Джефферсон Батлер Флетчер сомневался: «Сложно представить, что авторы “Пастушеского календаря” и “Королевы фей”, “Защиты поэзии” и “Аркадии” в те самые годы, когда эти труды были задуманы и исполнены, не нашли более продуктивной почвы для разговоров, чем “dranting” английского стиха» [Fletcher, 1898–1899, p. 430]. Продуктивным является даже тот поиск, результаты которого видятся много скромнее ожидаемых: путь оказывается изведанным, и мы располагаем удовлетворяющими нас или нет, но конкретными свидетельствами пройденного. В данном случае в поиске участвовали лучшие из поэтов, и достигнутое представляется безусловный интерес.

На примере Эдмунда Спенсера поучительно и ценно видеть, как он позволяет вовлечь себя в эксперимент, задаваясь дерзким, но справедливым вопросом, почему они – англичане не могут соперничать с греками в области количественного стиха (см. письмо «To my long approoved and singular good friend, Mater G. H.»). Спенсер трансформирует свой рифмованный стих в непривычный – кажущийся искусственным метрический и посылает Гарви с желанием услышать его непристрастное мнение:

*See yee the blindfoulded pretie God, that feathered Archer,
Of Louers Miseries which maketh his bloodie Game?
Wote ye why his Moother with a Veale hath couered his Face?
Trust me, leas he my Louee happely chaunce to beholde.*

[Smith, 1904, p. 99].

Стихи воспринимаются друзьями скорее как забавы, нежели претензии остаться в истории. Подчас это переводы «экспромптом в постели»:

Seeme they comparable to those two, which I translated you ex tempore in bed, the last time we lay together in Westminster?

*That which I eate did I ioy, and that which I greedily gorged.
As for those many goodly matters leaft I for others.*

[Smith, 1904, p. 99].

В письме от 16 октября Спенсером послано сочинение «Iambicam Trimetrium» [Smith, 1904, p. 90–91], на что Габриэл Гарви отвечает подробно: «A gallant familiar letter, containing an answer to that of M. Immerito, with sundry proper examples and some precepts of our English reformed versifying» [Smith, 1904, p. 101–122]. Он прилагает свое январское стихотворение – «январский дар в апреле», также обращаясь с просьбой непрастостного мастерского суда. Переписка продолжалась. Габриэл Гарви, по всей видимости, стал первым, кто почувствовал издержки эксперимента. С присущей ему иронией он заявил Спенсеру о своем несогласии с произвольным приписыванием долготы и краткости английским гласным, расхождением языковых и стиховых ударений [Smith, 1904, p. 117]. И его пронизательность, и ненавязчивость обращают на себя внимание. В размышлениях того времени привлекает дерзость замыслов и – деликатность экспериментаторов. Они не спешат формулировать правила, оставляют решающий выбор за языком.

Следы влияния эксперимента ощущаются в «Пастушеском календаре», но полноценных квантитативных сочинений Спенсера не сохранилось. Они могли не дойти до нас, но могли быть и сознательно не оставлены Спенсером как несостоятельные.

Аналогичной видится и ситуация сэра Эдварда Дайера (Sir Edward Dyer, 1543–1607). Наряду с сэром Филипом Сидни его называют основоположником эксперимента, но не сохранилось ни одного стиха, написанного им, скажем, классическим нерифмованным гекзаметром. Наиболее востребованными и любимыми читателями стали его стихи, написанные рифмованным пятистопным ямбом. Один из них, написанный ок. 1580 г. и впервые опубликованный в «Поэтической рапсодии» в 1602 г., положен на музыку Джоном Даулендом (John Dowland. *The Third and Last Book of Songs or Airs*. 1603) и поистине обрел бессмертие – во всяком случае, с успехом исполняется и сегодня:

*The lowest trees haue topps, the ante her gall,
The flie her spleene, the little sparke his heat:
The slender hears cast shadows, though but small,
And bees haue stinges, although they be not great;
Seas haue their sourse, and soe haue shallow springes:
And Loue is Loue, in beggers and in Kinges...*

[Sargent, 1968, p. 197].

Среди сохранившихся стихов Эдварда Дайера распространен и «колченогий размер» (*poulter's measure*) – некогда общеупотребительная, но уже ставшая архаичной форма стиха, откровенно порицаемая реформаторами. Другие названия этой 3–3–4–3-ударной строфы – «короткий» (в сравнении с «долгим размером») (*long measure*) – сплошь 4-ударной строфой) или «птичников размер» (будто бы от обычая торговцев яйцами в каждой второй дюжине прибавлять лишнее яйцо); прозвище – «поступь молочницы» (*butterwoman's trot*). У Дайера эта прихотливая строфа поистине заиграла всеми красками. Длинные строки чрезвычайно подходили для передачи любимой Дайером в стихах меланхолии:

*Hee that his mirth hath loste, whose comfort is dismaid,
Whose hope is vaine, whose faith is scornd, whose trust is all betraid;*

*If hee have held them deare, and cannot cease to moane,
Come, let him take his place by mee: he shall not rue alone...*

[Sargent, 1968, p. 184].

Сохранился даже балладный стих Дайера, а вот квантитативных стихов нет. Не дошли ли они до нас? Или опытный Дайер не спешил участвовать в эксперименте, наблюдая за поиском более юных друзей? (Дайер старше Филипа Сидни на 11 лет, Спенсера – на 9.) Или, если участвовал, не удовлетворился результатами и уничтожил свидетельства? Дайер тяготел к устоявшимся формам (практически все формы стиха, им использованные, присутствуют в тоттлевском сборнике): он их совершенствовал, достигая ровного ритма популярной песни. Главное направление его поиска – в русле естественности языка. Если квантитативные стихи и были сложены, чуткое музыкальное ухо Дайера могло забраковать их. «Тяжесть вспашки гекзаметром», по Нэшу, – не тот эффект, к которому стремился сэр Дайер.

Что касается сэра Филипа Сидни, его талант превосходил все преграды: из семидесяти семи стихотворных вставок «Аркадии» десять

написаны квантитативным стихом. Поражают они скорее своей экспериментаторской сущностью, нежели естественностью, органичностью звучания:

*Lady, reserved by the heav'ns to do pastors' company honour,
Joining your sweet voice to the rural muse of a desert,
Here you fully do find this strange operation of love,
How to the woods love runs as well as rides to the palace,
Neither he bears reverence to a prince nor pity to beggar,
But (like a point in midst of a circle) is still of a nearness,
All to a lesson he draws, nor hills nor caves can avoid him...*

[Sidney, 1989, p. 73].

Мэри Сидни, графиня Пембрук экспериментировала с квантитативным стихом даже при переложении псалмов. Так, рукописи [B], [I], [G1], [E], [H], [L] донесли до нас квантитативные псалмы 120–127. Позднее данные псалмы были переложены рифмованным стихом, и рукописи [G], [M] зафиксировали и эти, по-видимому, более ее удовлетворившие версии, относящиеся скорее всего к 1611 году.

М.Л. Гаспаров отмечал: «Овладение стопным стихосложением было для новоязычных литератур как бы экзаменом на поэтическую зрелость. Не было решительно ни одного европейского стихосложения, которое бы не пыталось в XV–XVII вв. перейти от “счета слогов” к “взвешиванию слогов” и к имитации античных ямбов, дактилей и лирических размеров» [Гаспаров, 2003, с. 152]. В Англии этот «экзамен на поэтическую зрелость» держали именно близкие к «Ареопагу». И «Dranting», и эффективное соединение музыки и поэзии для Эдмунда Спенсера, Эдварда Дайера, сэра Филипа Сидни (большинство стихотворных номеров в «Аркадии» исполняются под музыку, причем оговариваются даже инструменты), графини Пембрук и близких к ним – не самоцель, но средство достижения «великих целей закона, Господа, морального блага», по выражению Даниэля Роджерса из письма к сэру Филипу Сидни [Phillips, 1965, p. 27].

Литература

- Володарская Л.И. Первый английский цикл сонетов и его автор // Сидни Филип. Астрофил и Стелла. Защита поэзии. М., 1982.
- Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М., 2003.
- Подгаецкая И.Ю. Поэтика Плеяды // Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967.
- Beal P. Poems by Sir Philip Sidney : The Ottley Manuscript // The Library. 1978. XXXIII.

- Fletcher Jefferson Butler. Areopagus and Pléiade // Journal of English and Germanic Philology. 1898–1899. II.
- Phillips James E. Daniel Rogers : A Neo-Latin Link Between the Pléiade and Sidney's «Areopagus» // Neo-Latin Poetry of the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Los Angeles, 1965.
- Sargent Ralph M. The Life and Lyrics of Sir Edward Dyer. Oxford, 1968.
- Sidney Sir Philip. The Countess of Pembroke's Arcadia (The Old Arcadia). Oxford, 1973.
- Sidney Sir Philip. The Old Arcadia // Sir Philip Sidney. Oxford, 1989.
- Smith G. Gregory, ed. Elizabethan Critical Essays. 2 vols. Oxford, 1904. V. I.

**К 260–ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.-В. ГЕТЕ(1749-1832).
РОЛЬ ГЕТЕ ВО ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

М.С. Черепенникова

Ключевые слова: И.В. Гете, всемирная литература, «Страдания юного Вертера», «Фауст», «Римские элегии», «Торквато Тассо».

Keywords: Johann Wolfgang Goethe, world literature, «Die Leiden des Jungen Werther», «Römische Elegien», «Faust», «Torqato Tasso».

Имя великого немецкого классика Иоганна Вольфганга Гете (1749–1832) звучит в наши дни на всех языках мира одинаково весомо, сила воздействия его творческого гения до сих пор ощутима в многочисленных областях духовной деятельности человечества. В юбилейный год необходимо отметить феномен гетевской традиции в контексте мирового литературного процесса, более чем за два прошедших столетия вовлекшего в творческий диалог с немецким гением знаменитых авторов различных стран и эпох: В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, Т. Карлейля и Дж. Байрона, Стендаля и О. Бальзака, Т. Манна и Г. Гессе, У. Фосколо, Дж. Леопарди, Г. д'Аннунцио и многих других.

Роль гетевского художественного наследия в парадигме мировой литературы превосходит рамки заимствования форм, тем, мотивов, образов основных произведений автора («Страдания юного Вертера», «Фауст», «Римские элегии», «Венецианские эпиграммы», «Поэзия и

правда»). Литературная традиция Гете затрагивает глубокую духовную сферу, содержащую в себе синтез этических и эстетических проблем, актуальных и по сей день.

Над ответом на вопрос о природе гетевской традиции, о сущности и силе ее воздействия задумывались великие русские писатели, поэты и философы. А.С. Пушкин, высоко ценивший гений Гете, считал, что трагедия «Фауст» – «величайшее создание поэтического духа», которое «служит представителем новейшей поэзии, точно как «Илиада» служит памятником классической древности» [Пушкин, 1936, с. 275–276]. Для Вл. Соловьева Гете – один из тех, кто приобщил нас «к высшей религии и человеческому просвещению» [Соловьев, 1988, с. 182]. Вячеслав Иванов в статье «Гете на рубеже двух столетий» отмечал: «Потому-то Гете и простирает так далеко свое влияние, потому-то его действие не прекратилось и в наши дни, что начинает он издавека, переживая в рамках своей личной внутренней жизни всю историю европейского духа» [Из Гете, 2000, с. 24].

Процесс рецепции наследия немецкого классика стал столь вариативным и неисчерпаемым благодаря масштабности и многогранности эволюционного пути Гете – прозаика, поэта, драматурга, мыслителя, интересовавшегося самыми разнообразными эстетическими, художественными и философскими направлениями, синтезированными в рамках индивидуального творчества.

На протяжении всей своей жизни Гете вел творческий диалог с великими представителями мировой литературной традиции. В период творческого становления Гете, увлеченный идеями Гердера и Винкельмана, проявил интерес к народной поэзии, к произведениям Гомера и Оссиана. Период зрелого творчества, неразрывно связанный с двумя итальянскими путешествиями, привел Гете к переосмыслению поэтики и эстетики античных авторов (Тибулл, Катулла, Проперция, Овидий, Вергилий) и великих поэтов Италии эпохи Ренессанса (Данте, Петрарка, Ариосто, Тассо). В дальнейшем Гете – мастер прозаического слова, обращался к опыту новелл Дж. Боккаччо, автобиографий Б. Челлини и В. Альфьери. Гете – драматург и руководитель Веймарского театра высоко ценил произведения У. Шекспира, К. Марло, П. Кальдерона, Ж.Б. Мольера, П.О. Бомарше, П. Метастазия, К. Гольдони, К. Гоцци. В завершении творческого пути Гете обратился к восточной поэтике и философии в цикле стихов «Западно-восточный диван», проникнутом гуманистическим духом единения высших достижений разных культур и эпох.

Гете, широко вовлеченный в мировой культурный процесс, пристально следил за развитием литературных явлений европейских государств: вел переписку с Дж. Байроном, Т. Карлейлем, А. Мандзони; встречался с русским поэтом В.А. Жуковским, итальянским драматургом В. Монти, английским романистом У.М. Теккереем; высказывал суждения о развитии французской прозы, демонстрируя глубокое знание творческих методов Оноре де Бальзака, Виктора Гюго, Проспера Мериме и многих других писателей.

Важным эстетическим и просветительским проектом Гете являлся цикл статей о «мировой литературе» («Weltliteratur»), призванный отразить многообразие литературных традиций, стремящихся к единым гуманистическим идеалам. Творческое озарение поэта и ученого позволило Гете предвидеть особенности современного литературного процесса: «Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению» [Эккерман, 1981, с. 219].

Творческое освоение художественного наследия Гете обрело формы общеевропейского диалога-сотрудничества еще при жизни немецкого классика, что подтверждают выводы И.П. Эккермана: «Я думал о многих славных наших художниках, естествоиспытателях, поэтах и критиках, в значительной мере, обязанных Гете своим развитием и становлением. Думал о талантливых итальянцах, французах и англичанах, которые обратив на него свои взоры, работали и действовали в его духе» [Эккерман, 1981, с. 271].

Обращение Гете к искусству и литературе Италии, страны в которой он испытал эффект второго духовно-нравственного рождения, вызвало яркий процесс обратной связи, выразившейся в критической, переводческой, творческой рецепции гетевских идей, жанровых форм, основных литературных мотивов. Ярким примером этого явления служит роман Уго Фосколо «Последние письма Якопо Ортиса» (1802), названный «итальянским Вертером», проникнутый глубоким национально-патриотическим чувством. Гетевская концепция «мировой литературы» нашла дальнейшее развитие в творчестве итальянского просветителя Джузеппе Мадзини, считавшего, что «Фауст» открывает необозримое поле для раздумий пылкой души и вдохновляет на новые свершения [Мадзини, 1976, с. 83]. Джакомо Леопарди творчески пересмыслил фаустианские мотивы в «Моральных очерках» (1824–1827) и «Гимне к Ариману» (1833), что вызвало в итальянской литературной среде мощный импульс творческого диалога с гетевским «Фаустом», проявившийся в произведениях Дж. Прати («Сатана и Грации», 1855),

Дж. Кардуччи («Гимн к Сатане», 1863), А. Бойто («Мефистофель», 1868), Т. Ландольфи («Фауст–67») и многих других авторов. Вслед за Гете Габриэле д'Аннунцио создал цикл «Римских элегий» (1892), продолжили традицию переосмысления наследия немецкого гения «Рейнские элегии» (1895) Луиджи Пиранделло.

Во Франции высокую оценку творчеству Гете-прозаика дала Жермена де Сталь: «Прекраснейшая книга, какой могут гордиться немцы, книга, не уступающая шедеврам других литератур, – “Вертер”». [Гете, 1998, с. 697–698]. Герой Шатобриана Рене наделен вертеровскими чертами, любовь в стиле Вертера стала архетипом жертвенности для Стендаля («О любви»; глава «Вертер и Дон Жуан», 1822). Гетевский «Фауст» был благосклонно принят французскими читателями благодаря прекрасному переводу Жерара де Нерваля. Мотив фаустианского договора прослеживается в философской повести Бальзака «Шагреновая кожа» (1831) и в романе Фредерика Сулье «Мемуары Дьявола» (1836). Гетевская традиция продолжилась во французской литературе XX века: Андре Жид и Поль Валери считали Гете одним из главных литературных учителей Европы. В драматической поэме Валери «Мой Фауст» (1938–1945) прозвучало предчувствие кризиса самосознания европейца-интеллектуала. Очередным переосмыслением фаустианской темы явилась повесть Пьера Мак-Орлана «Ночная Маргарита» (1955).

В деле популяризации творчества Гете в Англии большую роль сыграл известный литератор и мыслитель Томас Карлейль. Именно благодаря его переводческим трудам англичане познакомились с романом «Годы учения Вильгельма Мейстера». Равновеликими гениями-современниками, поддерживающими линию литературного диалога, являлись Гете и Байрон. Немецкий поэт считал Байрона «удивительной личностью, никогда ранее не встречавшейся и вряд ли могущей встретиться в будущем» [Эккерман, 1989, с. 77]. Английский гений создал свое видение истории «Фауста» в философской поэме «Манфред» (1817). Гетевский эпистолярный отклик на свое произведение и стихотворение «К Байрону» английский поэт считал драгоценным свидетельством заключенного духовного союза. Английскую традицию переосмысления фаустианских мотивов продолжил Оскар Уайльд в романе «Портрет Дориана Грея» (1890). В англоязычной литературе XX века фаустианские идеи реализовались в произведениях Гертруды Стайн (комедия «Доктор Фауст зажигает огни», 1938), Энтони Борроу (драма о «Джоне Фаусте», 1957), Эдварда Бинга (новелла «Возвраще-

ние доктора Фауста», 1959), Джека Керуака (роман «Доктор Закс. Фауст, часть третья», 1959) и многих других авторов.

Активное развитие гетевской проблематики в литературной традиции России основано на постоянном глубоком интересе русских писателей к творчеству немецкого гения. К.Н. Батюшков, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский, А.И. Кошелев и другие писатели начала XIX века совершили литературное паломничество в Веймар при жизни немецкого классика. В своем дневнике (1831 г.) А.И. Кошелев записал: «Был я у Гете. С благоговением вошел я в дом <...> мы разговаривали о русской и немецкой литературе; Гете очень любит нашего Жуковского, с удовольствием говорит о часах, которые с ним провел <...>. Вообще много ожидает от русских». [Гете, 1998, с. 722].

Российские авторы откликнулись на идеи и формы богатого творческого наследия Гете. Вертеровские мотивы с усиленной сентиментальной линией прочитываются в «Бедной Лизе» (1792) Н.М. Карамзина. В.А. Жуковский, переведивший Гете, развил на русской почве жанр баллады. Философские романтики, объединившиеся в 1920-е годы в московском обществе «любомудров» (В.Ф. Одоевский, Е.А. Баратынский) широко применяли в своем творчестве фаустианские темы и пантеистические мотивы гетевской лирики. К.Н. Батюшков, написав поэму «Умиравший Тасс» (1808), обратился к переосмыслению исторического сюжета, представленного у Гете в драме «Торквато Тассо».

А.С. Пушкин сыграл значительную роль в традиции русской рецепции образа Фауста. Пушкинская «Сцена из Фауста» (1825), начинающаяся с фразы: «Мне скучно, бес» (Пушкин, 1986, с. 359–362), наделяет средневекового мыслителя характерными чертами русского литературного героя начала XIX века. Мефистофелевские образы злого гения и духа отрицания глубоко интересовали М.Ю. Лермонтова («Демон», 1839), чья интерпретация гетевского стихотворения «Горные вершины» стала шедевром русской поэзии. Гетевское видение природы прозвучало в лирическом наследии Ф.И. Тютчева. Феномен «фаустианства» в русской литературе нашел творческое воплощение в произведениях Ф.М. Достоевского («Бесы», 1872), М.М. Пришвина (роман «Кашеева цепь», начатый в 1923 году, опубликованный в 1960 году), Е.И. Замятина («Мы», 1924), А.М. Горького («Жизнь Клима Самгина», 1925–1936), М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита», 1929–1940) и многих других авторов.

Актуальные для современной литературы темы гуманитарного освоения научных открытий, этических и эстетических целей цивили-

зации, глобального мышления и путей развития человеческого сознания решаются в наши дни как продолжение проблем, поставленных в художественных и критических произведениях немецкого классика. Обширная сфера влияния гетевских идей, охватывающая разные страны и континенты, дала возможность известному гетеведу Дитеру Борхмайеру высказать идею о «наднемецкой», «универсальной» сущности наследия Гете [Borchmeyer, 1999, s. 6]. Приоритетные направления творчества Гете, обогатившись различными национальными реалиями, духом сменяющихся эпох и этико-эстетических концепций, нашли новое креативное воплощение в парадигме всемирной литературной традиции, и поныне продолжающей свое эволюционное развитие под знаком гетевского гения.

Литература

- Гете И.-В. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Фауст. М., 1998.
Из Гете. Крылатые слова. Цитаты. М., 2000.
Мадзини Дж. Эстетика и критика. М., 1976.
Пушкин А.С. Собр соч. М. ; Л. 1936.
Пушкин А.С. Собр. соч. в 3 тт. М., 1986, Т. 1.
Соловьев Вл. Соч. в 2-х тт. М., 1988, Т. 1.
Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981.
Borchmeyer D. Goethe – der Undeutsche // Dichtung und Wahrheit. Zum 250 Geburtstag von J. W. Von Goethe. Koln, 1999.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА «ВЕРА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Т.А. Талапова

Ключевые слова: концепт «ВЕРА», русское языковое сознание, ассоциативный эксперимент, Русский ассоциативный словарь.

Keywords: concept «Belief», Russian language world picture, associative experiment, Russian Association Dictionary.

В настоящее время в связи со сменой парадигм в лингвистике и утверждением антропоцентрической парадигмы в центре внимания исследователей находится языковая картина мира и ее составляющие – концепты. С начала 90-х годов активно исследуются этические (бытийные, социальные, культурные) концепты. Данные категории разработаны человечеством за многие тысячелетия его существования, они имеют статус надличностных. Толковые словари фиксируют самые общие их признаки, выводя за рамки их субъективную образно-чувственную конкретику.

Образное содержание концепта включает перцептивный образ, отражающий чувственные представления людей (кодирующий образ универсально-предметного кода [Жинкин, 1998, с. 146–162]), а также когнитивный образ, который отражает смысловые связи содержания концепта с другими концептами. Наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики, в том числе при выявлении образного содержания концепта является ассоциативный эксперимент (далее – АЭ). Ассоциативная связь определена культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным

опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета: «АЭ позволяет выявить существующие у носителя языка ассоциативные семантические связи слова, упирающиеся в особенности культуры» [САН, 1977, с. 4]. Проблеме проведения ассоциативного эксперимента посвящены труды многих психолингвистов и психологов [Белянин, 2000; Горошко, 2000; Залевская, 2000; Караулов, 1999; 2000; 2002; Леонтьев, 1977; 1999; Мартинович, 1990; Попова, 2006 и др.].

Данная статья отражает результаты фрагмента проведенной экспериментальной работы, направленной на выявление содержания образа концепта «ВЕРА» в современном русском сознании, а именно анализ данных приема АЭ – частного случая АЭ.

Экспериментальная работа проводилась в ноябре–декабре 2006 года в форме анонимного анкетирования. В ней приняли участие мужчины (250 человек) и женщины (250 человек) в возрасте от 18 до 65 лет, проживающие как в сельской, так и в городской местности Красноярского края и Республики Хакасия. Родной язык у всех испытуемых – русский. Участникам эксперимента предлагалась следующая анкета.

Анкета

Цель: изучение содержания концепта «ВЕРА» в сознании носителей русского языка.

Уважаемый респондент, ответьте, пожалуйста, на вопросы анкеты.

1. Напишите общие данные о себе:

а) пол _____ б) возраст _____ в) родной язык _____
г) образование _____ е) место работы (учебы) _____

2. Напишите слово, которое у вас ассоциируется со словом:

вера –

3. Продолжите фразу:

вера – это ...

4. Объясните значения слов *вера* человеку, который его впервые слышит (например, иностранцу):

вера –

5. Напишите слова, близкие по значению слову *вера*.

вера –

Благодарим за участие в анкетировании.

Представленные в статье результаты, отражают данные, полученные при обработке ответов на второе задание анкеты. Информанты напротив предложенного слова-стимула *вера* должны были записать первое слово, которое придет им в голову. В случае, если такое слово не находилось, опрашиваемые ставили прочерк. Полученные ответы были обработаны и построено ассоциативное поле стимула *вера*. Ассоциативное поле концепта образовано совокупностью ассоциатов на стимул – клю-

чевую лексему-репрезентант концепта, «что позволяет выделить многочисленные когнитивные признаки, объективированные ассоциатами» [Когнитивная лингвистика, 2007, с. 185].

Анализ ассоциаций свидетельствует о том, что для носителей русского языка характерно преобладание парадигматических ассоциативных реакций (83,7%). Это подтверждает результаты исследований о связях типов ассоциаций с функциональной асимметрией головного мозга. «Выбор левополушарной или правополушарной стратегии ассоциирования зависит от некоторых особенностей слов и обозначаемых ими явлений <...> конкретные слова предполагают преимущественное участие в осознании слов правого полушария, абстрактные – левого» [Попова, 2006, с. 22–23].

Ассоциаты интерпретировались нами как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта [Когнитивная лингвистика, 2007, с. 127–128]. Для наименования формулируемого когнитивного признака выбиралось наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово. Процент высчитывался от количества приведенных ассоциаций (493). Не ответили на вопросы анкеты 7 человек (1,4% от всего количества испытуемых). В выделенных смысловых зонах признаки расположены по критерию яркости, образуя микрополя:

1. Эмоциональное состояние, чувства человека (103 – 20,6%):

1) надежда (42): *надежда (40), ожидание*; 2) любовь (27); 3) состояние верующего (11): *религиозность (2), послушание, подчинение, поклонение, беспрекословность, принятие, терпение, спокойствие, покой*; 4) чувство и состояние радостного мироощущения (9): *счастье (3), радость, вдохновение, хорошо; оптимистичность, оптимизм, благополучие*; 5) внутреннее состояние (6): *душа (4), внутреннее состояние, чувство*; 6) настойчивое желание (4): *стремление (2), стремление вперед, желание*; 7) сила (2): *сила, внутренняя сила*; 8) скорбь (1); 9) стабильность (1); 10) свобода (1).

Вера связана с чувствами, которые оцениваются положительно (*любовь, счастье, радость, хорошо*). Центральным дифференциальным признаком является *надежда* – ожидание, уверенность в осуществлении чего-нибудь радостного, благоприятного. Другим центральным дифференциальным признаком является *любовь* – чувство самоотверженной, сердечной привязанности.

Вера ассоциируется с душой, об этом свидетельствует ассоциация–локализация *душа*. Испытуемые определяют веру как внутреннее

состояние, которое характеризует человека. Выделяются два варианта характеристики: 1) *религиозность, послушание, подчинение, поклонение, беспрекословность, принятие, терпение, спокойствие, ожидание, скорбь, покой* – это характеристика человека с религиозной верой; 2) *стремление, оптимистичность, оптимизм, благополучие, желание, сила, свобода, вдохновение, внутренняя сила* – это характеристика состояния человека, уверенного в себе, живущего с верой, которая является движущей силой и связана с активной жизненной позицией. Признаком *веры* выступает настойчивое желание, сила, свобода. Человек с верой эмоционально стабилен. Один ассоциат *скорбь* выражает мрачное мироощущение, глубокую печаль.

Объекты, вызывающие веру и доверие (87 – 17,4%):

1) Бог (50 – 10,2%): *Бог (37), Иисус Христос (3), вера в Иисуса Христа (2), вера в Бога (2), ангел (2), Иисус, вера в Иисуса, божество, уверование в чем-либо*; 2) вера в людей (21 – 4,2%): *вера в друзей (8 – 1,6%), вера в семью (5 – 1%), вера в себя (5 – 1%), вера в людей (3 – 0,6%)*; 3) вера в будущее (10 – 2%): *вера в светлое будущее (3), будущее (3), доброе будущее, лучшее будущее, хорошее будущее, вера в осуществление мечты*; 4) вера в добро (2 – 0,4%); 5) вера в гороскоп, вера в НЛЮ, суеверие (по 0,2%), дьявол (0,2%).

Центральным дифференциальным признаком в данной группе ассоциаций является *Бог*. Объектами веры выступают друзья, семья, сам человек, окружающие люди, будущее, добро, гороскоп, НЛЮ, дьявол, предрассудки. Ассоциатов, связанных с верой в людей больше, чем ассоциатов, связанных с верой в будущее. Это позволяет говорить, что вера человека как интеллектуально-модальное состояние, в первую очередь, имеет своим объектом другого человека и выступает основой доверия и уверенности в человеке. Вера в будущее раскрывает глубиннейшую интуицию о «добром» устройении мира, о том, что мир должен соответствовать нашему идеальному (и потому оптимистичному) представлению о нем.

3. Уверенность в ком-то (76 – 15,2%): 1) отношения, построенные на доверии (30): *понимание (8), дружба (7), искренность (3), уважение (2), поддержка (2), верность (2), опора, взаимопонимание, серьезное отношение, восприятие всерьез, преданность, взаимопомощь*; 2) доверие (26): *доверие (23), довериться, доверять, доверчивость*; 3) уверенность (16): *уверенность (12), глубокая уверенность, убежденность (3)*; 4) убеждение (3); 5) внутренняя уверенность: *знаю, что все получится (1)*.

Доминирующим дифференциальным признаком является *доверие* (23 выбора). Доверительные отношения – это серьезные отношения, основанные на понимании, искренности, уважении и т.п. Доверие – это отношение, поэтому первые два признака неразрывно связаны между собой.

К признакам *уверенность, убежденность, убеждение* можно отнести ассоциат «знаю, что все получится». «Я знаю, что...» подразумевает, что наше знание предстает перед нами как нечто очевидное, недискуссионное, как нечто, что и не вычислено субъектом и не принято им на веру, но словно бы непосредственно увидено в объективной реальности. В данном случае знание воспринимается не как акт, а как данность – как обладание истиной. Другими словами, мы имеем дело с верой в чистом виде, с металогически обоснованным убеждением. Но степень убежденности настолько высока, что говорящий перестает отдавать себе отчет в субъективности собственной веры – и она становится для него как бы объективным знанием.

4. Религия, вероисповедание (67 – 13,5%): 1) религия (31 – 6,2%): *религия (15), православие (6), христианство (3), вероисповедание (3), секта (2), христианская вера, верование*; 2) место и предметы христианского культа (29 – 5,8%): *церковь (12), крест (4), икона (4), свечи (2), храм (3), молитва, колокольный звон, Библия, свеча*; 3) служители культа (6 – 1,2%): *священник (3), религиозный человек, христианин, верующие люди*; 4) чудо (0,2%).

Данные признаки тесно связаны с признаком *Бог*, так как отражают религиозный аспект. Преобладающим является признак *религия*. Он формируется ассоциатами-синонимами. Религиозная вера связана с местом и предметами христианского культа. «Проводниками» религиозной веры выступают служители культа (*священник*), они являются посредниками между Богом и верующими людьми. Вера в Бога связана с мистикой, чудом. Чудо – нечто небывалое, сверхъестественное (первоначально в религиозных представлениях то, что якобы вызвано божественной силой [Ожегов, 2007, с. 621]), поэтому ассоциат *чудо* мы относим к данному классификационному признаку.

5. Женский образ (48 – 9,7%): 1) имя Вера (32 – 6,4%): *имя (24), имя девушки (2), девочка Вера, имя девочки, название магазина, баба Вера, имя женщины, имя сестры*; 2) образ женщины (16 – 3,2%): *девушка (7), сама (3), Софья, женщина, мама, ребенок, девочка, супруга*.

Испытуемые связывают веру с именем собственным *Вера* (в анкете слово *вера* было написано со строчной буквы). Реакции *сама, мама, супруга* могут быть отнесены к классификационному признаку «Объ-

ект веры», что свидетельствует об общности смысловых зон в структуре концепта.

6. Нравственные качества человека (25 – 5,0%): 1) верность (6): *надежность (4), верный, постоянство*; 2) честность (7): *справедливость (2), порядочность (2), честный человек, честь, чистота души*; 3) моральная устойчивость (5): *мораль (2), благомыслие, воспитанный человек, бескорыстный человек*; 4) доброта (4): *доброта (3), добрый человек*; 5) *целеустремленность (3)*;

Вера указывает человеку его жизненный путь, она определяет его отношение к себе, к людям, к природе. Человек с верой в душе, по мнению испытуемых, обладает только положительными качествами: верностью, честностью, морально устойчив, добр и целеустремлен. Это воспитанный человек с чистой душой, честью, благомыслием, живущий по правилам нравственности.

7. Жизнь (20 – 4,0%): 1) жизнь (15): *жизнь (10), судьба (2), часть жизни, существование, загробная жизнь*; 2) мир (4); 3) родина (1).

Вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки, сопровождающая человека на протяжении всей его жизни. Вера – это мир, признак, показывающий безграничность концепта, а связь с жизнью свидетельствует об его актуальности. Вера в сознании одного испытуемого отождествляется с родиной. Ассоциаты *судьба, загробная жизнь* связаны с признаком «Объект веры», и входят в общую смысловую зону.

8. Природа, явления природы (16 – 3,2%): *свет (11), тепло (2), небо, солнце, конь*.

Чувственный образ веры – свет, солнце, тепло. Признак протяженности несет в себе ассоциат *небо*. Небо, солнце, свет – религиозная символика, представляющая величие Божие. К небу, солнцу, свету рвется душа, стремящаяся к очищению. Данные ассоциаты заключают в себе признак возможности обретения духовной свободы.

9. Средство постижения действительности (16 – 3,2%): 1) знание (13); 2) личный опыт (1); 3) информация (2): *газета, сообщение*.

Вера базируется на подтверждающем ее результаты опыте, на общезначимости того, во что верят. Верить можно лишь в необоснованное и недостоверное. Слово «знание» само создает впечатление надежности и неоспоримости. Отсюда возможность использования слова «знаю» для придания своему мнению дополнительного веса, авторитетности. Знание и вера совсем не исключают друг друга. Любая коммуникация предполагает некоторые общие знания, веру и сомнения

у субъектов общения. Без веры, знания сам акт коммуникации становится невозможным. Вера связана с личным опытом, с информацией, которой можно верить или не верить.

10. Правда (15 – 3%): *правда (9), истина (6)*. По мнению Хайдеггера, концепт *истины* трактовался греческой архаикой как «откровение бытия», и лишь впоследствии, с разрушением внутренней формы, произошла и переинтерпретация концепта. Смысл меняется на более понятную, оценочную «правильность точки зрения» [Логический анализ языка, 2003, с. 337]. Согласно этому высказыванию мы объединяем эти ассоциаты. Вера сопряжена с правдой, то, что отражает реальную действительность, является правдой и может выступать предметом веры.

11. Успех (7 – 1,4 %): *успех (3), победа (2), удача, исполнение планов*.

12. Защита (4 – 0,8%): *защита (2), российское войско, подвиг*.

13. Цель (4 – 0,8%): *мечта (2), цель, идеал*.

14. Символ (0,2%): *белая полоса на флаге России*.

15. Избавление от несчастья (0,2%): *спасение*.

16. Вероятная возможность осуществления чего-либо (0,2%): *шанс*.

17. Морское судно (0,2%): *корабль*.

18. Торжественное обещание (0,2%): *обет*.

Последние восемь признаков включают в себя индивидуальные ассоциации. Они представляют собой метафорический образ – *корабль* («... *жизненный корабль, руководимый верою, плывет на всех парусах*» [Соловьев, 2004, с. 10], символику (*белая полоса на флаге России* – символ чистоты души и помыслов), объекты веры (*успех, победа, удача, исполнение планов*). Вера связывается в сознании испытуемых с защитой, со спасением, с шансом, торжественным обещанием, обязательством. Все единичные ассоциаты носят положительную оценку.

Анализ ассоциатов к слову-стимулу *вера* позволяет выявить следующее ассоциативное значение: *вера* – это сильное, внутреннее чувство человека, связанное с надеждой, доверием, уверенностью, имеющее двойственный характер по основным своим объектам (Бог или человек) и определяющее положительное эмоциональное состояние и нравственное поведение человека.

Стереотипными ассоциациями для стимула *вера* являются: надежда (40), Бог (37), любовь (27), имя (24), доверие (23), религия (15), знание (13), церковь (12), уверенность (12), свет (11), жизнь (10), правда (9), понимание (8).

Сравнивая результаты с данными Русского ассоциативного словаря [РАС, 2002] мы отмечаем почти полное совпадение реакций. У испытуемых нашего исследования отсутствуют реакции, приведенные в словаре: *маленькая, в коммунизм, в Ленина, в царя, Ивановна, и надежда, мусульманская, истинная, полувера, светлая, ушла, фанатизм*. Данные ассоциации носят в основном синтагматический характер, содержат в себе образное представление конкретной ситуации.

Доверие, знание, уверенность, свет, правда, понимание являются стереотипными ассоциациями в нашем исследовании, но отсутствуют среди реакций в РАС (2002). Это показывает актуальность данных понятий в настоящее время.

На основе представленного фрагмента сопоставительного анализа двух ассоциативных полей можно сделать вывод о том, что с течением времени в сознании носителей русского языка обнаруживаются новые стереотипные реакции на слово – стимул *вера*. Связано это, в основном, с диахроническим изменением мировоззрения, идеологии в русской языковой картине мира.

Литература

- Белянин В.П. Введение в психолингвистику. М., 2000.
Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков ; М., 2001.
Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Н.И. Жинкин. Язык. Речь. Творчество. М., 1998.
Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. М., 2000.
Когнитивная лингвистика. М., 2007.
Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1999.
Логический анализ языка. Избранное 1988 – 1995. М., 2003.
Мартинovich Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2.
Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2007.
Попова Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии. М., 2006.
РАС – Русский ассоциативный словарь. Том I. От стимула к реакции. М., 2002.
САН – Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.
Соловьев В.А. Русская культура. С древнейших времен до наших дней. М., 2004.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛИЦО» ЧЕРЕЗ МЕТАФОРУ И МЕТОНИМИЮ

Д.М. Куреева

Ключевые слова: концептуальная теория метафоры, концептуальные сферы «источник» и «цель», метафорическое проецирование (картирование), метонимия, теория концептуальной интеграции.

Keywords: the conceptual theory of metaphor, «source» domain and «target» domain, metaphorical mapping, the theory of conceptual integration.

Когнитивный подход оказывается сегодня ключом к решению вопросов, которые обращены к анализу познавательных процессов. Как отмечает Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 2004, с. 41–42], отличительные особенности когнитивной науки связаны с тем, что область ее непосредственных интересов определяется обращением к знанию и познанию. Когнитивная лингвистика, связи с которой при формировании когнитивной науки были исключительно тесны, – направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков, 1994, с. 304] и когниция «в ее языковом отражении» [Рудакова, 2002, с. 10].

Для того чтобы сформулировать цель настоящей статьи, необходимо обратить внимание на следующее:

1) для современной лингвистики характерен интерес к любым проявлениям «человеческого фактора» в языке. Языковая деятельность отражает действительность через ее восприятие человеком, поэтому в языке имеется богатый набор средств для представления и характеристики самого человека [Нестерова, 2007, с. 3];

2) центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф и Джонсон, 2004, с. 27], суть метафоры – это понимание и познание сущности одного вида в терминах сущности другого вида. Рассматривая когнитивную метафору как одну из форм концептуализации, Е.С. Кубрякова в «Кратком словаре когнитивных терминов» [Кубрякова, 1996, с. 55] определяет ее как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно полу-

чение нового знания»).

Учитывая все вышесказанное, целью настоящей статьи является рассмотрение возможностей метафоризации концепта «ЛИЦО», а также его реализации через метонимию с привлечением данных английского и русского языков. В соответствии с поставленной целью выдвигаются следующие задачи:

1) рассмотреть особенности когнитивного подхода к метафоре и метонимии;

2) провести сравнительно-сопоставительный анализ концепта «ЛИЦО» посредством его метафорического и метонимического переосмысления в английском и русском языках (на основе теории концептуальной интеграции).

Основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом [Баранов, 2004, с. 9]. Когнитивная теория метафоры преимущественно основана на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону [Лакофф и Джонсон, 2004, с. 27], метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

В рамках теории концептуальной метафоры, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – концептуальной сферы (домена) «источника» (source domain) и концептуальной сферы (домена) «цели» (target domain) [Баранов, 2004, с. 9]. В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «**метафорическое проецирование (картирование)**» (metaphorical mapping). Согласно В. Крофту и Д.А. Крузу [Croft & Cruse, 2004, с. 196], проецирование (картирование) является ассиметричным, однако метафорические выражения проецируют концептуальную структуру в сфере «цель», а не в сфере «источник». Предположение о частичном воспроизведении структуры источника в структуре цели получило название «**гипотезы инвариантности**» (Invariance Hypothesis).

Наряду с метафорой, одну из базовых характеристик познания представляет собой метонимия. Ей присуща в основном референци-

альная функция, то есть она позволяет одной сущности *заменять* другую. Например, метонимия ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО предполагает существование множества частей, которые могут заменять целое. Дж. Лакофф отмечает, что нет ничего более обычного для людей, чем взять какой-либо легко воспринимаемый аспект чего-либо и использовать его для обозначения вещи в целом или какой-либо другой ее стороны или части [Лакофф, 2004, с. 111].

Итак, метонимия позволяет сконцентрироваться на определенных сторонах того, что обозначается. Метонимические, как и метафорические, концепты являются составной частью обыденного мышления [Лакофф и Джонсон, 2004, с. 62–63].

Когнитивная теория метафоры нашла свое дальнейшее развитие в исследованиях, посвященных так называемым «смешанным» ментальным пространствам. Основатели рассматриваемой теории М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу, что метафоризация включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории, получившей название «теория концептуальной интеграции» (Blending Theory), разрабатывался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье и теории концептуальной метафоры. М. Тернер и Ж. Фоконье [Фоконье и Тернер, URL] предложили модель нескольких пространств (*manu-space model*), которая являлась альтернативой двухдоменной модели метафоры (*two-domain model*). Два традиционных пространства, которые обычно связываются с концептуальными сферами «источник» и «цель» комбинируются посредством образно-схематического выстраивания концепта и производят еще одно, независимое смешанное пространство (*blended space*), несущее результирующую интегрированную структуру. Однако наиболее значительный вклад Ж. Фоконье и М. Тернера в двухпространственную модель Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980) представляет собой использование так называемого родового пространства (*generic space*). Оно служит медиатором между содержанием входных пространств и содержит в себе атрибуты концептов, которые присутствуют в обеих сферах. Посредством данных атрибутов входные пространства структурно приводятся в соответствие.

Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два входных пространства (*input spaces*), родовое пространство (*generic space*) и смешанное пространство (*blended space*), или бленд (*blend*).

Рассмотрим реализацию данной теории на конкретных примерах. В русском и английском языках существует такая концептуальная метафора, как ПЕРЕДНЯЯ ЧАСТЬ – ЭТО ЛИЦО (FRONT IS A FACE). В русском языке она реализуется посредством таких метафорических выражений, как *лицо и изнанка; товар лицом показать; лицо здания; лицо ткани; лицо монеты*. В английском языке примерами служат метафорические выражения, типа *the face of a playing card; face – the outer or upper side of a fabric; the face of a building*. Проанализируем данную метафору в соответствии с теорией концептуальной интеграции:

Родовое пространство

Месторасположение (Ориентация «передняя – задняя сторона»).

Форма.

Роль.

Входное пространство 1 (источник – Лицо)

Месторасположение лица (лицо является передней частью головы).

Форма лица (лицо может быть круглым, овальным, «квадратным»).

Роль лица (лицо – местонахождение органов чувств; оно является маркером возраста; позволяет визуально отнести человека к женскому или мужскому полу; является объектом оценки по эстетическим параметрам).

Входное пространство 2 (цель – Передняя часть)

Месторасположение (находится спереди).

Форма (любая, в зависимости от объекта).

Роль (служит обозначением того, что находится спереди, что – сзади).

Выходное смешанное пространство

Месторасположение (как источник, так и цель данной метафоры находятся спереди).

Роль (как источник, так и цель служат обозначением того, что находится спереди).

Исходя из данного анализа видно, что мы концептуализируем переднюю часть какого-либо объекта в качестве лица по причине одинакового месторасположения и роли.

Выше уже приводился пример концептуальной метафоры РЕПУТАЦИЯ – ЭТО ЛИЦО (REPUTATION IS A FACE), которая проявляется в обоих языках в следующих метафорических выражениях: *(не) ударить в грязь лицом, потерять лицо (to lose one's face), сохранить лицо (to preserve one's face)*. Концепты, заложенные в данную метафору,

довольно сложны, поэтому рассмотрим ментальные пространства для каждого концепта в отдельности.

РЕПУТАЦИЯ – ЭТО ЛИЦО (проявляется в выражениях *ударить в грязь лицом, потерять лицо (to lose one's face)*).

Родовое пространство

Агент.

Пространство.

Общий вид.

Состояние.

Роль.

Входное пространство 1 (источник – Лицо)

Роль: Агент (Человек).

Расположение в пространстве (Часть головы).

Защищающая поверхность (Кожа лица за исключением его краев).

Ограничивающая поверхность.

Сторона (Передняя).

Общий вид (Вид или выражение лица).

Состояние (Плохое или хорошее).

Роль (Помогает или служит помехой; является объектом оценки по эстетическим параметрам).

Входное пространство 2 (цель – Репутация)

Роль: Агент (Неудачник).

Расположение, защищающая поверхность, ограничивающая поверхность (Общество).

Общий вид (Не заслуживает уважения и восхищения, низкая оценка).

Состояние (Плохое имя).

Роль (Служит помехой).

Выходное смешанное пространство

Роль: Агент (Неудачник).

Расположение: Пространство (Ограничивающее пространство, защищающая поверхность).

Общий вид (Плохой).

Состояние (Плохое имя).

Роль (Служит помехой (как источник, так и цель являются объектами отрицательной оценки человека)).

РЕПУТАЦИЯ – ЭТО ЛИЦО (проявляется в выражениях *не ударить в грязь лицом, сохранить лицо (to preserve one's face)*).

Родовое пространство

Агент.

Пространство.

Общий вид.

Состояние.

Роль.

Входное пространство 1 (источник – Лицо)

Роль: Агент (Человек).

Расположение в пространстве (Часть головы).

Защищающая поверхность (Кожа лица за исключением его краев).

Ограничивающая поверхность.

Сторона (Передняя).

Общий вид (Вид или выражение лица).

Состояние (Плохое или хорошее).

Роль (Является объектом оценки по эстетическим параметрам).

Входное пространство 2 (цель – Репутация)

Роль: Агент (Успешный человек).

Расположение, защищающая поверхность, ограничивающая поверхность (Общество).

Общий вид (Заслуживает уважения и восхищения, высокая оценка).

Состояние (Доброе имя).

Роль (Помогает).

Выходное смешанное пространство

Роль: Агент (Успешный человек).

Расположение: Пространство (Ограничивающее пространство, защищающая поверхность).

Общий вид (Хороший).

Состояние (Доброе имя).

Роль (Помогает (как источник, так и цель являются объектами положительной оценки человека)).

Итак, метафора РЕПУТАЦИЯ – ЭТО ЛИЦО существует потому, что благодаря обоим концептам можно дать положительную или отрицательную оценку человеку.

Помимо приведенных выше примеров, в обоих языках находит свое отражение особый случай метонимии ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО: ЛИЦО ВМЕСТО ЧЕЛОВЕКА (THE FACE FOR THE PERSON). Например: в русском языке – *отдельные лица, подставное лицо, действующее лицо, доверенное лицо, физическое лицо, стоять или говорить лицом к лицу*. В английском языке – *lots of new faces around here, face to*

face; she is just a pretty face. Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 63] подчеркивают, что метонимия ЛИЦО ВМЕСТО ЧЕЛОВЕКА не просто принадлежность языка. Чтобы получить представление о том, как выглядит человек, мы смотрим, скорее, на его лицо, чем на позу или движения. Когда мы узнаем о человеке по его лицу и принимаем решения на основании этого знания, мы действуем по принципам метонимии.

В заключение хотелось бы выделить основные положения данной статьи:

1. На современном этапе развития теории метафоры огромную роль играет когнитивная лингвистика, а антропоцентризм является неотъемлемым свойством языковой картины мира, поскольку язык есть не что иное, как реализация когнитивных способностей человека.

2. Метафора понимается как ментальное явление, как универсальный когнитивный механизм. Согласно теории концептуальной метафоры, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – концептуальной сферы «источник» и концептуальной сферы «цель». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическое проецирование».

3. Наряду с метафорой одну из базовых характеристик познания представляет собой метонимия.

4. В рамках «Теории концептуальной интеграции» предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два входных пространства, родовое пространство (*generic space*) и смешанное пространство (*blended space*), или бленд (*blend*).

5. В русском и английском языках существуют такие концептуальные метафоры, как ПЕРЕДНЯЯ ЧАСТЬ – ЭТО ЛИЦО (*FRONT IS A FACE*), РЕПУТАЦИЯ – ЭТО ЛИЦО (*REPUTATION IS A FACE*). В обоих языках находит свое отражение особый случай метонимии ЧАСТЬ ВМЕСТО ЦЕЛОГО: ЛИЦО ВМЕСТО ЧЕЛОВЕКА (*THE FACE FOR THE PERSON*).

Литература

Баранов А.Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.

Кубрякова Е.С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Нестерова М.В. Вербализация концептосферы HUMAN FACE в американской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2002.

Фоконье Ж., Тернер М. Концептуальная интеграция и смешение : общий обзор // [Электронный ресурс]. URL: <http://metaphor.narod.ru/review/fauconier.htm>

Croft William, Cruse D. Alan. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.

Источники

Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. СПб., 1998.

Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2006.

Macmillan English Dictionary for Advanced Learners – Bloomsbury Publishing Plc, 2002.

Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. New York: Gramercy Books: Random House Value Publishing, Inc.

КРИЗИСНАЯ МЕЖПЕРСОНАЖНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ : ОСНОВЫ ЛИНГВОЭВОКАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (на материале рассказов В.М. Шукшина)

Э.В. Малыгина

Ключевые слова: кризисная коммуникация, «сшибки», приемы воспроизведения, лингвоэвокационное исследование.

Keywords: crisis communication, «sshibki», ways of reproducing, linguoevocational research.

Литературные произведения исследуют категории человеческого мышления, зачастую пытаясь дать ему новое направление, не предусмотренное в нашем языке; художественная литература делает явными те категории, сквозь призму которых мы, не сознавая того, видим мир.

Джонатан Каллер

В сфере творческого мировосприятия Шукшина-художника всегда выделялась проблема Человека, «внутренних законов образования личности» [Козлова, 1992, с. 169]. Человек в прозе писателя позволяет многогранно сформировать фокус означаемых, определяемых самой природой художественного текста как «субъективного отражения объективного мира, выражения сознания что-то отражающего» [Бахтин, 1986, с. 301]. По замечанию С.М. Козловой, «Шукшин не боится “ни крайних ситуаций, ни лобовой контрастности”»: “Мне нравится вот эта сшибка совсем полярных каких-то вещей, столкнуть разные представления о жизни”» [Козлова, 1992, с. 169]. В связи с этим проблема самоопределения, самоидентификации и поиска себя в окружающем мире представлена в текстах рассказов активной деятельностной позицией Человека, одним из вариантов проявления которой являются «сшибки». Момент самих «сшибок» мы рассматриваем как знак кризисных проявлений в межперсонажной художественной коммуникации.

Основными характеристиками кризисной коммуникации в речевой ситуации признается лишение речи власти, неравноправие участников рече-коммуникативного акта и лишение homo loquens сугубо человеческого: способности к мышлению [Мальгина, Подсадный, Чувакин, 2009, с. 165]. Подход к определению кризиса речевой коммуникации через кризис человека позволяет установить два основных его проявления: 1) снижение уровня способности человека к мыслеречевой деятельности; 2) снижение уровня способности человека к речекоммуникативной деятельности [Чувакин, URL]. В художественном тексте кризисная коммуникация представляет собой модель акта кризисного взаимодействия, имеющего место в естественных условиях.

В статье выделение элементов кризисной коммуникации базируется на лингвоэвокационном аспекте исследования текста, в соответствии с которым воспроизведение текстового межперсонажного взаимодействия характеризует «реализацию репрезентативной функции языка посредством знаковых последовательностей (текстов) в актах коммуникативной деятельности говорящего и слушающего, имеющих быть в коммуникативных ситуациях» [Чувакин, 1995, с. 21].

Задачей настоящего исследования является выделение приемов, с помощью которых становится возможным обозначение кризисной коммуникации, то есть «сшибок», изображенных в структуре художественного текста.

Под приемом воспроизведения в данном исследовании понимается способ создания кризисной коммуникации с помощью средств эвокации (средств языка) с учетом того, что «каждый момент произведе-

ния дан нам в реакции автора на него» [Бахтин, 1986, с. 9]. Соответственно авторская точка зрения на героя и на характер его коммуникативной деятельности актуализирует изображение «сшибок» как закономерного способа проявления специфических форм человеческих отношений.

В текстовой действительности кризисность коммуникации выделена на следующих уровнях художественно-речевой структуры: 1) конструкции с чужой речью; 2) диалогические партии персонажей; 3) внутренний монолог героя.

Особое место в работах Шукшина уделено использованию конструкций с чужой речью. Парадигматический подход исследования данной конструкции позволяет идентифицировать ее как системно-деятельностную категорию [Чувакин, 1990, с. 97], создающую способность текста к жизни, в процессе реализации «единства двух сознаний, двух субъектов» [Бахтин, 1986, с. 301].

Выделение частотных приемов воспроизведения межперсонажных «сшибок» как способа реализации формы кризисной коммуникации проводится на материале рассказов «Суд», «Материнское сердце» и «Мой зять украл машину дров!», обозначающих фрагменты речевого взаимодействия персонажей в аспекте Человек–Власть.

Среди приемов воспроизведения кризисной коммуникации отметим следующие.

1) **Прием прерванной речи.** Прием прерванной речи в представленном фрагменте выступает сигналом социального неравноправия коммуникантов, когда один из взаимодействующих субъектов намеренно лишает другого права на формирование законченной мысли:

Судья устало (отчего они так устают? Неужели судить трудно?) смотрел на него.

– Сальца ребятишкам отвезите...

Судья тоже невольно оглянулся на дверь. Потом уставился на Ефима...

– Что? – спросил тот. – Я, мол, ребятишкам...

– Не надо, – негромко сказал судья.

– Да нет, я же не насчет суда – дело-то теперь прошлое. Я думал, ребятишкам-то можно отвезти... А что? Это ж не деньги, деньги я бы...

– Да не надо! Вон отсюда! – Судья повернулся и сам вышел. И крепко хлопнул дверью...

Автором имплицитно создается установка одного из персонажей на коммуникативное сотрудничество. Что создается с помощью

характеризации невербального поведения судьи в авторской ремарке (*устало смотрел на него*). Прием резкого и внезапного прерывания речи собеседника воспроизводит интонационную и смысловую незавершенность речевой партии с помощью пунктуационного знака «многоточие» (*– Что? – спросил тот. — Я, мол, ребяташкам... – Не надо, – негромко сказал судья*). Прерывистость речи Валикова сигнализирует о ситуации неравнозначной социально-ролевой характеристики коммуникантов (*Я думал, ребяташкам-то можно ответить... А что?*). В речевой партии Валикова воссоздается психологическое состояние неуверенности, подавленности, робости в общении с судьей. Прием резкого и внезапного обрыва речи моделирует ситуацию монополии представителя власти на межличностную коммуникацию, так как «прерывающая реплика» признается «всегда семантически весомей прерываемой» [Чумаков, 1975, с. 156]. С помощью ввода повторяющейся отрицательной безлично-модальной конструкции (*не надо*) на смысловом уровне формируется позиция дистанцирования по отношению к собеседнику, нежелание осуществления взаимодействия. Автор моделирует коммуникацию, в которой говорящий, «прерывая мысль собеседника, развивает, продолжает ее в ином даже противоположном направлении» [Чумаков, 1975, с. 160].

Сигналом отказа от дальнейшего сотрудничества является эмоциональная императивная установка судьи (*Вон отсюда!*). Процесс внезапного обрыва коммуникативного взаимодействия маркируется приемом прерывания реплики собеседника, что сопровождается лишением его права на СЛОВО. В.М. Шукшин изображает динамику характера невербального поведения судьи: от *негромкого* высказывания он переходит к крику, сопровождающемуся *крепким* хлопаньем дверью. Таким образом, прием прерывания речи собеседника, отрицание поддержания инициативы взаимодействия и установление монополии на СЛОВО позволяет обнаружить элементы кризисной коммуникации во фрагменте рассказа. В реплике представителя власти воспроизводится особенность кризисного взаимодействия, семантизирующего принцип неуважения Другого. Установка судьи на пропозицию «Ты не Человек» реализует «самое сильное оскорбление по Шукшину» [Кошей, 2004, с. 104.]. Поэтому реабилитация права на уважение инвалида и участника войны пимоката Валикова, которая выступала в качестве основной причины организации судебной тяжбы, в конце рассказа проявилась в более эмоционально насыщенной форме художественной неразрешимости. То есть «сшибка» на социально-ролевом уровне при-

водит к конфронтации на смысловом уровне в процессе интерпретации информации персонажем.

2) В рассказе «Материнское сердце» отсутствие ответной реплики организует смысловую однонаправленность коммуникативной модели Человек-Власть, воспроизводимую В.М. Шукшиным с помощью приема смещения сферы вербальной диалогической реакции персонажа в сферу внутреннего эмоционально-психологического ее изображения, реализующуюся на смысловом уровне тактикой ухода от темы общения.

– Вот! – Прокурор поймал мать на слове. – Слушались! А почему? Нашкодил один – отец его ремнем. А брат или сестра смотрят, как отец учит шкодика... Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны... Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд. Все.

Мать поняла, что и этот – невлюбил ее сына. «За своего обиделись».

– Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

Реализация кризисного взаимодействия представлена в данном фрагменте на уровне диалога и конструкции с чужой речью.

Особое значение приобретает обращение Шукшина к противопоставлению на смысловом уровне дейктических средств в конструкции с несобственно-прямой речью (так называемый «свой», с одной стороны, и противопоставленный ему *ее сын*, с другой). Дейктическими средствами задается основная оппозиция, подчеркивающая разнонаправленность смыслового потенциала форм притяжательных местоимений.

Форма «за своего» во внутреннем высказывании матери создает в тексте «сшибку», маркирующую возникшее отчуждения между персонажами.

Автор моделирует две конфронтационные коммуникативные стратегии: логическая (осуществление которой реализует судья) и эмоционально-чувственная, вербализованная в речи судьи в обращении к матери вводом пропозиции психологического состояния (*я понимаю, тебе жалко*). Коммуникативная стратегия судьи оформляет подход к ситуации с точки зрения нормативно-правового измерения. Введение вопросительных конструкций, позволяет направить ход мысли по выгодному для адресанта направлению (*Слушались! А почему?*), тем самым создать имитацию диалогического взаимодействия. В данном рас-

сказе автор наделяет героя монополией права на организацию коммуникативного взаимодействия. Это создается с помощью назидательной тактики в речевой партии прокурора (*– Вот! – Прокурор поймал мать на слове. – Слушались! А почему? Нашкодил один – отец его ремнем. А брат или сестра смотрят, как отец учит шкодика... Только так. Прости отца одному, прости другому – что в семье? Развал*), которая представлена в качестве особого типа коммуникации, изображенной с помощью вопросительных реплик, обращенных не к собеседнику, а говорящему как транслятору логически непротиворечивого способа мышления.

В трудах М.М. Бахтина неоднократно подчеркивается идея определения ответного понимания в качестве высшей инстанции, «вытекающей из природы слова, которое всегда хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания» [Бахтин, 1986, с. 323], этим обусловлено использование вопросительной реплики, которой автор наделяет героиню (*А выше тебя кто есть?*). Представленная реплика моделирует неприятие условий договоренности с взаимодействующим субъектом. Поиск «наадресата», «добрых людей» (такого типа правосудия, которое проявит гуманность по отношению к чувству материнской жалости) становится стимулирующим фактором, определяющим стремление поиска помощи для спасения сына. Конфликт логического и эмоционального подхода к оценке фактов выстроен в приеме с непосредственно прямой речью, моделирующим процесс коммуникативного замыкания собеседника (*У матери больно сжалось сердце. Но она обиделась на прокурора...*).

Кризисность в представленном фрагменте воспроизводится отсутствием ответного понимания, что реализовано автором диалогической репликой героини, не соответствующей тематической заданности диалога с судьей. Результатом коммуникации становится тупик, не находящий вербального разрешения (обида) в общении с прокурором.

3) **Прием обобщения** становится основным способом воспроизведения кризисной коммуникации в выделенном для анализа фрагменте рассказа «Мой зять украл машину дров!». В рассказе ситуация благополучия становится интегрирующим смысловым актуализатором специфики мировосприятия персонажа. В отличие от анализируемых фрагментов произведений «Суд» и «Материнское сердце», в рассказе «Мой зять украл машину дров!» конструкции с чужой речью играют ведущую роль ввода кризисной коммуникации.

Элементы кризисной коммуникации моделируются в рассказе в аспекте философско-психологического восприятия типа отношений

Человек-Власть в ситуации проведения судебного процесса, изображенного автором во внутреннем монологе персонажа: «...Его охватил ужас перед этим мужчиной... И доказывает, доказывает, доказывает – надо сажать. Это непостижимо. Как же он потом ужинать будет, детишек ласкать, с женой спать?.. Раньше Веня часто злился на людей, но не боялся их, теперь он вдруг с ужасом понял, что они бывают страшные... В один миг все сразу рухнуло. Да и пропади он пропадом этот кожан!»

Речь представителя власти порождает процесс глубокой внутренней рефлексии персонажа. Причем, особое внимание уделено не содержательной стороне вынесения обвинений, а самому говорению как процессу. Доказательность речи прокурора вскрывает в сознании Вениамина мыслительную реакцию непонимания и ужаса. Сфера деятельности прокурора, направленная на привлечение человека к уголовной ответственности, воспроизводится во внутреннем монологе персонажа в качестве особой формы преступления. Пропозиция качественной характеристики прокурора реализуется с помощью лексического повтора пропозиций психологического состояния: *охватил ужас, с ужасом понял* и т.д. Повторы (*и доказывает*) актуализируют протокольный подход к рассмотрению деятельности человека. Таким образом, «работа» прокурора получает смысловую оценку совершающегося преступления по отношению к Человеку. Введение риторических формул обобщает характеристику античеловеческого характера регламентированного поведения прокурора в восприятии персонажа (*Как же он потом ужинать будет, детишек ласкать, с женой спать?*). Что позволяет эксплицировать «столкновение разных подходов к восприятию жизни».

Прием обобщения реализует динамику внутренней рефлексии персонажа. Если в начале монолога автор наделяет персонажа способностью характеристики конкретного участника речевого акта (*этот мужчина*), то в конце размышления автор вводит обобщение субъекта с помощью собирательной формы (*люди*), что создает выход за сферу конкретной ситуации на глобальный уровень системы жизнеустройства.

Средством воссоздания кризисной межперсонажной коммуникации в данном фрагменте выступает пропозиция эмоционально-психологического состояния, отсылающая к общинформативной характеристике жизненной системы (*В один миг все сразу рухнуло!*). В представленной смысловой формуле автор вводит в ремарку персонажа осознание непримиримости и трагизма человеческого (со)существования. Поэтому разрешение тупика автор моделирует в

рассказе с помощью ситуации самоубийства, как единственно возможного варианта осознанного решения.

Представленный в данной работе лингвоэвокационный подход позволяет выделить наиболее значимые приемы воссоздания кризисной коммуникации: прерывание речи собеседника, отсутствие ответного слова в связи со смещением ответной реплики в сферу внутренней рефлексии и обобщение системы тотального неблагополучия. Объединяющим центром, формирующим кризисоносный потенциал фрагментов рассказов, у В.М. Шукшина предстает проблема Человека, оказавшегося стесненным рамками давления административно-судебной парадигмы, определяющей закономерность возникновения «сшибок» в процессе коммуникативного взаимодействия индивидов.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Каллер Дж. Теория литературы. Краткое введение. М., 2006.
- Мальгина Э.В., Подсадный Ю.В., Чувакин А.А. Кризис речевой коммуникации : некоторые размышления и наблюдения // Университетская филология – образованию : регулятивная природа коммуникации. Барнаул. 2009. Ч. 1.
- Петров А.В. Безлично-модальные предложения // Русский язык в школе. 2004. № 6.
- Чумаков Г.М. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975.
- Чувакин А.А. Кризис речевой коммуникации как проблема языковедения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/timetable>
- Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте : основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.
- Чувакин А.А. О парадигматическом подходе к исследованию конструкций с чужой речью // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990.
- Чувакин А.А. Кризис речевой коммуникации как проблема языковедения. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/timetable>
- Козлова С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина. Барнаул, 1992.
- Кощей Л.А. Человека проблемы // Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2004. Т. 1.

АНГЛИЙСКИЙ ПЕРФЕКТ КАК ОСНОВАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ГИПЕРТЕКСТА

И.А. Бабаскина

Ключевые слова: категория, английский перфект, электронный гипертекст, ризома, соединительная функция.

Keywords: category, the English Perfect, the electronic hypertext, rhizome, link function.

Понятие категории в гипертексте сменяет собой традиционный концепт «категория», который в древнегреческой философии определяется как «основные роды или разряды бытия и соответственно основные роды понятий о бытии, его свойствах и отношениях» [Асмус, 1976, с. 352].

Обращение к конкретной истории и анализ вполне определенных языковых и мыслительных категорий позволит избежать субъективных точек зрения и умозрительных решений. Мы располагаем объективно обработанными и представленными в хорошо известной системе категориями Аристотеля, которые определяются П.С. Поповым и Н.И. Стяжкиным в книге «Развитие логических идей об античности до эпохи Возрождения» как перечень свойств. По их мнению, греческий мыслитель считал категории потенциальными предикатами любого объекта и, следовательно, рассматривал как набор априорных понятий, организующих опыт. Природа и характер аристотелевских «универсальных» языковых категорий соответствует классификации, заложенной в самом языке, поскольку именно язык благодаря своим собственным категориям позволяет распознать и определить свойства, например, всевозможные аспекты времени. Следовательно, в той степени, в какой категории, выделенные Аристотелем, можно признать действительными для мышления, они оказываются транспозицией категорий языка. То, что можно сказать, ограничивает и организует то, что можно мыслить. За аристотелевской категоризацией проступает всеобъемлющее понятие «бытие», о котором можно высказать определенную совокупность предикатов; логический статус каждого из них и стремится определить Аристотель [Попов, Стяжкин, 1974, с. 107–111].

Итак, на основе языковых категорий возможно выделить логические категории, определяющие параметры логики, с помощью которой, с одной стороны, можно описать гипертекстовую реальность, с другой, эта логика помогает ориентироваться и существовать в гипертекстовой

реальности. Актуальной становится теория существования, где язык признается одной из форм существования, языковой формой бытия. Поскольку гипертекстовая реальность являет собой видоизмененную форму бытия, меняется и логика, которая описывает эту форму бытия.

Взамен формальной логики появляется понятие «ризомы», которое предполагает принципиально новое понимание организации пространства, где взамен традиционной категории «структуры», приходит аструктурный и нелинейный способ организации целостности, оставляющий возможность для имманентной подвижности [Делез, Гваттари, 1976].

Глобальная сеть Интернет служит классическим примером ризоморфной среды, в которой информационное сообщение приобретает гипертекстовую структуру.

Само слово «гипертекст» было введено в употребление в 1965 году программистом, математиком и философом Теодором Нельсоном. Это понятие обозначало (как, собственно, и обозначает до сих пор) документ, составленный из относительно небольших фрагментов текста и таким образом, что эти фрагменты можно читать не в одном, раз и навсегда определенном (например, номерами страниц, как в обычной книге) порядке, а разными путями – в зависимости от интересов читателя, причем пути эти вполне равноценны. Читатель сам волен «прокладывать маршрут» по документу или системе документов с помощью гиперссылок (линков), то есть указаний на другие фрагменты текста, «привязанных» ко всему текущему фрагменту или к какому-нибудь его конкретному месту. Проще говоря, гипертекст это ряд кусков текста, соединенных linkами, предлагающими читателю различные пути [чтения]. Главной характерной чертой гипертекста является отсутствие непрерывности – прыжок: неожиданное перемещение позиции пользователя (читателя) в тексте [Визель, 1999].

В гипертексте понятийные категории задают новое видение пространственно-временных процессов, фундированное общими постмодернистскими презумпциями транзитивности и темпоральности. В рамках философии постмодернизма в качестве одного из центральных формулируется вопрос: «не дан ли тут уже способ иного прочтения времени» [Делез, 1998]. Речь идет об отказе линейного осознания времени, предполагающего понятия минувшего и грядущего, и от основанного на нем линейного прочтения истории как необратимо развернутой из прошлого через настоящее в будущее. Так, Лиотар считает, что темпоральность нарратива спрессована в актуальную презентативность: «именно рассказывание в настоящем разворачивает каждый раз

призрачную временность, простирающуюся между «я слышал» и «вы услышите» [Лиотар, 1998]. Следовательно, грамматическое время в гипертексте артикулируется в аспектуально-темпоральных категориях, выразителем которых и является английский перфект, в своей таксисной функции. Обобщение различных наблюдений, касающихся «влияния контекста» на ту или иную реализацию «общего значения» отдельной грамматической категории (перфекта) приводит к обнаружению некоторой семантической «суперкатегории», относящейся к гипертексту в целом, но систематически проявляющейся в каждом отдельном текстовом фрагменте [Булыгина, 1980, с. 355]. Такой суперкатегорией и является английский перфект, способный упорядочить пространственно-временные потоки гипертекста, реализуя возложенную на него логическую функцию – функцию связи.

Играя соединительную роль, английский перфект является одним из типов «сцепления» текстовых фрагментов в гипертексте и отражает конкретные характеристики гипертекстовой действительности, к которым относятся прежде всего время и пространство. Поскольку именно благодаря английскому перфекту происходит локализация гипертекстовых событий в электронной среде, эта грамматическая форма определяется не выбором Интернет пользователя, а самой гипертекстовой действительностью.

Объектом нашего исследования является функционирование грамматической единицы в определенной языковой среде, следовательно мы имеем дело с существенными признаками функциональной грамматики, в рамках которой грамматическая категориальность восходит к сложному единству мыслительной и языковой категоризации как отражению в сознании и языке структуры реального мира [Бондарко, 1983, с. 22].

Тем самым подтверждается вывод Т.В. Булыгиной о том, что всякая мыслительная категория должна получить то или иное языковое отражение – хотя бы в частных сочетаемостных ограничениях, свойственных данной языковой единице. Т.В. Булыгина вслед за Аристотелем настаивает на «тесной внутренней связи между языком и мышлением» [Булыгина, 1980, с. 335]. Особый аспект мыслительного содержания отражается в философских категориях. Рассматривая философские категории в свете постмодернизма, философы, в том числе и известный американский критик Ихаб Хасан, отмечают: неопределенность, фрагментарность, «деканонизацию», стилевой синкретизм; театральность современной культуры – обязательный учет аудитории, сращивание сознания со средствами коммуникации и т.д. Эти категории

хорошо соотносятся с основными характеристиками гипертекста: дисперсность, разнородность, нелинейность и мультимедийность [Визель, 1998]. Выделенные выше аспекты мыслительного содержания являются категориальным понятийным базисом языковых семантических функций грамматической категории перфекта, таких как результативность, предшествование и отнесенность, в основе которых и лежат понятийные категории темпоральности, аспектуальности и таксиса [Бондарко, 1983, с. 62].

Исследование современных работ в области семантики перфекта отечественных и зарубежных лингвистов позволяет сделать вывод о том, что результативность как элемент семантического содержания формы перфекта является основным видовым перфектным значением. Языковая семантическая функция результативности входит в понятийную категорию аспектуальности и одновременно является выразителем гипертекстовой категории завершенности.

Отто Есперсен отмечает, что «perfectum absolutum» по латинской терминологии или «определенный перфект» выражает результативность [Есперсен, 1958]. Monika Rathert и Arnim von Stechov выделяют отдельный тип перфекта – результативный (Resultative Perfect), который входит в группу экзистенциального перфекта (Existential Perfect) [Rathert, Stechov, 2003]; результативный тип перфекта выделяет и Paul Portner [Portner, 2000]; Дж. Э. Миллер описывает результативное значение перфекта, однако вписывает данное значение в семантическую область действительную лишь для письменного английского языка [Миллер, 1997, с. 107].

Благодаря, как определяет ее М.А. Грицюк, результативной функции действия в перфектной форме предвосхищает, предопределяет последующие действия и, заинтересовывая читателя, заостряет его внимание на причине и ходе разворачивающихся событий, приводящих к тому или иному результату или исходу, как в ниже приведенных примерах (could save an average of £100 a year; there will be none at all), а также подчеркивает значимость полученного результата [Грицюк, 2005, с. 162]: 1. «*According to the energy minister, Malcolm Wicks, those who have already considered switching suppliers (as a result) could save an average of £100 a year* [Osborne 2006]; 2. «*The problem started from two generations back. A lot of the parents have grown up in an era where there was a lack of respect. It's totally gone once it has got to their children. Eventually there will be none at all, » says 50-year-old Ken*» [Dea, 2006].

Языковая семантическая функция предшествования является временным перфектным значением и входит в понятийную категорию

темпоральности. Грамматическая форма перфекта, связывая предшествующие и последующие гипертекстовые события, является выразителем гипертекстовой категории «сообщительности».

Значение предшествования, в соответствии с теорией временного значения перфекта, предполагает наличие сопоставления с другим действием или с каким-то выраженным моментом времени. [Иванова, 1981, с. 118, 119]. Указания на эту особенность временного значения имеются у различных авторов. Так, Отто Есперсен называет его настоящим временем сохранения (*permansive perfect*) – перфект, представляющий нынешнее состояние как результат прошлых событий и называет его ретроспективной разновидностью настоящего времени [Есперсен 1958]. На связь с моментом речи указывают Monika Rathert и Arnim von Stechov, прямо говоря о том, что период времени, в котором протекает действие перфекта, всегда незакончен, и интерпретируют перфект как «растянутое настоящее» (*Extended Now*) [Rathert, Stechov, 2003]. Дж. Э. Миллер выделяет три временных типа контекста: неопределенное предшествующее время, недавнее прошлое, ситуация, начавшаяся в прошлом и продолжающаяся сейчас [Миллер, 1997, с. 105]. Graham Katz рассматривает временной значение предшествования как первостепенное, называя перфект – *Priorian time-shifting operator* [Katz, 2000].

Так, например, перфект прошедшего времени, связывая действия «предпрошедшего» и прошлого, демонстрирует непрерывный временной поток [Грицюк, 2005, с. 164], что позволяет пользователю глобальной сети целиком и полностью перенестись в иную плоскость, где создается своя линейная последовательность описываемых действий, например: 3. «*Police said the three men, all aged 24, who **were arrested on Wednesday had now been charged** with conspiracy to commit robbery at the travel agency... A 32-year-old man who **had also been arrested was released without charge***» [Wynn, 2006].

Языковая семантическая функция соотнесенности, в свою очередь, является выразителем гипертекстовой категории «холистичности», преодолевая дисперсность гипертекстовой структуры.

Грамматическая форма перфекта способна расположить гипертекстовые события относительно точки отсчета (*the reference point*) [Rathert, Stechov, 2003] и организовать каждый временной поток в разветвляющуюся последовательность здесь-и-теперь: 4. «*The programme has been running a term and a half, so it's still a work in progress, but he is confident about its prospects, saying that it gives PSHE (commonly*

known as "citizenship" lessons) a more distinctive framework» [Kneen, 2004].

Форма Present Perfect Continuous (has been running) в примере 4, подчеркивая процессуальность, «вписывает» вполне конкретное действие в некий динамичный контекст [Веселкова, 2002]. События, упорядоченные отношением «раньше, чем» (a term and a half) – «позже, чем» (but he is confident about its prospects), организуются во временные последовательности относительно пространственно-временного центра «здесь-и-теперь» (it's still a work in progress). Таким образом, границы события, выраженного перфектом, размываются, включая некоторое время «до» и отбрасывая тень на будущее. Значение будущего, включенное в момент объективного настоящего «здесь-и-теперь». Перфектная длительность или процессуальность дает жизнь временной непрерывности и целостности жизни в гипертекстовом пространстве. Длительное действие по большей части выражается перфектом, когда указано количество времени, в течение которого оно продолжалось, – определенное какой-либо мерой, например: «*a term and a half*».

Рассмотрим другие примеры английского перфекта, с помощью которых устанавливается пространственно-временная очередность событий, описанных в новостной статье «Happy Talk» на британском сайте «the Observer Guardian»: 5. «*Since then, there has been a rising clamour for more happiness, or less unhappiness, most recently with Oliver James's book Affluenza, which identifies mass consumerism as the root of our malaise*; 6. *British happiness levels have been static since the Seventies, which mirrors the experience of most developed countries*» [Hogan, 2007].

В приведенных примерах 5 и 6 форма перфекта «since then, there has been a rising clamour»; «happiness levels have been static since the Seventies» описывает события как предшествующие точке отсчета и одновременно продолжающиеся «здесь-и-теперь» (ongoing), тем самым, совпадая с описанием перфекта Рейхенбаха одновременно как предшествующее прошедшее (Priorian past) и «растянутое» (длительное) настоящее (Extended Now) («which mirrors the experience of most developed countries») [Reichenbach, 1947].

В силу широты своей семантики английский перфект в момент текущего «здесь-и-теперь» (ongoing) включает моменты «предшествующего» и «последующего». Назначение перфекта в гипертекстовой среде – использование всей совокупности воспринимаемого «здесь-и-теперь» в качестве исходного материала для построения пространственно-временной последовательности. Следовательно, перфект есть грамматическая категория пространственно-временной очередности

или последовательности (the grammatical category of Order) [Valeika, 2003]. Отсюда можно выделить организующую функцию перфекта, с помощью которой преодолевается аструктурный и нелинейный способ организации целостности временных потоков электронного гипертекста.

Проанализировав функционально-семантический потенциал гипертекстового перфекта и то общее, что связывает три основные языковые семантические функции перфектных форм (результативность, предшествование и отнесенность) воедино, можно выделить основную гипертекстовую функцию – соединительную или связующую.

В такой функции форма английского перфекта выступает в роли определенного правила или кода, который устанавливает линейные переходы между текстами, позволяя пользователю гипертекстовой информации преодолеть принцип разветвленности, амбивалентности и сверхдетерминации, путем построения определенного маршрута движения по ризомоподобной системе, именуемой Интернетом. Таким образом, перфектная форма может выразить причинность, обусловленность предшествующего действия последующим, логическую связь между действиями, формируя ткань повествования [Грицюк, 2005] в гипертекстовой среде.

Семантическое содержание грамматической категории перфекта отражает понятийные категории темпоральности, аспектуальности и таксиса, а через них, в конечном счете, и обобщенные человеческим сознанием отношения в гипертекстовой реальности.

Литература

- Асмус В.Ф. Античная философия. М., 1976.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики. Л., 1983.
- Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Веселкова Н.В. Глобальное и локальное в социальном времени: фрагментация или сохранение целостности? 2002. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/RREPORTS/veselkova_globalnoe.html
- Визель М. Поздние романы Итало Кальвино как образцы гипертекста. 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.netslova.ru/viesel/1998>
- Визель М. Гипертексты по ту и эту стороны экрана // Иностранная литература. 1999. № 10.
- Грицюк М.А. Стилистический потенциал перфекта настоящего и прошедшего времени в английском языке // Материалы шестой научной конференции. Новосибирск, 2005.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Капитализм и шизофрения. 1976. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kprpfo.chat.ru/nom.html>

- Делез Ж. Логика смысла (Первая половина). М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/logica.txt>
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alleng.ru/d/engl/engl33.htm>
- Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка // Учебник. М., 1981.
- Лиотар Ж.–Ф. Состояние постмодерна. М., 1998. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt>
- Миллер Дж. Э. Исчезает ли английская перфектная форма глагола? // Труды аспектиологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1997. Т.3.
- Попов П.С., Стяжкин Н.И. Развитие логических идей об античности до эпохи Возрождения. М., 1974.
- Dea P. Talking about my generation. 06.02.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbcnews.co.uk>
- Hogan Ph. Happy talk. 25.03.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk>
- Katz G. On the stativity of the English perfect // ALEXIADOU, Artemis et al (eds.), 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.semanticsarchive.net/Archive/DUyZTQxM/katz03.pdf>
- Kneen J. The fight for life. 30.11.2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk>
- Osborne H. Up in smoke. 20.02.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guardian.co.uk>
- Portner P. The (Temporal) Semantics and (Modal) Pragmatics of the Perfect. Georgetown, 2000.
- Rathert M., and Arnim von Stechow. Introduction: the modules of Perfect constructions. Berlin, 2003.
- Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. London, 1947.
- Valeika L., Buitkienė J. Absolute and Relative Tenses // An Introductory Course in Theoretical English Grammar. Vilnius, 2003.
- Wynn G. Three charged by PC murder hunt detectives. 05.02.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uk.reuters.com>

**ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ
ТРАДИЦИОННОЕ ПЛАТЬЕ И ЕГО ЭЛЕМЕНТЫ
В ДИАЛЕКТАХ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА
В СРАВНЕНИИ С АЛТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ**

Р.П. Абдина

Ключевые слова: лексика, сравнение, платье, хакасский язык, алтайский язык.

Keywords: vocabulary, comparison, clothing, the Khakass language, the Altay language.

Основным видом нательной традиционной одежды хакасов является платье *кӱгенек*. Термин *кӱгенек* используется как для наименования мужской рубахи, так и для женского платья. Для их различения дополнительно приводятся слова *ир* (мужчина) и *ипчи* (женщина) [Абдина, 2005].

В хакасском языке существует определенная закономерность бтования согласных *з* и *г*, которая отличает хакасский язык от других тюркских языков: *з* употребляется в словах с заднерядными гласными, *г* – в словах с переднерядными гласными (*паг* ‘веревка’, *кӱгенек* ‘платье’). Однако в диалектах наблюдается довольно пестрая картина фонетических явлений, связанных с эволюцией согласных *з/г*. К таким явлениям можно отнести случаи чередования *з/г* с среднеязычным сонантом *й* и заднеязычным носовым *ң*: Кач *кӱгенек*, *кӱңнек*, Шор *кӱйнек*. В данном случае чередования проявляются не как современные фонетические закономерности, а как явления традиционные, связанные с прошлой историей языка. В исследованиях, касающихся исторической фонетики тюркских языков, утверждается, что во многих тюркских языках наблюдался переход заднеязычных *з/г* в *й*, и хакасский язык не миновал этого перехода [Патачакова, 1992].

В сагайском диалекте хакасского языка при произношении качинские звуки *о* и *ӧ* иногда заменяются узкими губными *у* и *ӱ*, например: *он/ун* ‘десять’, *хол/хул* ‘рука’, *ӧрекен/ӱрекен* ‘старуха’ и т.д. Поэтому термин *кӱгенек* в произношении сагайцев также звучит как *кӱгенек* (см. таблицу 1).

В алтайском языке наряду с термином *чамча*, обозначающим рубашку, встречается *кӱнек*, который используется также для обозначения рубашки.

Термин *кӱгенек* с разными фонетическими вариантами встречается в большинстве тюркских языков. Ср.: др.-тюрк. *kjŋäk*; крх-уйг. *кӱңлек*; ср.-уйг. *кӱмлек*; ср.-кыпч. *кӱңлек*; арм.-кыпч. *кӱлмак* ср.-огуз. *кӱңлӱк*; чаг. *кӱңлӱк*, *кӱйлек*, тур. *гӱмлек*, тур. диал. *гӱңлек*; турк. *кӱйнек*, турк. диал. *кӱйнӱк*; кар. *кӱлмек*, кум. *гӱлек*, тат. *кӱйлек*, башк. *кӱлдӱк*; ног., ккалп., каз. *кӱйлек*; кирг. *кӱйнӱк*; алт. *кӱнек* узб. диал. *кӱйлек*, уйг. *кӱңлӱк*, уйг. диал. *кӱйлӱк*; шор. *кӱңнек*; тув. *хӱйлең* 'рубашка, платье'. По мнению авторов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» данный термин образован от корневой основы *кӱң* 'вместительность, чувства, сердце, грудь' [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, 1997, с. 477].

Таблица 1 Фонетические варианты термина *кӱгенек* в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком

Хакасский язык (лит)	Диалектные варианты				Алтайский язык
	Кач	Саг	Кыз	Шор	
<i>кӱгенек</i>	<i>кӱгенек</i> <i>кӱңнек</i>	<i>кӱгенек</i>	<i>кӱгенек</i>	<i>кӱгенек</i> <i>кӱйнек</i>	<i>кӱнек</i>

Из таблицы видно, что за основу литературной нормы взяты варианты качинского и кызыльского диалектов.

Хакасское традиционное платье *кӱгенек* отличается от одежды соседних народов наличием наплечников и обшлагов. В хакасском языке и его диалектах существуют специальные термины для их обозначения, которые можно отнести к дифференцирующим словам:

Моркам Кач, Саг, Кыз; *муркам* Саг *порхам* Шор – обшлага. *Ниин учындашы морхам* – обшлага конца рукава.

Эн Кач, Саг, Кыз, Шор; *иумен* Кач, Кыз; *јумен/еумен* Саг – наплечники платья. Диалектные названия данной детали платья происходят от названий частей тела человека: *јнмен* – ключица, *иуні* – плечо, *иумен* – наплечный, *хоос иуменнӱг* – с вышитыми наплечниками. Ср.: др.-тюрк. *јтген* 'место у шеи'. В хакасском языке имеет место чередование *ң-г/г*: (наңмыр – нағбыр 'дождь', таңағ – тағах 'курица' и т.д.), наряду с термином *иңмен* в речи хакасов встречается *игбен*. Слова *иңмен*, *игбен* признаются на уровне литературного языка, а нарушения звуковой структуры их дублетов – относятся к бытовой речи. Регион проявления этой особенности хакасского языка четко не выделяется, поэтому трудно характеризовать ее как диалектный признак. Взаимозаменяемость *г/г* – *ң*, вероятно, можно объяснить чисто фонетически – совмещением их артикуляции как заднеязычных звуков, либо языковой

традицией, то есть фонетической историей языка. А.Н. Кононов раскрывает условия возникновения чередования *ɣ/ɟ* – *ɲ* в языке рунических памятников: *ɲ* образовался в результате стяжения согласных *ɲɟ/ɲɟ*; в конечной позиции *ɲ* разлагается на свои составные элементы, а в первых слогах согласные *ɲ, ɲ, ɣ, ɟ* чередуются [Кононов, 1980]. Как, например, наряду с другими приведено слово *еҥиҥ* – *егин* ‘плечо’, которое можно сравнить с хакасским *иҥмен* – *игбен* ‘наплечник национального платья’.

Диалектные варианты вышеназванных слов в хакасском языке представлены в таблице 2.

Таблица 2 Фонетические варианты терминов *моркам*, *ээн* в диалектах хакасского языка

Хакасский язык (лит)	Диалектные варианты			
	Кач	Саг	Кыз	Шор
<i>моркам</i>	<i>моркам</i>	<i>моркам муркам</i>	<i>моркам</i>	<i>порхам</i>
<i>ээн</i>	<i>ээн иумен</i>	<i>бумен / еумен</i>	<i>ээн иумен</i>	<i>ээн</i>

Анализ этих терминов показал, что в диалектах хакасского языка наряду с фонетическими диалектизмами употребляется и литературная норма.

Ілбѣк– петля в одежде, застежка, вешалка; в сагайском диалекте словом *ілбік* называют пуговицу. Данный термин образован от глагола *вл-/влерге* – зацеплять, прицеплять, подвешивать + афф *бік*. В алтайском языке термином *илмек/илгек* называют крюк, крючок, петлю для пуговиц, петлю в одежде [Ерланбаева, 2005] и образован он от *ил-* ‘зацепить, прикрепить, повесить’ + афф. –*мек/-мак*.

В значении «крючок, петля» в разных фонетических вариантах *ілбік* встречается во многих тюркских языках. Ср.: азерб. *илмәк*, башк. *елмәк*, каз. *илмек*, кирг. *илмек*, тат. *елмәк*, тув. *илмек* ‘крючок, петля’.

Кјбее – кайма, нашиваемая вдоль подола с изнаночной стороны. Данный термин является общим для всех диалектов.

Кјгенек хузурууы– шлейф платья (букв.: хузурух – хвост). Ср.: др.-тюрк. *qiduruq* ‘удлиненный сзади подол широкого халата’, алт. *куй-рук* ‘хвост, курдюк, конец’.

Пуговица в хакасском языке называется по-разному в зависимости от вида. Названия различных видов пуговиц в диалектах хакасского языка являются общими и имеют параллели в алтайском языке:

тана – крупная перламутровая пуговица. Ср.: алт. *тана* перламутровая пуговица;

топчы – 1) пуговица с ушком; 2) большая коралловая бусина. Ср.: алт. *топчы* пуговица. Аналогичные названия пуговиц встречаются и в других языках алтайской семьи. Ср.: бур.*тана* ‘перламутр’, калм.*тан товч* ‘перламутровая пуговица’; др. – тюрк. *top/topiq* ‘шар, мяч’, бур. *тобшо*, кирг. *топчу*, монг. *товч*, як. *чопчу/топче* ‘пуговица’.

Марха– пуговица; *иргек марха* – пуговица (букв.: иргек – самец); *тізі марха* – петлица пуговицы (букв.: тізі – самка).

Мойдырых – воротник. Он имеется практически во всех видах соответствующей традиционной одежды хакасов. Данный термин является общим практически для всех диалектов хакасского языка. Фонетические отличия имеются в кызыльском диалекте, в котором воротник обозначается словом *монхар*.

По семантике и морфологическому составу термин *мойдырых* является производным от существительного *мойын* – шея, к которому добавляется аффикс *-дырых*, перешедшему в связи с изменениями в неотделимую часть слова (*мойын+дырых= мойиндырых=мойдырых*). Аффикс *-дырых* относится к категории непродуктивных аффиксов и встречается еще лишь в некоторых словах хакасского языка. Например: *пастырых* ‘гнет’, *саиалдырых* ‘подбородочный ремень’.

В этнографической научной литературе отмечается, что до 30-х годов прошлого века хакасы использовали особый воротник, сшитый из шкурок, снятых с ножек дикой козы, имеющих гладкую и жесткую шерсть. Его носили охотники поверх шубы на промысле для того, чтобы снег, не задерживаясь скатывался с плеч и меховая или войлочная шуба не намокала. Такой воротник завязывался спереди [Шиббаева, 1928]. Подтверждение данных сведений мы получили у информантов, проживающих в Аскизском и Ширинском районах Хакасии. Однако ни в одном источнике не приводится точное название этой детали одежды. Представляется возможным сделать предположение, что воротник такого типа обозначался словом *мойдырых*. Поводом для подобного предположения служит информация А.П. Окладникова о том, что у якутов бытовал имеющий практическое значение «общеизвестный ошейник или боа из нанизанных друг за другом на одной длинной нити беличьих хвостов – *мойтурук*, который предназначен защищать лицо, горло и легкие от обжигающего холода Арктики...» [Окладников, 1976, с. 253]. В указанной работе А.П. Окладников также отмечает, что и у эвенков бытовало боа или шарф из беличьих хвостов – *вачи*. Синонимом *вачи* у эвенков были *мончптукан* и *мэнчэптун* – названия, связанные со словом шея – *менчэн*, как и вариант кызыльского диалекта хакасского языка *монхар* – шея. Очевидно, что якутский *мойтурук* и

эвенкийский *мэнчэптун* и по функции и по названию близки хакасскому *мойдырых*.

В хакасском языке существует еще один, более древний, термин для обозначения воротника – *чаиа*. Он до сих пор используется только в сагайском диалекте хакасского языка. В других языках алтайской семьи он выступает в следующих фонетических вариантах: др.-тюрк *jaqa*, алт. *јака*, каз. *жага*, калм. *зах*, кирг. *жака*, эвен. *дьака*, як. *саҗа* ‘воротник’.

Доказательством более древнего происхождения этого термина может служить то, что он встречается в словаре Махмуда Кашгарского (1072–1074): *jaqadaqi jalyali eliqdaki icyinur* «из-за того что (стремится) слизать за воротом, теряет то, что находится в руках», а также в сочинениях Юсуфа Баласагунского (1069–1077): *usanma olum kelda tutya jaqa* «не будь беспечным, смерть придет и схватит за ворот» [ДТС].

В хакасских фольклорных произведениях воротник обозначается также термином *чаиа*.

<i>Чаиаа</i> марха хазанианда,	Раз уж пуговицу к вороту пришел,
Чарас чахсы тілеп парчадым [АА].	Еду искать пригожую, добрую.

Это свидетельствует о том, что термин *чага* первичен по отношению к *мойдырых*.

В хакасском языке термин *чаиа* многозначен и обозначает также ‘пояс (брюк, юбки), край, грань и воротник’. Для значения «воротник» в словарях обычно используется пометка «устаревший».

Термин *чаиа* означает край, кромку, тесьму, то есть понятие не собственно воротника, как части одежды, пришиваемой к вороту, а вырез у горловины. То есть имеется в виду ворот без пришитого воротника, что характерно для одежды халатного покроя скотоводов – кочевников: *Тоннын, чаиазына хамнос теерізінеу иткен, хума таирал парча* «По краю шубы пришита опушка из меха выдры».

Таким образом, ворот в традиционной одежде хакасов имел V-образную форму (платье, возможно, имело воротник – стойку) и обозначался термином *чаиа*. С появлением пришитого воротника совершается замена термина *чага* (в значении воротник) на *мойдырых*. В результате произошло расширение первичного значения термина *мойдырых*, первоначально относившегося лишь к меховой накидке, которую носили охотники на промысле [Абдина, 2006].

Названия воротника в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком представлены в таблице 3.

Таблица 3. Фонетические варианты термина *чага* в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком

Сыынхах Саг, Шор, Кач, Кыз, лит, *чыынхах* Кач, Кыз – клин, здесь: клин на спинке платья. Термин производный, образован от глагольной основы *сың-* ‘вмещаться, втискиваться’ +афф. –*хах*.

Чыырынды Саг, Шор, Кыз, лит.; *чыырбас* Кач – сборки. Слово *чыырынды* образовано от глагольной основы *чыыр-* ‘собрать в сборки’ и аффикса –(н)ды. Слова с аффиксом –нды в хакасском языке обозначают предметное понятие, возникающее как результат действия [Паточакова, 1987].

В алтайском языке есть термин *жырма* ‘складка на одежде’, в котором имеет место чередование *ч / j* в начале слова.

Холтых– ластовица, пришиваемая под рукавом (букв.: *холтых* – подмышка). Термин является производным от сущ. *хол* +афф. –*тых*. Слово является общим для всех диалектов.

<i>Хан Мирген, ир чаксызы,</i>	У достойнейшего из мужей Хан-Миргена
<i>Холтых мархазы холбаунап парыбысхан,</i>	Пуговица у ластовицы, болтаясь, висит,
<i>Чааа хазаан мархазы</i>	У воротника пуговица,
<i>Салаунап парыбысхан киледьр. [АА]</i>	Повиснув, болтается.

Сравнительный анализ представленных терминов в диалектах хакасского языка показывает, что названия традиционного платья и его элементов могут быть дифференцированы по четырем критериям (фонетическому, лексическому, семантическому, морфологическому):

1. фонетические диалектизмы представлены в таблице 5;
2. лексические диалектизмы, то есть слова, характерные лишь для определенного диалекта: Кач, Кыз *обырчы* – лента, нашитая на низу платья;
3. семантические диалектизмы, которые имеют разные значения в диалектах или в диалекте и в литературном языке. Лит. *ілбк*– петля в одежде, застежка, вешалка, Саг *ілбк* – пуговица.;
4. морфологические диалектизмы. Лит. *мойдырых* Кыз *монхар*; лит. *чыырынды*, Кач *чыырбас*.

Таблица 5. Фонетические варианты наименований нательной наплечной одежды в диалектах хакасского языка

Литературный язык	Кач	Саг	Кыз	Шор
<i>көгенек</i>	<i>көгенек кўңнек</i>	<i>кўггенек</i>	<i>көгенек</i>	<i>кўйнек</i>
<i>моркам</i>	<i>моркам</i>	<i>моркам муркам</i>	<i>моркам</i>	<i>порхам</i>
<i>ээн</i>	<i>ээн цумен</i>	<i>дүмен /еүмен</i>	<i>ээн цумен</i>	<i>ээн</i>
<i>мойдырых</i>	<i>мойдырых</i>	<i>мойдырых, чага</i>	<i>монхар</i>	<i>мойдырых</i>
<i>ниң</i>	<i>ниик</i>	<i>ниин</i>	<i>ниик</i>	<i>ниин</i>
<i>сыынхах</i>	<i>чыынхах</i>	<i>сыынхах</i>	<i>чыынхах</i>	<i>сыынхах</i>

Таким образом, в данной группе лексики в диалектах хакасского языка больше совпадений с литературным языком обнаружено в шорском, сагайском, качинском диалектах (по 4 термина).

Из приведенных в этом разделе слов семь терминов имеют соответствия в алтайском языке, что составляет 40 % (таблицы 6,7).

Таблица 6. Фонетические варианты наименований натальной наплечной одежды в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком

Хакасский язык (лит)	Диалектные варианты				Алтайский язык
	Кач	Саг	Кыз	Шор	
<i>кӱгенек</i>	<i>кӱгенек</i> <i>кӱцнек</i>	<i>кӱгенек</i>	<i>кӱгенек</i>	<i>кӱйнек</i>	<i>кӱнек</i>
<i>мойдырых</i>	<i>мойдырых</i>	<i>мойдырых,</i> <i>чага</i>	<i>монхар</i>	<i>мойдырых</i>	<i>јака</i>
<i>ниин</i>	<i>ниик</i>	<i>ниин</i>	<i>ниик</i>	<i>ниин</i>	<i>јен</i>
<i>чыырынды</i>	<i>чыырбас</i>	<i>чыырынды</i>	<i>чыырынды</i>	<i>чыырынды</i>	<i>јырма</i>

Таблица 7. Фонетические варианты наименований натальной наплечной одежды в хакасском литературном языке в сравнении с алтайским языком

Хакасский язык (лит)	Алтайский язык
<i>лӱбк</i>	<i>илмек/илгек</i>
<i>тана</i>	<i>тана</i>
<i>топчы</i>	<i>топчы</i>

В сравнении с алтайским языком в диалектах хакасского языка и в хакасском литературном языке наблюдаем переход звука *j* алтайского языка в звук *ч* в начале слов *чага*, *чыырынды*; в слове *ниин* – переход звука *j* алтайского языка в звук *н*.

Анализ особенностей номинации традиционного платья и его элементов в хакасском языке позволяет сделать вывод о том, что в основе их мотиваций лежит указание на место ношения или расположение: *кӱгенек*, *ээн*, *иумен*, *јумен/еумен*, *мойдырых*, *холтых* и функциональная предназначенность: *лӱбк*, *сыынхах*, *чыырынды*.

Список сокращений

азер. – азербайджанский
алт. – алтайский
башк. – башкирский
др.-тюрк – древнетюркский
каз. – казахский
кирг. – киргизский
таг. – татарский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
туркм. – туркменский
чув. – чувашский
узб. – узбекский
як. – якутский
Кач – качинский диалект хакасского языка
Саг – сагайский диалект хакасского языка
Шор – шорский диалект хакасского языка
Кыз – кызыльский диалект хакасского языка
АА – Хакасский героический эпос «Алтын Арыг». М, 1988.
ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Литература

- Абдина Р.П. О терминах мойдырых и чага в хакасской традиционной одежде // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии. Абакан, 2006. Вып. X.
- Абдина Р.П. Особенности кроя и лексики хакасского традиционного платья // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России. Абакан, 2005.
- Ерленбаева Н.В. Бытовая лексика алтайского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005.
- Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII – IX вв. Л., 1980.
- Окладников А.П. История якутской АССР. М., 1976.
- Патачакова Д.Ф. Аффиксы словообразования имен существительных // Лексикология и словообразование хакасского языка. Абакан, 1987.
- Патачакова Д.Ф. О роли диалектов в формировании национальных особенностей хакасского языка // Хакасская диалектология. Абакан, 1992.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.
- Шибяева Ю.А. Одежда хакасов. Сталинград, 1928.

ТАТАРСКИЙ РАССКАЗ НАЧАЛА XX ВЕКА

*Г.Р. Сабирзянова***Ключевые слова:** рассказ, жанр, форма, события.**Keywords:** tale, genre, form, events.

Источники рассказа – это народные сказки, басни, анекдоты. Ценности, изображаемые в народных рассказах, сыграли большую роль в процессе становления материальной и духовной культуры татар. Народный опыт создания жанра, оказал большое влияние на формирование литературной традиции художественных форм татарской «малой прозы» (особенно на раннем этапе). В истории литературы обозначился подражательный этап, когда первые писатели в поисках выразительных средств и форм нередко прибегали к литературным обработкам фольклорных сюжетов народного рассказа. Жанры находились в тесном взаимодействии друг с другом.

При исследовании татарской прозы до Октябрьской революции необходимо особо обратить внимание на термин «хикаят». Н. Исмагилов, который провел исследование книги «Мәжмугыл хикаят» («Сборник хикаят») этому термину дал следующее определение: «По своему объему они не устойчивы, встречаются по величине как новеллы, равные двум листам, так же и повести» [Исмагилов, 1976, с. 89].

Как утверждает и Х. Миннегулов, до Октябрьской революции этот термин обозначал как малые (анекдоты), так и большие (роман) эпические произведения» [Миннегулов, 1988, с. 8]. Словом, термин «хикаят» («хикаят») или «хикайя» имел универсальное содержание. В настоящее время в литературоведении понятие «хикэя» (рассказ) используется для обозначения малой эпической формы.

Он посвящается в основном изображению одного события в жизни человека или одной судьбы. Мастерство писателя-рассказчика получает признание тогда, когда он даже с помощью одного эпизода может раскрыть важные, типичные стороны жизни.

Как заметил Ф. Хусни, «рассказ должен уловить приподнятый, возвышенный момент человеческой жизни и только тогда может раскрыться характер героя» [Хусни, 1961, с. 87].

Рассказу не присуще растягивание времени и развернутое изложение ситуаций и событий. Автору рассказа выигрышно вести речь о событиях, которые разворачивались в течении недели, дня, часа. А ес-

ли все-таки нужно охватить промежуток времени в месяц или даже в несколько месяцев, то повествование ведется только о важных, решающих моментах. Развертывание событий тесно связано поступками-действиями героев.

Главным средством типизации, художественного обобщения в рассказе является характер. Жизнь, время, поднятые проблемы писатель изображает через него. Всесторонне раскрыть характер, а через него и идейно-тематическое содержание помогают сюжет, композиция произведения, средства языка и художественные детали. Своеобразная форма и поэтика не позволяют широко и подробно описывать и характер. В произведениях со сжатым сюжетом герой попадает с уже сформировавшимся характером. В больших формах (роман, эпопея) характер дается в постепенном развитии.

«Структура рассказа представляет собой открытую ситуацию читательского выбора между “анекдотическим” истолкованием всего рассказанного как странного случая и притчевым его восприятием как примера временного отступления от всеобщего закона и последующего внутреннего слияния с ним. По-видимому, такая двойственность и незавершенность характеризует вообще смысловую структуру рассказа как жанра» [Тамарченко, 2001, с. 72].

Рассказ как жанр, признанный писателями и читателями, вошла в татарскую литературу примерно в начале XX века. В этот период в России возникла благодатная почва для внезапного расцвета этого короткого динамичного жанра, гораздо более удобного для экспериментирования, нежели роман.

Рассказ был своего рода «литературными вратами» для всех лучших представителей татарской прозы, был зеркалом, в котором нашли свое отражение важные социально-исторические события: первая революция, первая мировая война, февральская, затем октябрьская революции. Так темы ранних рассказов были продиктованы самой жизнью и «для народа, угнетенного от свободы, литература стала трибуной для выражения своей мысли, протеста» [Мусин, 1976, с. 243].

Уже первые татарские рассказы отличались новизной тематики и необычностью изображаемых героев. Если в татарской литературе основными героями являлись, как правило, богатые люди, то в рассказах, созданных татарскими писателями в начале XX века, в центре внимания – раздумья и поступки рядовых представителей трудящихся масс. Изменился объект художественного исследования, в литературу пришли новые герои, и это, естественно, повлияло на

обновление и обогащение средств художественной выразительности. Стандартные портреты персонажей стали уступать место индивидуализированным, реалистическим описаниям людей, с которыми приходилось писателям сталкиваться в жизни.

Однако, по нашему мнению, не все рассказы начало XX века были образцами в художественном отношении. Многие рассказы этого периода, при всей их верной социальной направленности, страдали художественной слабостью. В своих произведениях писатели, стремясь правдиво, эмоционально и убедительно воспроизвести повседневную жизнь и те изменения, которые происходили в материальной жизни и сознании народа, чрезмерно увлекались прямым описанием происходящих событий. В рассказах М. Гафури «Жизнь, пройденная в нищете» (1902), «Бедняки, или сожительница» (1909), «Голод, или проданная девушка», Г. Ибрагимова «Пастухи» (1913), «Угасший ад» (1911) и других нашли своеобразное отражение реальные события, характерные для тогдашнего быта татарского народа. Они отличались отсутствием индивидуализации героев, психологизма.

Они явились первыми попытками запечатлеть мысли и нравы простого народа. Простота и верность действительности – вот те качества, объясняющие популярность этих рассказов в ту пору и их влияние на читателей. Стремление к достоверному отображению повседневной реальной жизни явилось одним из существенных факторов упрочения жанра рассказа в татарской литературе.

Далее, опираясь на богатый и обширный фактический материал, жанр рассказа продолжал совершенствоваться. Уже 10 годы XX века отмечены творческой зрелостью и высоким мастерством. Произведения становятся стройнее по композиции, формы подчиняются основному авторскому замыслу.

Большое значение при этом имело обращение к опыту творчества других народов. Как отметил Э. Нигматуллин, «Прогрессивная татарская интеллигенция была способна критически переосмыслить культурный опыт самых развитых европейских стран, она понимала необходимость широты взгляда, энциклопедичность знаний» [Нигматуллин, 1977, с. 3]. Характерно то, что усвоение творчество европейских писателей шло через опыт русской литературы. Татарские писатели переводили эти произведения или же перерабатывали их в соответствии с национальным менталитетом.

В конце XIX и начала XX века Г. Тукай, Г. Ибрагимов, Ф. Амирхан, Ш. Ахмадиев, Ф. Агиев переводят произведения таких классиков русской литературы, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов,

Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, А.И. Куприн, А.И. Горький. Усваивается творчество европейских писателей: М. Твена, Ю. Гюго, Н. Гамсуна, Н. Дойля, Гульярдо, Сальгари.

Значительного успеха добились татарские писатели в этот период, поднимая проблему равноправия татарской женщины. Проблема эта в татарских рассказах разрабатывается более углубленно в широкой исторической перспективе. Новым в постановке данной проблемы является то, что равноправие женщины увязывается с необходимостью участия ее в строительстве новой жизни. Женские образы выводятся на фоне новых социальных отношений и коренной переделки быта.

Героиня рассказа С. Джаял «Я уже не держу на него зла» не похожа ни одну из предшествовавших ей героинь татарской литературы. Если в рассказах Ф. Амирхана «Татарка» (1909), Ш. Камала «Увядший цветок» (1909), Г. Исхаки «Девушка Халима» (1914) героини стремясь к знаниям, вынуждены были подчиниться старым обычаям, то Газиза всеми силами борется за свою свободу, утверждает себя как личность. Она выступает в рассказе носителем норм новой морали.

Психологизм явился одним из завоеваний татарской новеллистики, согласно которому поведение героев диктуется не авторской волей, а свободно вытекает из естественного развития событий, убедительно мотивируется всем комплексом социальных и психологических мотивов. Ярким примером таких рассказов являются произведения Ш. Камала «В метель» (1909), «Пробуждение» (1909), «Звуки курая» (1909), «Горемыка» (1910), Г. Ибрагимова «Угасший ад» (1911), Ф. Амирхана «Когда погасла пламя» (1916).

Татарских рассказах 10 годов XX века на военно-патриотическую тему также характеризуются глубоким психологизмом. Заметную активность в эти годы проявляли талантливые писатели Ф. Амирхан, С. Рахманколы, Н. Думави, К. Тинчурин. Все они воспроизводили напряженные события, связанные с фронтовыми и трудовыми буднями народа. Героизм и отвага татарских воинов, беспредельная самоотверженность тех, кто в тылу отдавал все силы для разгрома ненавистного врага, легли в основу рассказов Н. Думави «Костыли» (1916) Ф. Амирхана «Жертва старухи-колеки» (1914), «Мустафа» (1915), М. Галия «Ропот одной бабушки» (1915), С. Рахманколы «В пучине войны» (1915), «Было-пропало» (1915), «Проклятье» (1915), К. Тинчурина «Хакимджан-агай» (1916).

Рассказы, которые были посвящены жизни в тылу, выгодно отличались от тех, что воспроизводили непосредственно фронтную

обстановку. В них чувствуется точное углубленное знание жизни, они богаты множеством верных наблюдений и оценок. В особенности это присуще рассказу Ф. Амирхана «Жертва старухи-колеки» (1914). Писателю удалось создать остроконфликтное произведение, отмеченное неподдельной правдой в изображении действительности. В рассказе удивительно верно выписан образ матери, которая ради возвращение сына с войны, приносит в жертву свою единственную козу и устраивает благотворительный обед. Рассказ отличается глубоким проникновением в психологию героини, простой татарки, мужественно переносящей все тяготы и беды, свалившиеся на нее.

Итак, жанр рассказа наиболее активно формируется в начале XX века. Истоки татарской литературы восходят к народному творчеству – мифологии, сказкам, эпическим сказаниям. Традиции и приемы фольклорных жанров сыграли важную роль и в становлении прозы.

В татарской прозе, начиная с XIX века и особенно после Октябрьской революции наблюдается синтез с европейскими эпическими формами. Жанр рассказ характеризуется тем, что переплетает в себе традиции Запада и Востока.

В нем изображаются одно-два события или выражается конкретная мысль, которая в свою очередь излагается сжато, лаконично. Достигается это за счет образности, символики, условности, иносказания, затейливости, философского общения.

В татарской литературе, таким образом, жанр рассказа начинает занимать достойное место и завоевывает все большую популярность. Он становится одним из распространенных и популярных жанров нашей художественной литературе.

Литература

Исмагилов Н. Сборник хикайатов (XVIII) // Из истории татарской литературы средних веков. Казань, 1976.

Миннегулов Х. В Восточной и татарской литературе жанр киса (Поэтика и связь с другими литературами. Казань, 1988.

Мусин Ф.М. Путь в большую дороге // Татарский язык и литература. Казань, 1976. Вып. 5.

Нигматуллин Э. Раздвигая века и гарницы. Казань, 1977.

Тамарченко Н.Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Тверь, 2001.

Хусни Ф. Раздумья. Казань, 1961.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ТВОРЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ» В ПРОЗЕ М.М. ПРИШВИНА

Е.А. Худенко

Ключевые слова: Пришвин, концепция, поведение, жизне-творчество, текст жизни, эстетика.

Keywords: Prishvin, conception, behavior, life-creativity, text of life, aesthetics.

Традиция житнетворческих построений уходит корнями в культуру XVIII века. Поведение художника неизменно транслировалось на поведение персонажа, реализующего ведущую мифологему эпохи. Классицизм выдвигал на сцену фигуру резонера-моралиста, сентиментализм – меланхолика, романтизм – героя. Но литература XVIII века не создала теоретических и манифестационных обоснований данной проблемы, в то время как эпоха романтизма, реализующая мифологему житнетворчества, в полной мере осознала проблему «ножниц» между искусством и жизнью. Как известно, далее проблема житнетворчества была подробно разработана в эстетике русского символизма начала XX века.

В начале 20-х годов двадцатого столетия на пути поисков соединения жизни и искусства, слова и дела М.М. Пришвин вырабатывает понятие «творческое поведение». С одной стороны, оно явилось закономерным продолжением житнетворческих традиций романтиков и символистов, с другой – новизна формулировки вопроса открывала новые горизонты для воплощения казавшихся ранее утопическими мечтаний о «творчестве жизни».

Формирование понятия «творческое поведение» постепенно приводило Пришвина к оригинальной мысли об «Искусстве как образе творческого поведения». Эта мысль не получила формы устоявшейся и четко разработанной теории (книга в связи со смертью автора так и осталась незаконченной), однако постоянный писательский интерес к этой проблеме представлен множественными замечаниями концептуального характера, постоянно возникающими на страницах его дневников и художественных произведений:

«Всякое живое существо говорит о себе не только словами, но и формой своего поведения в жизни, никто не безмолвствует» [Пришвин, 1957а, с. 634]¹;

«... природа есть место встречи с творчеством самой жизни и всего вашего поведения» [Пришвин, 1990, с. 62];

«... к хорошим произведениям искусства есть какой-то неведомый путь поведения» [Пришвин, 1990, с. 94];

«... в художественном произведении есть какое-то настоящее творческое поведение» [Пришвин, 1978, с. 291];

«... поведение: сдерживать в себе понятия и открывать образы» [Пришвин, 1957а, с. 659];

«Из старых писателей Грибоедов чудесно сказал: "Пишу, как живу, и живу, как пишу"».

Таков и мой идеал: достигнуть в словесной форме согласия ее с моей жизнью» [Пришвин, 1982, с. 34];

«Мне хочется и теперь больше всего написать такую книгу, чтобы совершенно откровенно показывала мою собственную жизнь как поведение художника, а с другой стороны, была бы художественным произведением» [Пришвин, 1957б, с. 354];

«... не талантом один человек отличается от другого, а поведением» [Пришвин, 1978, с. 273];

«... корешки дела всей моей жизни – построить свое поведение не на сострадании, а на той светлой радости, лучше которой нет ничего на земле: лучше счастья» [Пришвин, 1978, с. 288];

«Можно думать, что чувство совершенства или гармонии, необходимое для творчества, есть состояние души творца, его поведение. Но нет! Человек, исполненный этого счастья, не может отнести его к себе, столь несовершенному существу. В этом-то и есть поведение труженика, творца жизни человеческой, что он утверждает прекрасную реальность, вне себя самого находящуюся» [Пришвин, 1990, с. 121];

«Творческое поведение я понимаю как усилие в поисках своего места в общем человеческом деле и как долг в этом общем деле оставаться самим собой» [Пришвин, 1957а, с. 54].

Новизна пришвинской концепции искусства как поведения реализуется прежде всего в эстетической «системе координат». Во-первых,

---

¹ Обращаемся к тексту именно этого собрания сочинений, так как состав первых пяти томов и расположение произведений в них были предложены самим Пришвиным при жизни, шестой том, составленный в основном из неопубликованных произведений, был подготовлен после смерти автора.

происходит опозтизация категории «бытового поведения» и представлений о *«тексте жизни»* [Лотман, 1975, с. 35] в целом. Во-вторых, одновременно идет процесс демократизации категории «поэтического поведения» и представлений о «тексте искусства» в целом. И наконец, изменяется место и роль Художника в самом процессе творения.

Материальные пласты жизни художника (быт) с самых первых шагов в литературе оцениваются Пришвиным с точки зрения их принадлежности органичной цельности жизни, свойственной ей изначально. В поисках гармонии писатель пытается осмыслить быт через бытие, а плоть – через дух. Идя в разрез с пафосом своего «эстетического» времени, писатель реабилитирует слово “обыватель”: *«Я обыватель! Я бытую и понимаю свое бытие как культуру личных отношений к людям и вещам»* [Пришвин, 1990, с. 196].

Понимание быта как культуры предполагало и эстетическое отношение к самой жизни. Последовательное «окультуривание» действительности приводило Пришвина к тому, что роль высказывания в его эстетике начинает выполнять не слово, часто компрометирующее идею, а форма поведения. Вернее, форма поведения превращается в определенное слово – *«слово Правды»*. Поведение художника, в том числе и житейское, становится неотъемлемой частью – контекстом – будущего художественного творения.

Пришвин идет вразрез с жизнетворческими концепциями своего времени, в частности, с поисками символистов. Пришвинская опозтизация жизни совершается не путем исключения «низкого» из поля внимания художника, а путем нахождения в «низком» – «высокого». Говоря образно, отличие состоит в способе переделки жизни: у символистов – сделать жизнь «сказкой», у Пришвина – сделать **из** жизни «сказку». В Дневнике писатель определяет это так: *«Они (символисты. – Е.Х.) всегда искали выхода из литературы в жизнь, я – из жизни в литературу»* [Пришвин, 1990, с. 123].

В философском плане Пришвин изначально отвергает символистскую дематериализацию плоти. Его философия любви невозможна без понимания женщины не только как идеально-возвышенного, но и чувственного, живородящего начала Вселенной. Образ женщины в размышлениях писателя становится изоморфен образу земли; это женщина-мать, воплощающая силу творчества жизни в образе бессмертия – детях. Языческие коннотации образа подчас полемизируют с бесплотно-платоническим мифом символистов о Вечной Женственности.

Таким образом, опозтизирование бытовых пластов жизни происходит у Пришвина в духе, отличном от символизма. Эстетические мо-

менты не внедряются в жизнь, а «выращиваются» в ее недрах. Действительность расценивается художником как этико-эстетическая потенция, реализовать которую через свое поведение (слово) и предназначается писателю.

В контексте идеализации эмпирической действительности поновому разрешается Пришвиным проблема этического/неэтического поведения художника. Несомненно, что этическая сторона искусства, в особенности русского, никогда не отрицалась писателем (*«вся сила русского искусства была в этике»*). Кроме того, формирование эстетики как *этико-эстетики* [Выходцев, 1984, с. 16] приводило к тесному слиянию красоты и правды (*«лишь этическое эстетично»*). Однако нельзя обойти вниманием и тот факт, что Пришвин никогда не настаивает на примерном этическом (этикетном) поведении создающего. Так, размышляя о скандальной репутации С. Есенина, он пишет: *«Можно самому быть пьяницей и вообще с собой можно делать, что только заблагорассудится, но если рядом с этим рождается поэзия, мы прощаем поэту его поведение. Есть поведение, невозможное для поэзии, и есть поведение как путь в поэзию»* [Пришвин, 1990, с. 119].

Истинное произведение искусства, по Пришвину, может зародиться и вынашиваться и в *«дурных поступках»*, и в *«механическом диктате среды»* (привычки; обыденность и повторяемость жизненных явлений). Но настоящее поведение творческой личности не вмещается в рамки конвенциональных установлений, а *«исходит из того, что лежит за душой и находит выход в творчестве»*. В связи с этим для писателя важно различие внешних нравственных критериев, выработанных обществом, и внутренних запретов, налагаемых на себя художником, главный из которых – непричинение зла другому.

Пришвин не разрабатывает механизма нужного для художника творческого поведения, да и вряд это в полной мере возможно по причине недискретной природы поведенческих проявлений. Определяя настоящее поведение как *«путь в поэзию»*, писатель, очевидно, подчеркивает до-текстовые проявления текста: истинное поведение выкристаллизовывается из стихийного потока многочисленных поведенческих форм так же, как и само произведение – из материала пестрых явлений действительности, вбирая в себя лишь значимое. Цепь «творческое поведение ↔ произведение» получает в концепции Пришвина взаимообратимый характер. В поведении художника вызревает его творение, которое в свою очередь говорит языком поведенчески-эстетических устремлений писателя. Учитывая психологическую нерасчлененность и потенциальную альтернативность всяких поведенче-

ских форм, мы можем говорить о *нелинейном* характере связи между двумя составляющими (отражающими) частями цепи.

Демократизация 'поэтического' поведения отразилась в установке Пришвина на разрушение избраннической миссии искусства, выдвинутой символистами. Разрушение элитарности символистской эстетики совершается за счет тотального расширения круга субъектов искусства.

В философии писателя способность к творению признана не собственно-человеческой заслугой, а заслугой природы: *«Природа есть родина всех талантов, начиная от росинки солнца, сверкнувшей всеми огнями, кончая талантами, переходящими в историю культуры»* [Пришвин, 1982, с. 73]. Талант, по Пришвину, есть универсальная сила земли, способом же его проявления для всего живого признается поведение. В этом аспекте поведение значит для писателя особое **волевое** усилие всякого живого существа в **труде** над своим талантом. Пантеистические основания поисков Пришвина приводят его к тому, что на одну ступень по силе творческих устремлений ставятся существа разумные и природные: *«Таким творцом признаю и курицу, молчаливо сидящую на яйцах, изнемогающую от жажды и голода, хорошо знающую цель своего великого поста. Писатель мало чем отличается: он тоже сидит, достигая цели, с той разницей, что человек имеет гораздо больше разума и может переменить цели»* [Пришвин, 1957б, с. 334]. Всеобщее творчество жизни осмысливается художником как условие для всевозможных метаморфоз и для создания образа Всечеловека.

Пришвин утверждает, что творческое природное первоначало существовало **до** появления человека. Человек не создает «тексты искусства», а лишь вспоминает их. Поведенческая линия человека в этом случае строится по подобию платоновского механизма воспоминания идей: творящий возвращается к своей прапамяти и праистокам – к себе Цельному. *«И вот это узнавание и оберегание условий бытия цельной личности стало моим поведением в отношении творчества»* [Пришвин, 1957а, с. 597].

Таким образом, всякое человеческое творчество, в том числе и искусство слова, оказывается как бы вторичным – младшим – по отношению к первичному – старшему – природному тексту искусства. Они, скорее, находятся в отношениях зеркальности. Природное и человеческое творчество понимаются Пришвиным как два закона жизни – *«закон всех»* и *«закон каждого»*. Творческое поведение художника, реализуя право «закон каждого», придает «закону для всех» индивидуально-неповторимую форму и лицо. Другими словами, существование первичного творчества жизни в форме искусства невозможно без реа-

лизации человеком своего права на первенство в чем-либо. Особая эстетическая универсальность мира («мир *вращается и возвращается к самому себе, чем он был всегда: истина, красота, добро*») сочетается в философии Пришвина с уникальностью всякого творческого усилия. Творчество, по замечанию писателя, «*есть великое вскрывание или даже создание лица, личности, единства, закрывающих зло*» (выделено автором. – Е.Х.)» [Пришвин, 1990, с. 213].

Даже в том случае, когда происходит намеренная деперсонализация субъекта творчества (например, желание писателя спрятать «рожу сочинителя», по Достоевскому), лицо создающего не исчезает. Оно проявляется через объект творения. По Пришвину, произведение – это сам художник: «*Я понял, что содержание художественного произведения определяется только поведением самого художника, что содержание есть сам художник, есть собственная душа, заключенная в форму*» [Пришвин, 1982, с. 138].

Таким образом, процесс демократизации «текстов искусства» сопровождается в концепции Пришвина, с одной стороны, редуцированием представлений о человеке как избранной творящей силе мироздания, с другой – именно в творчестве человек высказывает через поведение свои лицо и лик.

Выстраивая собственную жизнетворческую концепцию, Пришвин не раз задумывается и о роли художника в процессе творчества, все более отдаляясь от мессианских теорий романтизма и символизма. Образ художника в размышлениях писателя осмысливается не в качестве проповедника и проводника божественно-космической речи, приближенного к небесным сферам, но в качестве проводника сильнейших токов жизненной силы, произрастающей на свет и несущей поведение = слово людям. Вектор направления этой силы – вверх к небесному, но корни этой силы – в земле. Именно «теллургический»¹ образ художника представлен у Пришвина на страницах его прозы. Это образ, природный по своему происхождению и культурный по образу действия и мысли. «Гибридность» образа отражают и пришевские инварианты: художник-растение, художник-животное, художник-человек, которые есть не что иное, как степени, ступени роста творческой личности:

Я стою и расту – я растение.

Я стою, и расту, и хожу – я животное.

Я стою, и расту, и хожу, и мыслю – я человек.

¹ Не хтонический: теллургический – растущий из земли вверх; хтонический – углубляющийся корнями в землю.

Я стою и чувствую: земля под моими ногами, вся земля.

Опираясь на землю, я поднимаюсь: и надо мною небо – все небо мое [Пришвин, 1957а, с. 491].

Несмотря на открытую устремленность художника к высшему, для него важно не утратить своих земляных корней – «*корней жизни*» (в этом смысле программной является повесть «Жень-шень»). В художественной концепции Пришвина потеря корней и уход почвы из-под ног становятся метафорами потерь реальных связей с жизнью. Художник, строящий материальную действительность из форм идеалистических о ней представлений, несмотря на факт приобретения истинного художественного видения («третьего глаза»), превращается в слепца, а его жизнь – в «бумажку». На страницах Дневника возникает с долей самоиронии образ художника как некоего мечтающего полуциклопа-получеловека: «*два глаза его просто были проткнуты, а третий наверху смотрит выше цели житейского своего счастья*» [Пришвин, 1990, с. 201]. «Третий глаз» дается творящему, по Пришвину, не только для интуитивного провидения будущего, но и для того, чтобы в реальной жизни обратить элементы будущего – в настоящее, мечту – в действительность, – в этом и состоит мудрость настоящего художника. Наличие органичного синтеза между искусством и действительностью, словом и делом, чувством и мыслью признается писателем одним из важнейших условий творческого поведения.

Литература

Выходцев П.С. Секрет Пришвина. Об эстетической системе художника // Литература в школе. 1984. № 4.

Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.

Пришвин М.М. Дневники. М., 1990.

Пришвин М.М. Дневники последних лет // М.М. Пришвин. Собрание сочинений в 6 тт. М., 1957а. Т. 6.

Пришвин М.М. Дорога к другу. Дневники. Л., 1982.

Пришвин М.М. Записи о творчестве // Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978.

Пришвин М.М. Мои тетрадки // М.М. Пришвин. Собрание сочинений в 6 тт. М., 1957б. Т. 4.

СВОЕОБРАЗИЕ СКАЗОК БОРИСА ШЕРГИНА

М.В. Хорькова

Ключевые слова: фольклор, сказка, литературная сказка, Борис Шергин, литература XX века, интерпретация.

Keywords: folklore, tale, literary tale, Shergin B.V., XX-th century literature, interpretation.

Все литературные сказки – наследницы народной традиции, ведь сказка как жанр изначально принадлежит фольклору. Но в литературных сказках конкретных писателей соотношение народного и авторского различно: выбирая установку на близость к фольклору или, напротив, отстраненность от него автор выражает свою творческую и мировоззренческую позицию.

Если говорить о сказках Б. Шергина, то их близость к фольклору очевидна. Тексты Шергина «представляют собой фольклорно-литературные сказки (именно “фольклорные” в первую очередь)» [Овчинникова, 2003, с. 125], и в этом их уникальность: сказки Шергина стали продолжением древней традиции народного творчества в социокультурных условиях XX века.

Уникальность творчества Шергина была обусловлена двумя факторами. Во-первых, Шергин по рождению принадлежал народной культуре, сказителем стал раньше, чем писателем. Во-вторых, желание продолжать фольклорную традицию достаточно рано стало его сознательной творческой установкой. Целью Шергина было способствовать «вокнижению» фольклора, дабы сохранить богатейшее народное наследие для потомков. «Произведения нашей народной романтики, в том числе сказка, не были преподнесены читателю в литературно-художественной форме» [Шергин, 1989, с. 482]. Он полагал, что в этом одна из причин утраты читательского вкуса к сказке и эстетического угасания жанра. Однако Шергин сознавал, что не всякий перевод фольклорного (то есть изначально устного) текста в литературную форму будет удовлетворительным: «Школьные хрестоматии водят нас по оазисам этого пути (народной культуры) <...> как по музею: это – былины, это – сказки, это – песни. Но устное слово в книге молчит. Напоминают ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?» [Шергин, 1989, с. 482]. Писатель-сказитель вдохновился замыслом раскрыть перед современниками «душу» народной культуры.

У Шергина был особый подход к авторству. Он нуждался в фольклорном каноне, но всегда преобразовывал его в соответствии с собственным видением. Творческим кредо Шергина было: «Что увижу, то и мое» [Шергин, 1992, с. 140]. Шергин не был ученым собирателем фольклора; по его собственным словам, он «любил больше устный пересказ, то есть предание, а не писание» [Шергин, 1983, с. 17]. Поэтому и к работе над народными сюжетами он подходил не как исследователь: не заботился о том, чтобы найти как можно большее число вариантов того или иного сюжета, выбрать самый для себя «подходящий» или скомпилировать их. «Семя принимаешь тогда, когда прочитываешь то, что хочешь рассказать, – писал Шергин. – Поначалу стараешься схватить схему, остов... Иногда чувствуешь необходимость прокомментировать данную схему... Не одолеть мне многочисленных книг об одном и том же. Я исхожу из первой попавшейся книжки. <...> Не хочу второстепенного запоминать, из печатных материалов. Не войдет в меня тема с чужим украшением. Дай только основу. Я дитя усыновлю и сам на свои деньги одену» [цит. по: Шульман, 2003, с. 162].

Тем не менее соотношение в творчестве Шергина народного и авторского постепенно менялось: автор становился все свободнее в своих отступлениях от фольклорного канона. Если первый его сборник «У Архангельского города, у корабельного пристанища» (1924) вызывал недоумения (что это – авторское переложение фольклорных текстов или просто их запись?), то последующие – «Шиш Московский» (1930), «Архангельские новеллы» (1936), «У песенных рек» (1939), «Поморщина-корабельщина» (1947), «Океан-море русское» (1957), несомненно, были глубоко индивидуальны.

Интересно и то, что в разных изданиях (в том числе и прижизненных) можно встретить разночтения, варианты текстов сказок и их компановки (например, сказки «Волшебное кольцо» и «Золоченые лбы» включались и в цикл «У Архангельского города», и в «Скоморошья сказки»). Так же известно, что изначально сказки рождались в устных выступлениях перед слушателями и лишь затем фиксировались на бумаге. Аудиторность рождения, поливариантность наводят на мысль о том, что называть сказки Шергина литературными произведениями в собственном смысле слова – неточно. Скорее это фольклорно-литературные произведения.

Шергинские интерпретации направлены на то, чтобы сделать сказки как можно смешнее и занимательнее. Поэтому волшебные сказки сближаются с бытовыми. Шергин полагает, что занимательное написание – главное предназначение сказки в наши дни: «Некогда самый

процесс сказывания, – писал Шергин, – являлся делом магическим, сказка почиталась откровением <...> Если сказка потеряла свое магическое значение, утратила амплуа “священной истории”, то интерес к ней как к занимательному времяпрепровождению остр по-прежнему» [Шергин, 1992, с. 80]. Шергин знал, что сказка тем смешнее и популярнее, чем искуснее вплетены в нее отвлечения в сторону злободневной современности. И таких отвлечений у него достаточно. Все сказки Шергина живописуют быт и нравы его родного Поморья (и – шире – современной ему России), а излюбленной сюжетной линией оказывается противостояние бедняков и богачей.

Первая сказка Шергина – «Судное дело Ерша с Лещем» (1924) была написана по мотивам сказки известного сказочника А.В. Чупрова «Ерш», хотя подобный сюжет широко известен на Севере. Пересказывая чупровскую сказку, Шергин переносит действие с мифического озера Ерепово, «тридесятого царства» на реальное и родное северное озеро Онегу и расцветчивает повествование пародированным народным фоном: «наши деушки-лещихи постатно себя ведут, постатно по улочке идут, а ерши наших девок худыми словами лают» [Шергин, 1989, с. 378]. Также Шергин наделяет персонажей яркой индивидуальной речью: «Эй ты, Осетрина, старая корзина! Отпирай окна и двери, будем драться четыре недели» (задиристый Ерш) [Шергин, 1989, с. 381]; «Я человек старой, у меня брюхо большо, мне идтить тяжело, язык толстой, непромятой, глаза малы – далеко не вижу, перед судьями не стаивал, у меня речь не умильна...» (старый налим) [Шергин, 1989, с. 379]. Оканчивается сказка народным скоморошым стихом раешником: «Сказка вся, больше врать нельзя! Всего надо впору, я наплел целу гору» [Шергин, 1989а, с. 231]. Возвышенный пафос эпика Чупрова снижается, сказка наполняется юмором, сатирой, ее мир максимально сближается с миром, в котором живут слушатели. В последующих произведениях автор продолжит любовно запечатлевать языковые, культурологические, географические особенности родного Поморья.

Цикл о Шише Московском, изданный отдельной книгой в 1930 году, быстро обрел популярность, так как Шергин читал его на московском радио.

В предисловии к сборнику Шергин писал, что его истории о Шише – продолжение народной традиции, зародившейся еще в XVII веке: «Веселые сказки и анекдоты о бродяге Шише, который обижает богатых и защищает бедных, были распространены в народе с давних времен <...> В северной области нашей страны и до сих пор можно услы-

шать от крестьян анекдоты о Шише, о его злых, подчас грубых, шутках, о его веселых проделках над барами» [цит. по: Шульман 2003, с. 169].

В образе Шиша соединены различные грани характеров традиционных героев народных сказок: простака, волею случая побеждающего умных соперников; остроумного весельчака, оставляющего в дураках тех, кто становится у него на пути; «дурака набитого»; плута и шута. Один из основных мотивов сказок о Шише – одурачивание, причем в дураках остаются попеременно то «оппоненты» Шиша, то он сам. Московское царство, в котором происходит действие сказок, представлено условно – так автор обозначает «универсальность» своего повествования. С другой стороны, в сказках достаточно подробно выписан быт, в котором узнается жизнь Русского Севера. Язык этих сказок – обиходная крестьянская северная речь, очень экспрессивная, эмоциональная. Часто Шергин ритмизирует прозу: «Шиш отроду голой, у него двор полой, скота не было и запирать некого» [Шергин, 1979, с. 342] («Шишovy напасти») и имитирует устную речь, как бы обращаясь к читателю: «Вот вы сказки любите, а Шишу однажды из-за сказок беда пришла» [Шергин, 1989, с. 364].

Несмотря на то, что каждая из сказок о Шише вполне самостоятельна, их последовательность в цикле подчинена особой логике – автор показывает не просто взросление Шиша, но становление его характера. Вначале Шиш – простак, озорник, который если и выходит сухим из воды, то благодаря случайности; потом он становится все более и более сознательным борцом с неправдой и несправедливостью, хотя и остается героем во многом комическим.

В первой сказке цикла («Шишovy напасти») объединены элементы сказок о ловких ворах, «набитых» дураках и сюжет о Шемякином суде. Также в сказке осмеивается бюрократическое судопроизводство – каждое из нелепых решений судьи завершается командой: «Секретарь, поставь печать!». Но Шиш выходит из перипетий невредимым только благодаря случайности.

Далее следуют сказки о любовных приключениях молодого Шиша, которые больше походят на анекдоты («Праздник Окатка», «Бочка», «Шти»). Здесь автор смеется над своим героем. Следующие сказки «Шиш и трактирщица», «Шиш пошучивает у царя», «Наш пострел везде поспел», «Шиш показывает барину нужду» – сказки о том, как Шиш «одурачивает», обводит вокруг пальца трактирщицу, царя и барина. Это традиционное для бытовых сказок противопоставление народного героя, бедняка-крестьянина и властьимущих, которые жадны, глупы, и

с постоянно унижают тех, за кого некому заступиться. В сказках «Тили-тили» и «Шиш приходит учиться» Шиш высмеивает ложную ученость.

В сказке «Доход не живет без хлопот» Шиш предстает уже не «убогим», хотя и хранимым судьбой простачком, но умным, находчивым и по-своему справедливым молодцем. Сказка повествует о несправедливом разделе отцовского имущества: старшие братья получают лучшую долю, Шиш – «коровку ростом с кошку, удоя с ложку» [Шергин, 1989, с. 359]. К тому же теперь и отец «не смеет в избу зайти» [там же]. Шиш умудряется проучить не только братьев, но и разбойников, и алчного чиновника, встретившихся на его пути. Впрочем, эти герои (что традиционно для народной сказки) становятся, по сути, «жертвами» не изобретательности Шиша, а собственных пороков. В этой сказке Шиш проходит традиционный путь младшего обездоленного брата из волшебной сказки – сначала угнетаемого, потом преуспевающего и восстанавливающего справедливость.

К сказкам о Шише идейно примыкает и большинство других сказок, которые предстают как веселое, занимательное «хождение» древнего сюжета по стезям злободневной современности.

Традиционные герои волшебных («Волшебное кольцо»), «Данило и Ненила», «Пойга Карелянин») и бытовых сатирических сказок («Мартышко», «Пронька Грезной», «Варвара Ивановна») представлены в современном социально-бытовом окружении и поданы в смеховом, даже анекдотическом ключе. Сказки «Зеркальце», «Кобыла» и «Варвара Ивановна» построены по принципу анекдота.

Новая действительность – неотъемлемая и органичная часть шергинских сказок, основной предмет изображения. Это проявляется и в содержании, и в осмыслении традиционных конфликтов, и в деталях быта. Шергин как бы пародирует современность, коверкая слова, ассоциирующиеся с прогрессом цивилизации: «митроба» (микроб), «иппузория» (инфузория), «дохтур» (доктор), «ераплан» (аэроплан), «транвай» (трамвай), «киятр» (театр). Одновременно широко использует элементы северных говоров: в лексике – «оногды» (иногда), «озноб» (простуда), «домовище» (гроб), «ле» (или), и синтаксисе – например, окончание прилагательных ед.ч. ж.р. «-а», а не «-ая» и окончание глаголов ед.ч. 3-е л. наст. времени 1-го спряжения «-ат», а не «-ет» («Мимо дама идет красива, полна, в мехах. Идет и виноград немыйтый чавкат»). Так имитируется речь и мировидение простого человека с окраины России, скomoroxa. Этот «скомороший» взгляд, ироничный и часто наивный, на самом деле, обнажает неприглядные стороны жизни, высмеивает глупость, жадность, бюрократию.

Репертуар сказок Шергина сложился в основном в 20–30-е годы и был больше ориентирован на устное сказывание, а не чтение. Но именно эта нетипичная для XX века «творческая присяга» живому слову во многом предопределила драматичность личной и творческой судьбы Шергина. Расцвет его творчества (1930-е – 1950-е годы) пришелся на время, когда фольклор постепенно превращался из живого народного искусства в «музей», объект исследования специалистов. Кроме того, власть не поощряла «малые» фольклорные жанры – сказки, анекдоты, песни, частушки, ведь она не могла контролировать их содержание, всегда обращенное к современности, но не всегда положительно ее оценивающее. Признание, пришедшее к Шергину с выходом в 1957 году книги «Океан – море русское», не случайно совпало с переменами в общественной жизни – люди, осмыслившие недавно пережитый опыт культа личности, остро нуждались в «зеркале истории». Книга Шергина пришла как нельзя кстати, ведь он описывал мир духовно иной жизни. Русский Север и в XX веке продолжал сохранять крепкие нравственные устои и самобытные художественные традиции. Все это было закреплено в северном фольклоре, продолжением которого стало творчество Бориса Шергина и, в частности, его сказки.

Литература

- Коваль Ю. Веселье сердечное // Новый мир. 1988. № 1.
Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка XX века : История, классификация, поэтика. М., 2003.
Пропп В.Я. Русская сказка. М., 2000.
Шергин Б.В. Древние памяти : Помор. были и сказания. М., 1989.
Шергин Б.В. Жизнь живая : [Из дневников разных лет]. М., 1992.
Шергин Б.В. Запечатленная слава : Помор. были и сказания. М., 1983.
Шергин Б.В. Изящные Мастера. М., 1990.
Шульман Ю.М. Борис Шергин : Запечатленная душа : (очерк жизни и творчества Бориса Шергина). М., 2003.

**ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА
В КОРОТКОМ ЮМОРИСТИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ
(на примере немецкого шванка)**

Н.Н. Поддубная

Ключевые слова: комическое, шванк, прием комического, средство комического.

Keywords: comic, shwank, comic devices, comic means.

Комическое принадлежит к числу универсалий, свойственных всем культурам мира. Оно используется всеми видами искусства для отображения противоречий жизни. Единственный вид искусства, не способный отобразить комическое в действительности, – архитектура. Она не может критиковать, отрицать, следовательно и оценивать [Борев, 1960, с. 227]. Наиболее благоприятна для универсальной природы комического литература, где на комическом основаны такие жанры как анекдоты, шутки, фельетоны.

К кратким юмористическим жанрам относится шванк – небольшой комический рассказ, написанный в прозе. Сюжет шванка основывается на представлении несправедливости, социального конфликта или противоречия, отмечаемого в общественной жизни. Тематика шванка обусловлена его функциональной направленностью на развлечение слушателей и их воспитание путем сатирической критики существующих порядков или пороков человека [Данилова, 2007, с. 66]. Реализация как развлекательной, так и воспитательной функции основана на создании комического эффекта в произведении, который достигается с помощью определенных приемов и средств.

По мнению Ю. Борева, к таким средствам относятся саморазоблачение и взаиморазоблачение сатирических персонажей, распрощанное сравнение их с животными и овеществление, комедийный контраст, собственно языковые комедийные средства (каламбур, комедийная характеристика, сатирическое иносказание и аллегория) [Борев, 1957, с. 196–232]. Однако, как справедливо отмечает А.Н. Лук, данный перечень не составляет однопорядкового класса. Здесь явно смешиваются средства и приемы комического. Так, например, техника гиперболлизации представляет собой один из наиболее активных приемов деформации фактов и явлений, а разоблачение себя и друг друга связано со структурой произведения и его сюжетом [Лук, 1968, с. 140]. Та-

ким образом, необходимо устранить терминологическую путаницу в вопросе о средствах и приемах комического.

Во многих словарях понятия «прием» и «средство» рассматриваются как синонимичные. В качестве примера приведем определение из «Словаря литературоведческих терминов» под редакцией Л.И. Тимофеева, в котором под приемом понимается «то или иное средство, служащее для конкретизации, подчеркивания и т.п. того или иного элемента повествования» [Тимофеев, 1974, с. 294]. Однако, на наш взгляд, прием представляет собой нечто более обобщенное, типизированное по сравнению со средством и может быть определен как конструктивный принцип организации высказывания с определенной целью, в то время как средство является способом достижения определенного эффекта, в данном случае комического. Средства комического, наряду с языковыми, охватывают и другие средства, вызывающие смех. Среди языковых средств комического выделяют фонетические, лексические, фразеологические и грамматические (морфологические и синтаксические) средства. Все средства, служащие для создания комического, в том числе и языковые средства, обслуживают различные приемы комического, выступают в качестве своеобразной комплексной орбиты комического ядра. Писатель, обращаясь к разнообразным средствам комического, так или иначе опирается на определенный прием комического, использует средства в направлении, требуемом конкретным приемом. Приемы комического могут быть связаны с сюжетом произведения, могут порождаться поведением героев, комизм могут создавать одежда героя и детали обычных предметов; в то же время приемы комического формируются в непосредственной связи с языковыми средствами. Для достижения комического эффекта автор создает в своем воображении комические ситуации и характеры, используя при этом специальные логические приемы, которые находят свое материальное выражение в определенной словесной форме. Опираясь на работы Лука, Дземидока, Проппа, Кязимова, в качестве основных приемов создания комического в данной статье будут рассмотрены следующие приемы:

- деформация образов, явлений и характеров;
- нарушение предсказуемости;
- несоответствие.

Одним из наиболее распространенных приемов комического является изменение формы явлений и характеров – деформация. Деформация фактов и явлений обладает разнообразными формами проявления. Одним из способов деформации явлений считается преувеличе-

ние. Гиперболизированным могут быть изображение внешнего вида, поведения и мимики, одежды и речи. Преувеличение отдельных черт дает возможность писателю глубоко охарактеризовать изображаемый тип. В шванке «Pünktlichkeit» («Пунктуальность») путем комического преувеличения изображается такое качество главного героя как пунктуальность [Stawpenko, 1984, с. 16]. Мужчина был настолько пунктуален, что однажды, чтобы не опоздать, пришел в офис в тапочках и с полотенцем в руках. Автор подчеркивает, ничто не могло помешать главному герою быть пунктуальным: ни землетрясение, ни наводнение. Пунктуальность – это положительное качество человека, но в данной ситуации оно доведено до абсурда.

Преувеличение как одна из форм комической деформации имеет и свои недостатки. При преувеличении за основу берется лишь одна черта, один признак характера, другие особенности остаются в тени. Поэтому образы, созданные на основе преувеличения, часто выглядят односторонними и карикатурными. А.Н. Лук считает необходимым отграничивать сатирическое преувеличение от несатирической гиперболы. «Гипербола не всегда, а лишь создавая комический эффект путем приведения мысли к абсурду служит комическому. В других случаях гипербола вызывает у человека возвышенные чувства и, в основном, служит лирике» [Лук, 1968, с. 138]. Нередко наблюдается смешение и отождествление таких средств деформации явления как гипербола и гротеск. Г. Кязимов определяет гиперболу как один из видов гиперболизации, связанный с преувеличением объема, силы, величины того или иного предмета. Гротеск же состоит в нарушении качественного соответствия, в преувеличении признаков характера [Кязимов, URL]. На основе гиперболы, а именно на комическом преувеличении временного промежутка, построен шванк «Eine neue Scheherezade» («Новая Шехерезада») [Inin, 1984, с. 16]. Главный герой приходил тысячу и один раз к своей возлюбленной, чтобы признаться ей в любви, но не мог этого сделать, так как по вечерам она смотрела фильм «Тысяча и одна ночь», по окончании которого начался новый фильм «Сто лет одиночества». В шванке «Gemütliches Leben» («Жизнь с удобствами») причиной комизма является гротеск – преувеличение одного из характерных качеств героини [Radwany, 1984, с. 16]. Женщина была настолько аккуратна и любила порядок в квартире, что вся мебель была обтянута полиэтиленовой пленкой, все книги на книжной полке были расставлены в соответствии с их форматом, и для каждой из них был предусмотрен пластиковый пакет. Самым удобным местом для курения она считала гардероб, так как в других комнатах пепел мог попасть

на ковер. Предлагая гостям чашечку кофе, она уточняла, что выпить они ее смогут в ванной над раковиной, чтобы случайно не капнуть на ковер в гостиной, а съесть пирожное можно было только на балконе, склонившись за перила.

Наряду с преувеличением в качестве одного из способов деформации Б. Дземидок рассматривает уклонение от обычного темпа, использование темпа, отличающегося от нормы [Дземидок, 1974, с. 71]. В сфере кино и театра данный способ проявляется в чрезмерной скорости или замедленности речи героев, в художественном произведении комический эффект может создаваться неожиданным и внезапным изменением характера и мышления образов, поведения, одежды. Иногда явления и характеры изменяются столь стремительно, что поражает динамизм, связанный с характером и поведением объекта изображения. Например, в шванке «Des muss mr selbst proweere» («Это нужно попробовать самому») Ганс был уверен в том, что все пастухи бездельники, и пасти скот не составляет труда [Ramburger, 1984, с. 16]. Рано утром он собирался на пастбище как в дом отдыха, где можно прекрасно провести время и отдохнуть, но уже вечером его мнение резко изменилось, и, вернувшись он не отдохнувшим, а безумно уставшим. На просьбу жены, принести воды, он ответил, что очень устал, так как работал целый день. В данном случае убеждения Ганса, с которыми он жил на протяжении многих лет, были пересмотрены за короткий промежуток времени, всего за один день.

Таким образом, деформации как один из приемов создания комического эффекта с помощью видоизменения фактов, явлений и характеров осуществляется такими способами, как преувеличение и нарушение нормального темпа действий.

Комический эффект может создаваться с помощью такого приема, как нарушение предсказуемости. В разных источниках мы находим разные названия данного приема: обманутое ожидание (термин Р. Якобсона) (цит. по : [Арнольд, 1990, с. 70]) или прием неожиданности [Дземидок, 1974, с. 72]. Неожиданностью является всякий сюжетный ход, всякий поворот, который читатель не предвидел, все, что произошло вопреки его ожиданиям и предположениям, все, что при нормальном положении вещей (согласно его представлениям) не должно было произойти [Дземидок, 1974, с. 72]. Довольно часто комический эффект в юмористических рассказах связан с неожиданными концовками. Примером может служить шванк «Im Banne des Schrecklichen» («Под впечатлением ужасного»), повествующий о мнительных пациентах, которые, ожидая своей очереди перед кабинетом стоматолога,

лога и слыша пронзительный звук за дверью, представляли себе страшный прибор и в страхе покидали приемную [Klopsteg, 1984, с. 16]. В итоге остался один пациент, который, войдя в кабинет врача, ожидал увидеть этот ненавистный аппарат, но, как оказалось, этот звук был слышен через окно с улицы, где работала циркулярная пила.

Комический эффект может порождаться противоречием, несоответствием различных явлений, которое проявляется в различных формах. Наиболее часто встречается несоответствие формы содержанию, права действующего лица его внешним чертам, либо поведение героя, его общественная значимость не соответствуют его высокому мнению о себе. Характерны несоответствия между заявляемым и совершаемым, словом и делом, мечтой и реальностью. Создание условий, ситуаций, не соответствующих настроению или состоянию героя, применение предмета не по назначению вызывают удивление и становятся причиной комизма. На приеме несоответствия основан комизм в шванке «Wie man Klaviere bekämpft» («Как побороть пианино») [Stawpenko, 1984a, с. 16]. Члены семьи возмущены, что соседи купили пианино, они боятся, что это нарушит необходимый после тяжелого рабочего дня «абсолютный покой», который царит в их квартире. В то время как у них включены телевизор и радио, муж тренируется забивать гвозди в доску, жена моет посуду и поет, ребенок дрессирует кошку, они недовольны звуками игры на пианино за стеной, которые они слышат, только если приложат к стене тарелку. Несоответствие между заявляемым и совершаемым усиливается несоответствием предъявляемых претензий и реального положения вещей.

Кроме названных выше типов несоответствий комический эффект может вызывать несоответствие стиля речи и обстановки, где речь произносится; или стиля и содержания, когда, например, современные события описываются архаическим языком или же в описании семейных отношений употребляется военно-стратегическая терминология, как, например, в шванке «Mit Grüpchen fing alles an» («Все началось с ...») [Lehiste, 1984, с. 16]. В описании ссоры молодой пары встречаются такие выражения как *sein Lager auf dem Sofa im Wohnzimmer aufschlagen, sich Rückendeckung verschaffen, der Lärm der sich ausweitenden Schlacht, aus den gegenseitigen Schimpfkanonaden, Asyl gewähren*, которые, на первый взгляд, не совсем уместны для представления бытовой ситуации. Но именно несоответствие данной группы лексики основному стилю изложения, то есть смешение стилей, приводит к нарушению нормы, которое лежит в основе любого вида комического. На использовании приема несоответствия построен комизм в шванке «Rotkäpp-

chen auf Amtsdeutsch» («Красная шапочка на канцелярском немецком»), в котором известная сказка изложена в деловом стиле [Troll, 1992, с. 16] № 11. А.Н. Лук рассматривает смешение стилей, называя его также «совмещением планов» как отдельный прием остроумия. Однако мы, придерживаясь мнения Б. Дземидока, который относит использование разных стилей и творческих методов к приему мнимого объединения абсолютно разнородных явлений, считаем это разновидностью приема несоответствия.

Таким образом, реализация комического эффекта в коротких юмористических рассказах осуществляется с помощью таких приемов как деформация, нарушение предсказуемости, несоответствие, в рамках которых наряду со средствами содержательного уровня используются собственно языковые средства.

Литература

- Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М., 1990.
Борев Ю.Б. О комическом. М., 1957.
Борев Ю.Б. Основные эстетические категории. М., 1960.
Данилова В.А. Композиционно-речевая реализация концептуальной области «Брак и семья» в немецких шванках XVI–XVIII вв. : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007.
Дземидок Б. О комическом. М., 1974.
Кязимов Г. Теория комического (проблемы языковых средств и приемов). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uludil.gen.az/teoriya/1.php>
Лук А.Н. О чувстве юмора и остроумии. М., 1968.
Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976.
Тимофеев Л. И. Словарь литературоведческих терминов. М., 1974.
Inin A. Eine neue Scheherezade // Neues Leben. 1984. № 34.
Klopsteg W. Im Banne des Schrecklichen // Neues Leben. 1984. № 40.
Lehiste H. Mit Gräupchen fing alles an // Neues Leben. 1984. № 37.
Radwany, B. Gemütliches Leben // Neues Leben. 1984. № 49.
Ramburger A. Des muss mr selbst proveere // Neues Leben. 1984. № 38.
Stawpenko O. Pünktlichkeit // Neues Leben. 1984. № 26.
Stawpenko O. Wie man Klaviere bekämpft // Neues Leben. 1984a. № 31.
Troll T. Rotkäppchen auf Amtsdeutsch // Neues Leben. 1992. № 11.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОРАЛЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ
И ЭТИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
(Н.А. БЕРДЯЕВ ВО ГЛАВЕ
ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОГО ЖУРНАЛА «ПУТЬ»)**

М.В. Шипилова

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, журнал «Путь», журналистская этика, главный редактор.

Keywords: N.A. Berdyaev, magazine «Put», journalist ethics, main editor.

Помимо творческих и управленческих задач, в редакторской практике особое значение имеет духовная составляющая. Главный редактор всегда берет на себя всю полноту ответственности за руководимое им издание, которое в идеальном варианте является носителем высокой духовности. Поскольку влияние СМИ на общественное сознание необычайно велико и они имеют возможность постепенно, методично и продолжительно оказывать воздействие на мнение каждого индивида и общество в целом, значение личности главного редактора, его моральной ответственности как лидера, умение четко обозначить духовные приоритеты при издании журналистского продукта необыкновенно важны.

Рассмотрим духовные характеристики главного редактора на примере Николая Александровича Бердяева – философа, публициста, редактора религиозно-философского журнала «Путь», который выходил в Париже в 1925–1940 годы.

Н.А. Бердяев был, прежде всего, известным философом, но и на редакторском поприще, в области публицистики он зарекомендовал себя как умелый и тонкий руководитель, сумевший привлечь к участию в периодическом издании значительные силы. Среди авторов журнала «Путь» значатся ученые, философы, публицисты и литераторы – С.Н. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, Г.А. Рачинский, Н.О. Лосский. И, конечно, главные темы, которые поднимал Бердяев на страницах своего издания, – темы свободы, духа, личности, творчества, нравственности. Издание «Путь» было, пожалуй, единственным в России, в публикуемых материалах которого творческая свобода сочеталась с высокой культурой и ярко выраженной духовной направленностью.

Анализируя журналистский опыт прошлого, нельзя не сопоставить его с современной действительностью. Для редакторов и журналистов сегодняшнего дня высокие культурные и духовные ценности заменились ценностями рыночными, отношением к людям как к вещам и товару, как к средству извлечения из них прибыли. Средствами массовой информации, по сути, была создана своеобразная система ценностей, в центре которой заняли позиции идеи личного успеха, индивидуализма, предпринимательства и потребительства. Рыночный характер, по мысли исследователя В.И. Кузина, стал преподноситься в качестве высшей общечеловеческой и нравственной ценности [Кузин, 1997, с. 27]. Такие понятия, как мораль, нравственные постулаты, которые добровольно принимаются человеком, определяют его внутреннюю и внешнюю жизнь, уступили место приспособленчеству к условиям рынка, что подразумевает обретение редакторами и журналистами рыночного характера, осознанием себя и результатов своей деятельности в качестве товара. Ключевыми чертами современной российской журналистики стали двойная мораль, пренебрежение нравственными категориями, асоциальность. Все это нашло отражение в выборе тем для публикации, в способах сбора и оценки источников информации, в самом материале и последствиях его публикации, в отношении к аудитории, в личном понимании журналистами роли СМИ в обществе.

Н.А. Бердяев неоднократно затрагивал в своих работах и на страницах журнала вопросы морали. С точки зрения русского философа, искать исток морали следует в свободе – иррациональной, то есть произвольной и рациональной, связанной с исполнением морального долга.

Журнал «Путь» представлял собой уникальный для русских теоретических и, в частности, религиозно-философских журналов опыт дискуссионного издания, в котором не господствовала идеологизация – ни политическая, ни религиозная. Это было чисто интеллектуальное богословско-философское периодическое издание, включающее наряду с академическими богословскими статьями религиозную публицистику, эссе, письма, мемуары. Многообразие тем журнала превращало каждый его номер в подлинную энциклопедию русской духовной культуры. Здесь освещались проблемы сближения церквей, а также вопросы литературы и искусства, философии и психологии. «У Н.А. Бердяева было необыкновенно острое чутье на истину, актуальность общественной проблематики. Он писал об антиномии спасения и творчества, о неудаче Ренессанса и о реализме Пикассо, о влиянии развивающейся техники на духовную типологию общества, писал вообще

о духе своего времени. На такой уровень обобщения мало кому дано подниматься. Ведь для этого необходимо чувствовать дух своего времени. И Бердяев обладал этим редким качеством, которое необходимо каждому пишущему человеку и особенно публицисту» [Игумен Вениамин, 1998, с. 36].

Современные журналисты также хорошо чувствуют дух своего времени, нацеленный на максимальную прибыль и рейтинги, в результате чего СМИ утрачивают свои традиционные функции – просвещения, гуманизма, познания, культуры и переходят на позиции шоу-бизнеса, рекламы. В СМИ все больший вес обретают гламурные ньюсмейкеры, пиармены, маркетологи, рекламные агенты, шоумены, продюсеры и так далее. Журналистов же, по словам исследовательницы Светланы Пасти, вполне устраивает роль развлекателей. Они воспринимают журналистику больше как PR для продвижения политических и экономических медиаклиентов [Пасти, 2004, с. 250].

Н.А. Бердяеву этика виделась ядром, к которому стремится философская мысль. Именно этика задает вопрос о том, «кто я есть» и «куда иду». По мнению философа, «этика должна быть не только теоретической, но и практической, то есть призывать к нравственному преобразованию жизни, не только к усвоению, но и к переоценке ценностей. Она должна раскрывать чистую совесть, незамутненную социальной обыденностью. Основное условие нравственной жизни есть свобода – свобода добра и зла. Без свободы зла нет нравственной жизни. Это делает нравственную жизнь трагической. Этика законническая, нормативная, для которой свобода лишь условие выполнения нормы добра, не понимает трагизма нравственной жизни. Трагическое есть основное нравственное явление и основная категория этики» [Бердяев, 1993, с. 33–34].

В.И. Кузин выделяет следующие «смертные грехи» журналиста, а также человека, возглавляющего издание – «искажение фактов, почтение «ложных образов», то есть мифологизация, преднамеренное деление героев на «злых» и «добрых», вторжение в частную жизнь и так далее. Чтобы вольно или невольно не впасть в эти и другие «грехи», необходимо соблюдать определенные моральные нормы. Открывать для себя и сообщать читателям Истину. Продумывать последствия того, о чем пишешь и говоришь. Но простого сообщения Истины недостаточно, если отсутствует суждение, основанное на информированности (знаниях). Нравственный долг главного редактора, а вместе с ним и журналиста состоит в том, чтобы побуждать аудиторию к получению знаний» [Кузин, 2001, с. 14].

Редактор, как и всякий человек, обязан быть порядочным, честным, терпимым к мнению других (толерантным), обладать мужеством, открыто признавать свои ошибки и, конечно, уважать, ценить, беречь и чтить «Слово», которое, как известно, может убить, но также просветить, возвысить, утешить, вдохновить.

Современные работники СМИ порой воспринимают свою деятельность как «халтуру». Они допускают публикацию непроверенной информации и разного рода слухов. Текущая практика навязывает российскому журналисту другую обязанность – служение политической власти и экономической элите общества. «Молодое поколение считает себя ответственным, прежде всего, перед нанимателем. Коррупция, блат, ложь, собственный интерес, ответственность перед медиаладельцем и частным клиентом способствуют экономическому и профессиональному успеху журналиста» [Пасти, 2004, с. 260–261]. Откровенное обслуживание властей предрержащих и финансово-промышленной олигархии превратилось в нормальное явление современной журналистики.

Сегодня за медиабизнес хватаются дилетанты, которые плодят вокруг себя таких же дилетантов. Возможно, это есть причина того, что у нас так процветает таблоидно-гламурная и «желтая» журналистика. По мнению нынешнего главного редактора «Огонька» Леонида Бершидского, ремеслом журналиста может овладеть каждый. Требования к «пластмассовым мальчикам» и «интернет-компиляторам» – безындивидуальность, владение парой иностранных языков и умение правильно войти в сеть.

Таким образом, средствами массовой информации сегодня зачастую руководят люди, не обладающие элементарными представлениями о нравственности, на каждом шагу преступающие принципы морали и профессиональной этики, представляющие собой скорее глянцевого богему, нежели зрелую личность, и руководящие такими же непрофессиональными, раздираемыми рыночными идеалами людьми, как и они сами.

Проблемой личности Бердяев интересовался особенно. Личность, по его мнению, есть воплощение по преимуществу нравственных принципов, из нее определяется отношение ко всякой ценности. И поэтому в основе этики лежит идея личности. Единство и ценность личности не существуют без духовного начала. Духовность же Бердяев понимал как некое новое качество, возможное лишь в состоянии общины. Духовность всегда социальна, всегда связана с ответственностью за все происходящее вокруг, за зло, прямо или косвенно совершаемое людьми [Бердяев, 1993, с. 62–63].

Бердяев, несомненно, представлял собою яркую личность, харизматичного руководителя издания, жестко следующего принципам морали. Известно, что он был организатором и участником заседаний Религиозно-философской Академии, которые проходили в редакции журнала «Путь». Сотрудники журнала принимали активное участие в этих заседаниях, представлявших собой нечто вроде дискуссионного клуба, где читались лекции на религиозно-философские темы, сообщения о которых появлялись затем на страницах «Пути». Свое умение сталкивать противоположные мнения Бердяев нередко использовал на посту редактора журнала. Своеобразие журналу придавали регулярно публикуемые так называемые «открытые» письма, с помощью которых главный редактор «вызывал огонь на себя», становясь выразителем важнейших идей религиозно-философского и богословского характера, возникавших в зарубежных православных кругах. Не на последнем месте стояли идеи морали и нравственности.

Общечеловеческие нормы нравственности служат критериями должного поведения специалиста. А такие представления, как «идеал», «счастье», «смысл жизни» вообще не уместаются в профессиональные рамки. «Идеал» питает представления о профессиональном долге и справедливости, от «смысла жизни» берет начало ответственность, а «счастье» дает опору самооценивающим механизмам: совести, чести, достоинству. Более того, именно благодаря высшим регуляторам все остальные нравственные предписания получают возможность творческого применения.

Определяя тему и цель конкретного материала, делая предметом публичного обсуждения те или иные факты текущей жизни и давая им оценку, журналист тем самым принимает на себя ответственность за социальные последствия своего выступления [Авраамов, 1991, с. 45].

Бердяев предлагал оценивать правила обычной нравственности с точки зрения «чистой совести», а не с точки зрения временных нужд человека. Например, он критикует всякий фанатизм, всякое попечение о «дальнем» за счет «ближнего» своего, указывает на отсутствие истинной любви, а именно любви к конкретной отдельной личности, и на подмену ее любовью к абстрактным теориям, программам и прочему.

Применительно к современности говорить о «любви к конкретной отдельной личности» не приходится. Рыночная журналистика привела к отчуждению аудитории от СМИ, полному падению доверия. Рыночные журналисты ориентированы против людей, любые взаимоотношения оценивают с позиции «что я буду от этого иметь». Журналист отождествляет себя со специфическим проводником информации. «Ин-

формация становится самодовлеющим фактором журналистской деятельности. Он теряется и исчезает в этом потоке информации, которая проводится им, но не переживается и не осознается» [Кузин, 1997, с. 35].

Профессиональная мораль способна оказывать воздействие на трудовую деятельность не только с помощью норм. Она регулирует поведение и через систему ценностей.

Если в понятии нормы подчеркивается обязанность поступать определенным образом и подразумеваются санкции за ее нарушение, то в ценности превалируют добровольность и внутренняя убежденность в необходимости следовать ей.

Исследования показали существенную трансформацию ценностей современных журналистов. Так, Л.Г. Свитич изучает журналистскую социально-профессиональную группу с 1960-х годов. Она пришла к выводу, что для сегодняшних журналистов характерен прагматичный и даже авантюристический взгляд на профессию, как на способ зарабатывания денег. Если, например, в советское время журналисты рассматривали себя в качестве воспитателей, организаторов, глашатаев общественного мнения, то сегодня многие видят себя развлекающими, продавцами информации. «В прессе доминируют ценности финансовых и коммерческих структур. Из этого следует, что современная журналистика достаточно ангажирована, медиа подменяют объективное ценностное ориентирование людей пропагандой ценностей владельцев медиа» [Устимова, 2000, с. 4, 25].

Среди функций морали наиболее рельефно проявляется ее способность регулировать поведение личности. В деятельности редактора профессиональная мораль должна присутствовать не только в качестве ориентира и регулятора его поведения. Она предлагает ему благородные мотивы служения общественному благу, дает ключ к пониманию другого человека. Е.П. Прохоров подчеркивает, что «для руководителя издания исключена позиция высокомерного наставника, поучающего ментора. Серьезный, честный, доступный разговор по самым сложным вопросам, умение вести за собой аудиторию, способствовать ее развитию и повышать уровень осмысления окружающего – необходимые требования этики» [Прохоров, 2007, с. 332–337].

Таким образом, можно сделать вывод, что, не осознав себя человеком, у которого в руках находится мощное средство воздействия на современников и потомков, не ощутив полноту ответственности перед обществом и людьми, редактор не может считать себя зрелым профессионалом, способным руководить средством массовой информации. Готовность к успешной деятельности определяется, прежде всего, сте-

пенью точности представлений об общественной роли профессии, богатством общего творческого потенциала личности, во многом зависящего от уровня ее социального, интеллектуального и нравственного развития.

Литература

- Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста : Парадоксы развития, поиски, перспективы. М., 1991.
- Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.
- Вениамин (Новик), игумен. Мужество человека, публициста, философа // Невский наблюдатель. 1998. № 1(3).
- Кузин В.И. Психологическая культура журналиста. СПб., 2001.
- Кузин В.И. Формирование «рыночного характера» у журналистов российских СМИ // Журналистика и социология-97. Журналист : личность, должность, долг. СПб, 1998.
- Пасти (Юшкевич) С. Российский журналист в контексте перемен. Медиа Санкт-Петербурга. Тампере ; Финляндия, 2004.
- Прохоров П. Введение в теорию журналистики. М., 2007.

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ : МАТЕРИАЛЫ ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ

Круглый стол «Филология и образование человека»

*Е.Н. Басовская, кандидат филологических наук,
профессор Российского государственного гуманитарного университета
(Москва)*

Должна признаться: у меня не филологическое, а журналистское образование. Поэтому позволю себе высказаться как своего рода сторонний наблюдатель. Точнее – великий завистник (если вспомнить персонажа детской сказки).

Мне всегда казалось – да и сейчас я не вполне рассталась с этой мыслью, – что филологическое образование сделало бы меня счастливее. Поступи я в свое время на филологический факультет, я владела бы древними языками, гораздо глубже знала историю русского языка, свободно говорила на нескольких европейских, лучше ориентировалась в современном литературном процессе... Все это, конечно, прекрасная иллюзия. Нельзя судить о том, чего не случилось. А студенты филологического факультета одного из московских вузов, где я некоторое время работала, ошибались в определении падежа и приписывали «Бородино» Пушкину точно так же, как мои бывшие однокурсники-журналисты. Тем не менее филологическое образование, манящее своей истинной академичностью, своей великолепной отрешенностью от рутины и конъюнктуры, остается моим недостижимым романтическим идеалом.

Не уверена, что филологическое образование направлено на формирование каких-либо навыков и умений, кроме, разве что, навыков работы с текстами, устными и письменными, созданными на разных языках и относящимися к разным стилям и жанрам. Впрочем, без таких навыков не может существовать ни один гуманитарий. Филологическое образование отличается в этом смысле от прочих лишь тем, что, как самый строгий из учителей, дает ученику повышенную нагрузку. Даже наши, журналистские списки литературы, представлявшие собой сокращенный вариант филологических, составляли каждый семестр небольшую брошюру. Читать-читать-читать... Испытывать терпение собственных глаз. Привыкать жить читая. Такова, думается, судьба филолога.

А воздается ему за все эти неподъемные тома, за слезящиеся глаза и чехарду литературных персонажей в лихорадочных снах – блестящей перспективной работы в ГОУ СОШ, то бишь районной средней школе, с детьми вовсе ничего и никогда не читавшими. К тому же бродивший несколько лет в отдалении призрак ЕГЭ пришел-таки к нам и вершит свой суд, на котором филологу выносится страшный приговор – очевидная профессиональная непригодность. Ведь готовить к ЕГЭ по русскому языку и литературе должен кто угодно, только не мученик древних и современных текстов. Полагаю, что настоящий филолог органически не способен выбирать и отмечать галочкой (а также крестиком) единственно правильный ответ. Если в чем и убежден знаток супинов и плюсквамперфектов, ценитель Гомера и Пруста, – так это в том, что жизнь вообще не склонна к однозначности, а науке выбор одного правильного варианта противопоказан категорически.

Филологические образование формирует личность как субъект, а не объект. Субъект познания, а не объект обучения. Субъект деятельности, а не объект управления. Только вот быть таковым – участь бесконечно трудная и не доходная вовсе. Вошедшая в моду с легкой руки интернет-болтунов презрительная оценка «Много букв!» как нельзя лучше передает брезгливое отношение сегодняшнего прагматически ориентированного общества к людям книжной культуры. Так что филологическое образование, на мой взгляд, еще и первый шаг к мученичеству (речь, конечно, именно об образовании, а не о дипломе как таковом).

Современная российская средняя школа не просто отторгает, но исторгает из себя странное, обременительное, рыночно бесполезное филологическое образование. Это проявляется и в уменьшении количества учебных часов, отданных русскому языку и литературе в старших классах, и в отказе от сочинения, прежде ненавистного всему филологическому сообществу, а теперь вспоминаемого с ностальгической слезой. И выпускники делаются закономерно все менее и менее филологически образованными. Причем главное здесь не то даже, что они не помнят наизусть ни одного четверостишия Пушкина и путают причастие с деепричастием, а то, что они коммуникативно неразвиты, лишены стилистического чутья и преисполнены неприязненного страха перед текстом.

Что же будет? Ясно одно: никогда уже не станет как было. Не вернется ни массовое знание монологов Чацкого, ни отличавшее советских школьников умение жонглировать словами так, чтобы взрослые остались довольны. Зато возрастет (и уже возрастает) потребность в знании иностранных языков. Видимо, именно эта сторона филологического образования и дает ему шанс на выживание. А от нас, преподающих сегодня языки – включая русский – и литературу, зависит остальное. Наше дело – не сдаваться и ставить условие: хочешь business English (продвинутый уровень) – изволь начинать с Гомера. Почему? Да просто потому, что мы так решили. Мы, чудаковатые пожиратели текстов.

*Т.А. Воронцова, доктор филологических наук,
доцент Удмуртского государственного университета
(Ижевск)*

На вопрос о роли филологического знания как для общества, так и для отдельного человека исчерпывающий ответ дал Сергей Сергеевич Аверинцев в своей статье «Похвальное слово филологии». Со времени написания этой статьи (1969 г.) прошло ровно сорок лет, изменилась Россия, сменилось поколение, но ни одна строка, ни одно положение этой статьи не устарели ни на йоту.

«Филология есть служба понимания», – это определение С.С. Аверинцева объясняет все.

Филологические знания – это своего рода прививка от агрессии по отношению к «чужому» в широком смысле. При этом неважно, идет ли речь об иной культуре или о частном мнении конкретного человека.

Литература помогает нам понять культурное и коммуникативное пространство любого времени и места. Язык как культурный код помогает нам в этом пространстве освоиться: жить, устанавливать связи и осмыслять чужое культурное и коммуникативное пространство как «свое».

Это, на мой взгляд, и есть основной общественный вклад филологических наук. Насколько этот вклад сегодня востребован российским обществом, – другой вопрос.

На мой взгляд, прежде чем говорить о решении задач филологического образования, нужно эти задачи более или менее внятно сформулировать.

К сожалению, наше филологическое сообщество в сфере образования, несмотря на многочисленные форумы и конференции, пока не дает ответа на главный вопрос: что должен знать и уметь современный специалист-филолог.

Современное филологическое знание сколь объемно, столь и многомерно. Свобода и творчество в науке – это замечательно. Но очевидно, что не все, что есть в современной филологической науке, автоматически имеет право на присутствие в образовательном знании.

Те из моих коллег, кто помнит российское (советское!) общество второй половины XX века, наверняка обратили внимание на то, что уровень филологической образованности «простого советского человека» был выше, чем уровень современного российского обывателя. И дело даже не в том, что «раньше больше читали, потому что не было Интернета». Парадокс в том, что в условиях отсутствия свободы слова ценность филологического знания повышается на подсознательном уровне, потому и читали, и играли со словом в бытовом общении, да и писали грамотнее.

В современных условиях важность филологического образования приходится доказывать на рационально-логическом уровне. Филологи проводят конференции и круглые столы, пишут статьи и монографии, выступают в СМИ. Словом, делают все, что в их силах, чтобы как-то поддержать статус филологического образования в целом и русского языка в частности, привлечь внимание общества к этой проблеме.

Получается это пока, откровенно говоря, плохо. Иначе бы не страдали филологические факультеты от недобора студентов и не изъяснялась бы наша настоящая и будущая «элита» на «койне» из жаргона и обцененной лексики.

Для меня это, увы, основной показатель уровня филологической образованности современного общества. За последние десятилетия выросло поколение, которому «великий и могучий» вроде бы и ни к чему. Носители русского языка от 12 до 30 лет прекрасно обходятся (по крайней мере, на уровне бытового общения) образованиями от пяти-шести корней русского языка, которые принято называть нецензурными. Заезженная шутка: «Мы матом не ругаемся – мы на мате разговариваем», – давно перестала быть шуткой, став печальной реальностью. Причем, для всех слоев населения.

Воспитательно-просветительские меры и повсеместное преподавание курса «Русский язык и культура речи», к сожалению, дают нулевой результат. Студенты, выйдя из аудитории, переходят все на тот же привычный «язык родных осин». При этом их ничуть не смущает статус «будущей интеллектуальной элиты» России. Что уж говорить о тех, кто себя к таковой причислить не может?!

Вот и лелеют филологи маниловские мечты о том, что хорошо бы издать каким-нибудь закон, запрещающий повсеместное употребление матерных слов. Но тут же возвращаются к суровой реальности: а кто будет хотя бы штрафовать граждан за это правонарушение? Милиция? Увы, доблестные стражи порядка обходятся преимущественно теми же пятью корнями. И нет у нас в этом смысле ограничений ни моральных, ни профессиональных.

Так что тенденции пока не радуют.

*С.М. Евграфова, кандидат филологических наук,
доцент Российского государственного гуманитарного университета
(Москва)*

Если мы ожидаем, что гуманитарное (и в частности филологическое) образование должно породить людей широкой культуры и глубокого, философского склада ума, то современное образование следует признать вопиюще неэффективным. Сейчас рядовой выпускник не только школы, но и вуза производит впечатление человека гуманитарно необразованного. Редкие исключения обычно обретают свою образованность дома, общаясь с родителями и их друзьями; встречаются и самоучки. А вот людей, которых всему «разумному, доброму, вечному» научили в каких бы то ни было учебных заведениях, я что-то давненько не встречала.

Парадокс? Тот, кому «по штату положено» без конца читать, много знать и видеть мир через призму накопленного человечеством размышлений о человеке и человечности, неохотно и со скрипом прочитывает только то, «что задано»?

Но это парадокс кажущийся. Задумаемся: высшее филологическое образование построено экстенсивно: от учащегося требуется всего лишь усидчи-

вость и хорошая память. Студенту-филологу велят многое прочесть, многое запомнить; ему положено знать про каждую книгу «правильные слова», которые сказали про нее другие, более уважаемые читатели – будь то Ленин с Энгельсом, Гаспаров, Лотман или, скажем, Белинский. Читай все, что задали, запоминай имена персонажей, сюжет, высказывания великих литературоведов – четверка обеспечена. А уж если запомнил некоторые детали и прочитал внепрограммный материал – получи заслуженную пятерку. Ученым этим методом, конечно, не стать – а кандидатом филологических наук можно. Доктором, впрочем, тоже можно. И совсем не факт, что доктор филологических наук, достигший высот благодаря своей усидчивости, непременно окажется хотя бы широко эрудированным человеком: вдруг он просто узкий специалист и не знает ничего, кроме своей английской литературы второй половины XIX века?

Ох, неслучайно Лев Николаевич Толстой недолго пробыл студентом и ушел из университета, чтобы ничто не отвлекало его от чтения по-настоящему интересных и нужных ему книг! Да и Александр Сергеевич Пушкин, которому посчастливилось учиться в таком учебном заведении, о котором нам и мечтать не приходится, неслучайно написал в стихотворении «Чаадаеву» (1821) такие строки:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

Не школа и не университет делают человека эрудитом или мыслителем – только он сам. Учебное заведение может помочь тому, кто сам идет по нужному пути, но ищет тех, у кого можно чему-нибудь научиться. Тогда обучение превращается в диалог Учителя и Ученика, диалог страстный и нужный обоим. Если же одно безразличное ко всему происходящему вокруг существо с тоской отсиживает за партой мучительные часы, а другое подобное существо всего лишь честно отработывает зарплату, то начинают действовать законы вынужденной коммуникации (мне случилось говорить об этом на конференциях, в частности, на конференции по проблемам понимания в Московском педагогическом государственном университете в феврале 2009 г.). В ситуации вынужденной коммуникации все силы обучаемого уходят на сопротивление обучению. Блокируется понимание, учащийся становится вялым и туповатым, а вскоре и преподаватель обретает изначально несвойственную ему агрессивность.

Ради бога, не подумайте, что я против филологии или образования вообще! Я глубоко убеждена, что в наше время образование неэффективно, потому что превращено в индустрию. Образование, особенно гуманитарное, филологическое, – это неспешный разговор человека с человеком о смысле жизни и

устройстве мира, а не торопливое запихивание в голову каких-то сведений непонятно о чем.

От редакции. Закончена публикация материалов Интернет-конференции «Филология и человек в изменяющемся мире». Редакция выражает надежду, что высказанные в ходе обсуждения мнения смогут послужить дальнейшему развитию филологической науки и образования, будут стимулировать продолжение дискуссии. Мы благодарим всех участников Интернет-конференции и особенно руководителей круглых столов профессоров Е.Н. Басовскую (Москва) и И.В. Силантьева (Новосибирск).

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

Обращаю внимание...

**Шукшин В.М. Собрание сочинений в восьми томах
(Издательский Дом «Барнаул», 2009)**

Издание собрания сочинений В. Шукшина – акт, достойный благодарного признания. Во-первых, юбилейный повод не способствовал общественному вниманию, совпав с юбилеями великих русских классиков. Во-вторых, известная издательская стратегия, учитывающая ориентацию на спрос, а чтение серьезной литературы не является характеристикой массового общества, в которое и превращается наша, по прошлому комплиментарному мифу, «самая читающая страна». В-третьих, смена ценностей в новой России требует двойного отторжения литературы прошлого: и как литературы «советского», и как литературы русского национального прошлого, прах которого в очередной раз нужно стряхнуть с наших ног. Поэтому пятитысячный, конечно, мизерный, тираж опубликованного наследия Шукшина – это заслуга авторов замысла, филологов Алтайского государственного университета, тех, кто поддержал замысел организационно и финансово, но это и проявление глубинных культурных интенций в современном обществе, тенденций к объемному пониманию ценностей человеческого существования, не сводимых к экономике и политике. Именно так, а не как жест провинциального патриотизма, я расцениваю, что в глубине России («там, вдали») изданы вновь тексты Шукшина, писателя, который не отражал, а ставил экзистенциальные проблемы, возникающие перед каждым человеком, где бы он ни жил, кем бы он ни был, в какой бы социальной системе он ни оказался.

Шукшин в русской литературе жил биографически мало и получил противоречивое признание: массовое признание как кинематографист и сдержанную (назовем это так) оценку культурной элиты, если не упоминать эстетически близких писателей и критиков.

Посмертная судьба творчества, использование имени Шукшина не самыми глубокими деятелями современного искусства в идеологически ангажированных целях (шукшинские праздники на его родине – показатель известной горькой истины: храни меня от сподвижников) не способствует разгадыванию тех смыслов, которые оставил Шукшин. А он продолжает ряд органичных русских писателей, чье сознание формировалось не системой чужих мыслей, но и

не пресловутой «внутряной» мудростью, а естественной потребностью ума в решении проблем живой жизни, жизни «здесь и сейчас» выйти в мировую культуру, чтобы высказать свою правду, свою версию жизни, понимая при этом, что своя правда – не истина и не абсолют. Как бы страстно ни доказывал свою версию человека и жизни Шукшин, он искал ее подтверждения, проверки. Шукшин не учитель, а вопрошатель, «окликающий» людей. Это делает Шукшина художником XX века, а значит, и нового века, века полицентрического, опасющегося тирании идей, норм, апостолов единой истины. Замалчивание Шукшина можно объяснить тем, что он неудобен ни одной идеологической догме: ни сторонникам мифов о народе-богоносце, о природной нравственности, о национальной избранности, об облагораживающей образованности, ни демифологизаторам, успешно доказывающим генетическую несамобытность народа, этический хаос в человеке, неличностное сознание человека. За пределами идеологических споров вдумчивый человек должен сам искать ответы, читая не то, что на слуху, «актуально», а избирая тексты из огромного хранилища русской и мировой литературы. Новое издание Шукшина – вклад в это хранилище.

Полагаю, что в целом издание удалось, хотя это не академическое издание, которое станет возможным, видимо, лет через 15, когда все черновики и варианты (не только публикаций, но и правок черновиков) станут доступны для рассмотрения. Конечно, нельзя не вспомнить о двух первых изданиях, собравших и выстроивших наследие Шукшина: пять книг, составленных В. Горном и изданных в Барнауле в 1986–1991 годах, и шеститомное собрание сочинений с комментариями Л. Анненского 1992–1993 годов (издательство «Молодая гвардия»). Конечно, новое издание не подарило открытий (повторим, архивы писателя пока мало доступны исследованию), но оно не стало и простым переизданием. В нем продолжается поиск принципа издания текстов Шукшина – издатели совместили хронологический принцип и жанровый (отдельные тома посвятив роману «Любавины» и роману «Я пришел дать вам волю» с киносценарием о Разине). Важно, что тексты Шукшина сопровождаются указаниями вариантов (к сожалению, не полных текстов-вариантов, а выбранных комментаторами разночтений в разных прижизненных публикациях) и комментариями. Анализ комментариев требует серьезной работы, и он впереди, выскажу поверхностное впечатление.

Первое – различие принципов комментирования в разных томах; кажется, что редакционная коллегия о единой методологии не смогла договориться, и дала свободу комментаторам. Второе наблюдение – отсутствие в комментариях определения времени создания текстов (не публикаций, а именно времени – обстоятельств, духовной ситуации, замысла и воплощения); Л. Анненский пытался это вводить в пятитомнике, и это стало очень ценным толчком для будущих истолкований пути художника от идеи к тексту. Там, где у комментаторов нового издания есть отсылки к рабочим записям (но без попыток датировки записей), где есть отсылки к толчку, идущему от жизненного факта (ссылки на мемуарные свидетельства, например), это и составляет, на мой

взгляд, главное назначение комментариев к публикации. К сожалению, этот принцип обрисовки внетекстовой реальности, породившей текст, не выдерживается (объективно этого больше в 8-м томе – публицистика и письма В.М. Шукшина).

Второе назначение комментариев – это истолкование значений ситуаций, образов, слов, необходимых для понимания текста. На этом комментаторы Собрания сочинений делают главный акцент, и авторы некоторых комментариев сводят их к словарной статье, к истолкованию лексического или номинативного значения слов (что можно узнать в словарях) без конкретной фактической аргументации: почему, когда, где зафиксировано знакомство с Шукшиным с комментируемым фактом, с культурным знаком или именем, о котором он упоминает. В каком контексте Шукшин в рассказе «Штрихи к портрету» упоминал, например, Спинозу, а потом заменил на Пугачева?

Комментарии – опасное и ответственное занятие, потому что оно, с одной стороны, выдает кругозор комментатора, а с другой стороны, требует такого погружения в жизненный и культурный контекст комментируемого автора, который недоступен читателю. Поэтому я ищу в комментариях фактические разъяснения, которыми не обладает начинающий читать, а смысловые комментарии, хотя они очень важны, я с опаской читаю. Наверное, интерпретация текста уместнее в отдельной статье, а комментарий не должен навязывать прочтение автора комментария.

Продуктивно, когда во всех томах приводятся трактовки современных Шукшину критиков, это создает представление о культурной ситуации, в которой писался текст, о восприятии тех, кому адресован текст. А вот выделить самую конгениальную литературоведческую интерпретацию новелл или романов Шукшина, видимо, невозможно, поэтому избирательность авторов комментария, ссылающихся на какое-то кажущееся им наиболее адекватным прочтении Шукшина, вызывает сопротивление человека, знающего другие трактовки, и сбивает с толку читателей-неофитов, не подразумевающих, что можно иначе прочесть смысл какого-то рассказа или киноповести. Мне, например, самыми точными представляются толкования Л. Аннинского, И. Плехановой, И. Дедкова, Н. Лейдермана. Иногда одна статья (Д. Гивенса, написавшего менее эвристическую англоязычную монографию о Шукшине), значит больше, чем целые книги.

Тем не менее, внимание комментаторов именно к тексту я хочу поддержать. Меня к богатству текстовой структуры у Шукшина, а не только к остроте и глубине проблематике, не только к поэтике образного мира, обратила много лет назад С.М. Козлова, автор комментариев, к сожалению, только одного тома. В ее книге 1992 года «Поэтика рассказов В.М. Шукшина», при всей спорности многих конкретных интерпретаций, открылась такая текстовая многослойность, такая игра смыслами, культурными аллюзиями (после знакомства с постструктуралистской критикой сводимыми лишь к интертекстуальности), что посмодернистская текстовая стратегия обнаружила свою нарочитость и самоценность. У Шукшина же богатство текста прорывает новые и новые пла-

сты смыслов: читать Шукшина интересно не только в номинативном пласте, но и в глубинных залежах текста. В связи с этим еще раз скажу о важности публикации текстов Шукшина (даже если они комментируются не как стереоскопические). Шукшин – писатель культурный, чья проза не сводится к отражению жизни человека конкретного исторического момента.

Заключая, повторю, что издатели и комментаторы сделали очень важное дело. Хочется надеяться, что, несмотря на мизерный тираж, восьмитомник даст толчок если не чтению, то изучению наследия Шукшина филологическим сообществом. Желая алтайским филологам подтвердить право на высокую авторитетность в исследовании Шукшина, стать центром шукшиноведения не только по праву землячества, напротив, вопреки местечковости, не допустить уровня провинциального краеведения в обращении с наследием Шукшина. А изданное Собрание сочинений Шукшина, став библиографической ценностью, путь будет разыскиваться знатоками.

Т.Л. Рыбальченко

Новое Собрание сочинений Василия Шукшина

Издание это ожидалось, анонсировалось, и неслучайно: новое собрание сочинений Василия Макаровича Шукшина в юбилейный год 80-летия писателя должно было стать определенной доминантой в текстологических наработках современного шукшиноведения (тем более после завершения работы над фундаментальным словарем-справочником «Творчество В.М. Шукшина»).

Газетные репортеры сообщали: «Алтайские филологи завершают работу над первым полным собранием сочинений Василия Шукшина. Издание посвящено 80-летию со дня рождения писателя, актера и режиссера. В новом восьмитомном издании впервые будут опубликованы неизданные рассказы и киносценарии Шукшина, которые авторы <sic!> собрания (извиним это неуклюжее «авторство» волнительной радостью репортеров. – П.Г.) скрупулезно собирали. В последний, восьмой том вошла публицистика, фотографии и письма – всего 136 документов, многие из которых были не доступны широкому кругу читателей. Это своего рода «биография в письмах. Собрание сочинений Василия Шукшина будет отличаться не только содержанием, но и нестандартным размером, удобным для чтения»¹.

5 марта агентство «РИА Новости» сообщало: «Собрание сочинений Василия Шукшина в восьми томах, в которое войдут ранее не опубликованные произведения писателя, будет издано к его 80-летию на Алтае, сообщается на сайте министерства культуры России. <...> новое собрание сочи-

¹ <http://izvestiya.net/rus/news-archive/?action=show&id=629>

нений Шукшина станет наиболее полным изданием его произведений. В него войдут неопубликованные тексты писателя. Кроме того, комментарии к произведениям, вошедшие в сборник, теперь будут включать и объяснения диалектных слов.

Особую ценность представляет восьмой том, в котором впервые будут представлены письма Шукшина, публицистика, его автографы, рабочие записи и документы. <...> В частности, Лидия Федосеева-Шукшина из своего личного архива передала управлению края по культуре стихи Василия Макаровича, часть из которых никогда ранее не публиковалась. Кроме этого, из фондов Российского государственного архива литературы и искусства удалось получить киносценарий «Пришел солдат с фронта»».

Наконец, издание появилось: «К 80-летию В.М. Шукшина издано собрание сочинений В.М. Шукшина в 8-ми томах, которое является на сегодняшний день наиболее полным, не имеющим аналогов. <...> При формировании издания составители отошли от жанрового принципа; произведения в нем публикуются в порядке хронологии. Тексты печатаются, как правило, по последним прижизненным публикациям В.М. Шукшина. Впервые в издание вошли многие шукшинские письма, автографы, документы, стихи. И если в классическом смысле новое издание еще нельзя назвать академическим, то первым весьма существенным шагом к нему»¹.

Нельзя, конечно, утверждать, что Шукшин-прозаик был скромно представлен до выхода Собрания 2009 года: первое трехтомное собрание вышло сравнительно рано, еще в 1984–1985 годах («Молодая гвардия»). Это издание очень широко и объемно демонстрировало наследие писателя, а примечания, даже несмотря на их сжатый объем, все же стали полезным подспорьем для читателей и исследователей (не следует забывать, что со дня кончины Василия Макаровича прошло тогда всего 10 лет).

Затем последовал интересный издательский опыт В.Ф. Горна, подготовившего своеобразное собрание сочинений из пяти пронумерованных томов (1986–1991), опыт, во многом предвосхитивший современные издательские поиски в этом направлении.

«Молодогвардейский» шеститомник (под редакцией Л.Н. Федосеевой, при участии Л.А. Аннинского), захлебнувшийся, к сожалению, в безвременьи 90-х, а также во многом «парные» ему собрания в пяти томах 1992 года (Свердловск и Бишкек) пришлось на ту же историческую эпоху, вовсе не способствовавшую ни текстологическим открытиям, ни читательскому ажиотажу. (В.Я. Курбатов вспоминал, что обнаружив на каком-то книжном латке среди зазывно-ярких обложек очередных детективно-фантастических бестселлеров бедно изданный томик этого собрания, тут же купил эту книгу, в некотором роде *спас* ее от нестерпимого соседства, неминуемо отсылающего к повести «До третьих петухов»...)

---

¹ <http://www.akunb.altlib.ru/shykhin/06.html>

В 1996 году было предпринято издание еще одного пятитомного собрания, на этот раз под редакцией Г.С. Костровой (Москва, серия «Литературное наследие»). Читателю сообщалось, что это издание отличается выверенностью по оригиналам авторских текстов, а также в нем устранены ошибки и опечатки, допущенные в предшествующих собраниях. К сожалению, это подарочного типа малотиражное издание не стало достоянием «широкого читателя».

Алтайское собрание сочинений 2009 года не просто хронологически продолжило линию издания произведений прозаика, но сделало *качественно* новый шаг в деле осмысления творческого наследия В.М. Шукшина. Здесь соединились множество счастливых и неслучайных факторов – причем бросающееся в глаза сочетание «объективных» и «субъективных» особенностей только подчеркивают «умышленность» (по слову В.Н. Топорова) этого «издательского начинания».

Во-первых, издание не могло не появиться именно в 2009 году, и дело тут не только в юбилее: всей логикой последних 20 лет алтайские филологи приближали день издания наиболее полного Шукшина «как могли». Нет нужды здесь напоминать, что шукшинские конференции, сборники, словарные и справочно-энциклопедические издания последних лет превратили Алтайский университет в безусловный центр изучения жизни и творчества великого писателя. Можно без преувеличения говорить уже не только об «индексе цитируемости» алтайских исследований и исследователей, но и о своеобразном *Index Prioritatis*, когда без упоминания имен С.М. Козловой, О.Г. Левашовой, А.А. Чувакина, А.И. Куляпина и многих других невозможно себе и представить ни одно солидное шукшиноведческое издание. После 2007 года – год завершения работы над трехтомным энциклопедическим словарем-справочником «Творчество В.М. Шукшина» – появление Собрания сочинений стало *неминуемым*.

Но одно дело «логика науки», а другое «жизненные обстоятельства»; между тем, именно они, эти вездесущие и неминуемые обстоятельства быта подчинились объективным законам бытия: летом 2008 года (меньше чем за год до юбилея) коллектив алтайских шукшиноведов принялся за подготовку собрания. И ничего, что, описывая те действительно сжатые сроки, в которые пришлось готовить издание, главный редактор Ольга Геннадьевна Левашова охарактеризует как «проклятую работу»¹, – это был поистине труд в шукшинском смысле слова – беспощадный к самому себе, *работа* (одно из излюбленных шукшинских словечек!), которой *отдаешь* всего себя, без остатка...

Во-вторых, издание не могло не появиться именно в Барнауле (куда там столицы с их неповоротливыми издательскими «проектами», растягивающимися на десятилетия и зачастую так и не обретающие черт завершенности!).

В основе собрания сочинений В.М. Шукшина в 8-ми томах (Барнаул: Издательский дом «Барнаул», 2009) лежит жанрово-хронологический (с прева-

¹ «За науку!»: газета Алтайского государственного университета № 35 (1113) от 17 сентября 2009 года.

лированием второго элемента) принцип. Тексты печатаются по прижизненным изданиям, сверены по рукописям, ряд произведений печатается впервые.

Проблема так называемого «канонического текста», тем более применительно к творцу, чье рукописное наследие только еще начинает изучаться, очень сложна, поэтому редакторы собрания сочинений пошли по классическому продуктивному пути – выверке всех известных вариантов, устранения очевидных ошибок и редакторской правки, чуждой авторской воле. Этот трудоемкий путь позволил сделать важные с точки зрения специалистов открытия: особенно это касается «периферийных» текстов Шукшина, его ранних произведений, а также текста романа «Любавины».

Справедливо можно признать, что наиболее трудоемкой частью подготовки Собрания сочинений стало составление комментариев: в этом издании реальный историко-литературный комментарий приближается по своим функциям к гибриднему виду социокультурного комментария, включающего толкование политических, бытовых деталей своего времени. Вместе с тем, свое место в составе комментариев занимает и указание на явные или скрытые межтекстовые аллюзии и реминисценции, что придает комментаторской работе академическую полноту. Органичен и лексический комментарий, опирающийся на добротную базу лексикографических работ И.А.Воробьевой (2002) и Словаря русских говоров Алтая (1993–1998).

Редакционная коллегия Собрания сочинений заслуживает отдельного упоминания, в ее составе трудились В.В. Десятов, С.М. Козлова, А.И. Куляпин, О.Г. Левашова, Д.В. Марьин, А.Г. Сидорова, О.А. Скубач, В.А. Чеснокова, А.А. Чувакин.

Наибольшие открытия ждут благодарного читателя в завершающем восьмом томе Собрания: здесь впервые в такой полноте и с таким объемом прокомментированности представлены письма, автографы, документы и стихотворные опыты Шукшина. И хотя ряд документов и текстов, скорее, подходят по своему содержанию для отдельного издания внехудожественных текстов наподобие знаменитого сборника «Рукою Пушкина» (1935), для настоящего ценителя живого шукшинского слова эти короткие надписи и записки приобретают существенную и непреходящую ценность.

Конечно, можно сказать, что, как и во всяком большом деле, не обошлось и без незначительных неточностей: в ряде комментариев встречаются повторения уже прокомментированных выше реалий или персон (что естественно в столь объемном и «густонаселенном» материале); непоследовательно соблюдается принцип указания на источник публикации (так, например, вступительное сочинение во ВГИК «В.В.Маяковский о роли поэта и поэзии» впервые было опубликовано в 2002 году, и эта публикация, по всей видимости, не попала в поле зрения комментаторов). При всем этом, следует отметить отличную работу Главного редактора Собрания О.Г. Левашовой по скрупулезной выверке текстов и координации работы с корректорами.

Редакцией издательского проекта в полной мере учтены важные разработки современной текстологии: следование эдичионным принципам как

старшего поколения отечественных текстологов (Б.В. Томашевского, С.А. Рейсера, Д.С. Лихачева, А.Л. Гришунина), так и современным достижениям дало свои плодотворные плоды – следуя старой, но, тем не менее, устойчивой типологической традиции можно с полным основанием утверждать, что Собрание сочинений Шукшина приближается по своей сути к изданию академического типа (пользуясь классификацией С. Рейсера, «научно-массового» издания, с одним, но весьма существенным уточнением, говорящим в пользу шукшинского Собрания: если в классическом «научно-массовом» собрании работа текстолога по сверке вариантов опускается, то в нашем случае эта работа представлена на суд читателя, имеющего счастливую возможность проследить за «эволюцией текста»; это обстоятельство указывает на приближение принципов издания к академическим). Это Собрание может полностью удовлетворить современного подготовленного читателя, являясь вместе с тем наиболее полным и авторитетным собранием произведений Шукшина (что делает издание универсальным как для специалистов, так и для «массового» читателя).

Прекрасное дизайнерское решение Собрания, интересное художественное оформление и отличное полиграфическое исполнение делают это издание достойным и ценным подарком библиофилу. Мелованная бумага, тканевая с золотым теснением обложка просто требует бумажного «супера», так как число подарочных комплектов в специальных фирменных коробках, естественно, ограничено, а столь изящно исполненная книга, к сожалению, слишком подвержена загрязнению. И все же эта (на первый взгляд кажущаяся мелочью) характеристика нового шукшинского восьмитомника очень и очень отрадна: на Родине Василия Макаровича появилось книжное творение, которое неминуемо будет подчеркивать свою значимость, несуетность, издательскую красоту, тем самым приучая своих будущих читателей к ответственному и сопричастному со-мыслию и со-творчеству. Нам предстоит еще *счастье* перечитать Шукшина, несуетно и внимательно, и чудесные открытия, ожидающие в процессе этого чтения, будут возможны теперь с помощью нового Собрания сочинений.

П.С. Глушаков

ОТЗЫВЫ

**читателей муниципальных библиотек Алтайского края
о собрании сочинений В.М. Шукшина в 8 томах,
изданном к юбилею писателя**

В год Шукшина все муниципальные библиотеки Алтайского края получили собрание сочинений писателя в 8-ми томах. Это издание стало уникальным подарком для читателей, которые дали высокую оценку книгам.

Е.В. Никитина, преподаватель русского языка и литературы, Славгород:

«Наконец-то мы, читатели, имеем возможность пользоваться полным собранием сочинений Василия Макаровича. Собранием, которому до настоящего времени не было аналогов. Книги не только очень привлекательны внешне, но еще и удобны в использовании, чему способствует наличие словаря, указателей, соблюдение хронологии. Но, все же, главный плюс издания – это содержательность. Восемь томов включили в себя все: публицистику, статьи, интервью, художественные произведения. Теперь поклонники его таланта могут не просто наслаждаться творчеством писателя, но и имеют возможность вникать в рассуждения самого автора, который делится своими мыслями, своим отношением к каждому из героев, к каждому произведению. Первоисточник, информация из уст самого Василия Макаровича, изданные книги – огромный подарок всем читателям».

В.М. Шабанов, старейший читатель библиотеки с. Усть-Калманка, Усть-Калманского района:

«В конце 2009 года я стал “фантастически богат”, получив долгожданный 8-томник моего любимого В.М. Шукшина. Долгие годы я читал и перечитывал рассказы Василия Макаровича по отдельным выпущенным книгам или 5-томнику. Но моей мечтой всегда оставалось многотомное издание. И моя мечта сбылась. Спасибо коллективу издания Собрания сочинений за их огромный труд. С большим интересом познакомился с письмами Василия Макаровича своим родным и близким, друзьям, знакомым, с высказываниями автора о своем творчестве, записанными Г. Кожуховой.

Что бы я еще хотел? Желая коллективу авторов выпустить отдельным изданием все критические статьи, хроникальные издания о жизни и творчестве Василия Макаровича Шукшина.

В.М. Шукшин навсегда останется в душе и сердце российского человека. Его всегда будет русская умная мать под сердцем носить».

Л.Е. Уфимцева, читатель библиотеки с. Ельцовка, Ельцовского района:

«Я давний читатель Ельцовской районной библиотеки. А прикипела душой к произведениям Василия Макаровича Шукшина еще в молодости, в 80-е годы. Предыдущие, отдельные издания его произведений, зачитанные, облюбованные читателями, пользуются большим спросом в библиотеке. Но я с нетерпением ждала восьмитомное издание. Это настоящий подарок издателей, составителей и редакторов нам, читателям к юбилею писателя!

Издание мне очень понравилось. Когда раскрываешь тот или другой томик под зеленой обложкой, о думаешь о родном уголке, о людях, которые тебя окружают, о соседях, о правде жизни... Приятно провести рукой и ощутить гладкость страницы книги. Спасибо издателям книги, тем, кто вложил душу в создание этих томов».

Г.И. Красникова, читатель библиотеки с. Благовещенка, Благовещенского района:

«Новое собрание сочинений В.М. Шукшина по-настоящему уникально. В нем впервые опубликованы некоторые рассказы Шукшина, его киносценарии, письма. В данном собрании сочинений Василий Макарович впервые открывается нам как поэт. Издание полное, систематизированное, а главное – доступно для читателя».

Б.А. Антонов, читатель библиотеки с. Дмитро-Титово, Кытмановского района:

«С большой радостью встретил известие о том, что в нашу библиотеку поступило новое восьмитомное собрание сочинений В.М. Шукшина. Я открыл для себя неизвестные рассказы. С удовольствием прочитал стихи, о которых ранее даже не слышал, хотя и помышлял о себе как о знатоке творчества этого удивительного писателя.

С огромной благодарностью обращаюсь к издателям и говорю им большое спасибо за труд, за радость, которую они доставили всем почитателям творчества Шукшина. Этого писателя нельзя не любить, он нам родной, алтайский. Убежден, что произведения Шукшина еще долго будут актуальны и современны, как и вопросы нравственности, правды и совести».

Н.П. Беликова, ведущий библиотекарь библиотеки-филиала № 1 Барнаула:

«Собрание сочинений Василия Шукшина – это не только признание его творческих заслуг и литературного таланта, но и весомый вклад Алтай в классику отечественной литературы и культуры. Теперь В.М. Шукшин, несомненно, займет достойное место на одной полке с такими признанными деятелями мировой литературы, как Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и А.С. Пушкин».

О.Н. Колбашева, заведующая библиотекой № 18 Барнаула:

«Я считаю несомненным достижением данного издания его исчерпывающую научность в систематизации, обработке и подаче отобранных для печати материалов. Без сомнения, очень удобна подача материала в строгом хронологическом порядке написания или опубликования. Это позволяет проследить и проанализировать путь становления Шукшина как писателя, публициста, сценариста.

Неоспоримым достоинством собрания сочинений является высокий уровень полиграфического и художественного исполнения. Приятно, что сохранена традиция оформления в жанре графики, как и в более ранних алтайских изданиях. В библиотечной и читательской среде данное издание займет достойное место благодаря своей информативности и видовой привлекательности».

Лидия Петровна Жуковская

Лидия Петровна Жуковская была и остается выдающимся лингвистом современности. Отечественная славистика не бедна звучными именами, но среди них имя Л.П. Жуковской – имя первой величины¹.

Родилась Л.П. Жуковской 5 апреля 1920 году в г. Мещевске Калужской области. В 1929 году семья Жуковских переехала в Москву, здесь в 1937 году Лидия Петровна окончила среднюю школу и поступила на факультет русского языка и литературы Московского городского педагогического института, закончив его с отличием в 1941 году, она в 1943 году поступила в аспирантуру этого института на кафедру русского языка, которой руководил в то время Р.И. Аванесов.

С 1947 года она – научный сотрудник, с 1959 году старший научный сотрудник Института русского языка (ИРЯ) АН СССР. После вынужденного ухода в 1988 году из ИРЯ работала старшим научным сотрудником отдела рукописей ГБЛ (ныне РГБ), здесь она работала вплоть до своей кончины в январе 1994 года.

Во время обучения в аспирантуре занималась вопросами языка Зографского Евангелия, Хроники Георгия Амартола и Ипатьевской летописи. Начало научно-исследовательской работы Л.П. Жуковской в ИРЯ было связано с составлением карт и комментариев к ним для Диалектологического атласа русского языка. Важным теоретическим итогом этой работы явилась статья о типах лексических различий в русских говорах². Эта классификация лежит в основе всех существующих в русистике классификаций лексических противопоставлений, в том числе представленных материалом древних славянских рукописей. Будучи аспиранткой, Лидия Петровна много работала в рукописном отделе Государственного исторического музея, именно здесь она встретила с М.Н. Тихомировым и М.В. Щепкиной, оказавшими исключительное влияние на формирование ее научных интересов, здесь же была окончательно определена тема кандидатской диссертации – «Из истории языка северовосточной Руси в середине XIV в.», посвященная палеографическому и фонетическому описанию Галичского Евангелия 1357 года. Защита состоялась в

---

¹ См.: Даскалова А. Жуковская Л.П. // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 704–706 ; Дерягин В.Я., Левочкин И.В. Лидия Петровна Жуковская (К 70-летию со дня рождения) // Записки отдела рукописей. Вып. 49. М., 1990. С. 249–262 ; Богатова Г.А. Древнерусские библейские традиции в трудах Л.П. Жуковской // Румянцевские чтения. Ч. 2. М., 1996. С. 5–10; Левочкин И.В. Л.П. Жуковская как историк русской рукописной книги // Там же. С. 10–12 ; Крутова М.С. Л.П. Жуковская как основатель лингвотекстологии // Там же. С. 12–15 ; Аксенова Г.В. Труды Л.П. Жуковской в области палеографии // Там же. С. 15–17 ; Камчатнов А.М. Л.П. Жуковская как библист // Там же. С. 17–24 ; Панин Л.Г. Лидия Петровна Жуковская // Филолог. № 1. 2000. С. 11–14.

² Жуковская Л.П. Типы лексических различий в диалектах русского языка // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 102–111.

1953 году. Опубликованная в 1957 году¹ эта работа и сейчас является образцом подобного описания.

Еще в 1955 году Л. П. Жуковская опубликовала две большие работы² о новгородских берестяных грамотах, это были первые филологические исследования о новом виде источников, в 1959 году на эту тему у нее вышла книга³ Широкою известность исследовательнице принесла монография о развитии славяно-русской палеографии⁴, где впервые была представлена история славяно-русской палеографии и всесторонне рассмотрены труды русских палеографов. Свое научное значение книга сохраняет до сих пор.

Глубокий интерес к славянскому переводу Евангелия, особенно представленному древними списками (Остромировым, Мстиславовым, Юрьевским и Архангельским Евангелиями)⁵ побудил исследовательницу к изучению большого и сложного массива древнейших славянских списков Евангелия. Итогом этого изучения явились десятки статей, докторская диссертация «Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник. (Археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование)», защищенная в 1970 году в ЛГУ, а также две монографии: «Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их» (опубликована в сб. «Памятники древнерусской письменности», 1968) и «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (1976)⁶. История науки не знала подобного исследования. Около 600 рукописей из хранилищ СССР, Болгарии и Югославии были привлечены к исследованию, в основном это были церковнославянские списки Евангелия, охватывающие с X по XV века, но также и греческие списки VIII—XII веков. Результатами данно-

¹ Жуковская Л.П. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Труды Института языкознания [АН СССР]. 1957. Т. VIII. С. 5–106.

² Жуковская Л.П. Палеография // Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. М., 1955. С. 13–78; Она же. Тексты грамот и переводы с разночтениями // Там же. С. 189–204.

³ Жуковская Л.П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.

⁴ Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и СССР). М., 1963.

⁵ Жуковская Л.П. Юбилей Остромирова евангелия // Вопросы языкознания. 1957. № 5. С. 154–156; Она же. О переводах Евангелия на славянский язык и о «древнерусской редакции» славянского Евангелия // Славянское языкознание. М., 1959. С. 86–97; Она же. Значение и перспективы изучения Остромирова евангелия (В связи с 900-летием памятника) // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 14–44; Она же. Реймское Евангелие. История его изучения и текст. М., 1978.; Апракос Мстислава Великого. М., 1983. [Подготовка издания рукописи, ответственный редактор издания, автор вступительной статьи и ряда приложений – Л.П. Жуковская].

⁶ Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., 1968. С. 196–332; Она же. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

го исследования были, во-первых, представление о истории формирования славянского текста Евангелия; во-вторых, принципиальные уточнения предметно-терминологического аппарата палеославистики; в-третьих, создание нового направления в филологии – лингвотекстологического.

Обращение к проблеме формирования славянского текста Евангелия для Л.П. Жуковской началось с решения вопроса о типологии евангельских рукописей. Несмотря на достаточно длительную традицию изучения этого текста (работы И. Добровского, А.Х. Востокова, О. Новицкого, И.В. Ягича, И.Е. Евсева, В. Погорелова, А.В. Михайлова и др.) не был установлен перечень чтений, входивший в первый перевод, а относительно этого перевода оставалось не ясным, был ли он кратким апракосом или полным, кроме того, не было четкого представления о дальнейшей судьбе первого перевода (оставался ли он неизменным, подвергался ли редактированию или переводился заново). В своей типологии исследовательница исходила из двух типов славянского Евангелия: тетра (четвероевангелия) и апракоса, соответствующего греческому лекционарию. Отдельно существует Толковое Евангелие. В славянском тетре евангельские чтения представлены последовательно Евангелиями от Матфея, Марка, Луки и Иоанна¹ В апракосе чтения расположены согласно последовательности церковных служб и группируются в два блока: в первый входят чтения на подвижную часть года (начиная чтением от Пасхи и кончая чтением в Великую Субботу), второй представлен чтениями месецслова (постоянно закрепленными праздничными датами с 1 сентября по 31 августа). Свою классификацию списков апракоса Л.П. Жуковская строила с учетом только чтений первого блока. Было выявлено три разновидности апракоса: краткий, воскресный (праздничный) и полный. Все они характеризовались наличием чтений в субботние и недельные (воскресные) дни, а также во все дни Страстной седмицы. Разновидности же апракоса устанавливались по наличию / отсутствию чтений: а) на все дни от Пасхи до Пятидесятницы (есть в кратком и полном апракосах и нет в воскресном); б) на все дни от Пятидесятницы до Нового лета (есть в полном апракосе и нет в кратком и воскресном); в) на все дни от Нового лета до Великого поста (есть в полном апракосе и нет в кратком и воскресном). Краткий апракос представлен Ассеманиевым, Архангельским, Остромировым Евангелиями, Саввиной книгой и др. Всего списков краткого апракоса сохранилось около 50. Воскресный апракос представлен единичными списками и достаточно позднего времени, но происхождение его, как считала исследовательница, могло быть очень древним. Что касается полного апракоса, то именно он представлял для исследовательницы особый интерес и именно ему в основном были посвящены ее наиболее крупные работы. Эта разновидность апракоса представлена, как правило, восточнославянскими списками, что позволило Л.П. Жуковской предполагать, что полный апракос

---

¹ В западной рукописной традиции отмечено и иное следование Евангелий: вначале идут Евангелия апостолов, а затем их спутников (Матфей, Иоанн, Лука и Марк), например, это характерно для кодекса Безы (см. : Мецгер Брюс М. Текстология Нового Завета. Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М., 1996).

сформировался в Древней Руси. Дальнейший учет типологических признаков дал основания для выделения двух типов полного апракоса – Мстиславова, представленного многочисленными рукописями, и Мирославова, включающего в себя всего два списка. Мстиславов тип в свою очередь представлен 20 семьями.

По мнению исследовательницы, свв. Кириллом и Мефодием был переведен краткий апракос (возможно, праздничный апракос)¹. В дальнейшем текст был дополнен переводом до тетра, а текст полного апракоса, сложившийся в Древней Руси, представляет собой чтения краткого апракоса, дополненные чтениями из четвероевангелия. Доказательством этого для Л.П. Жуковской было наличие во всех разновидностях апракоса одинаковых чтений на субботу и воскресения и расхождения в составе чтений на будние дни недели между кратким (также и воскресным) апракосом и полным.

Очень большое значение для библеистики имеет установленный Л.П. Жуковской факт генетической разнородности чтений, входящих в полный апракос. Так, например, одно и то же чтение, помещенное в Мстиславовом Евангелии на разные праздничные дни, может значительно различаться по тексту и языку.

Данное исследование Л.П. Жуковской имело исключительное значение для палеославистики и русистики не только благодаря результатам ее текстологического анализа, но и выводам, оказавшимся в то время для многих историков русского языка неожиданным, о том, что церковнославянский язык, отраженный в списках Евангелия, представлял собой открытую систему и для современных исследователей является важнейшим источником по истории русского языка.

Стремление ученого к четкости и однозначности терминологии как основам научного подхода проявилось, в частности, в разграничении понятий «памятник» (произведение), «список» (рукопись), «редакция» (применительно к памятнику), «извод» (применительно к языку списка). Это было стремление ввести филологов в науку филологию, когда последняя восстанавливает свой исконный смысл – «любовь к *ученым* беседам; любовь к *ученым* занятиям, *учено-литературная* деятельность»². Эпитет *ученый* предполагает научную деятельность, отмеченную строгим предметно-понятийным аппаратом. Для Л.П. Жуковской это было очень важно.

Для исследования славяно-русских списков Евангелия Л.П. Жуковская разработала лингвотекстологический метод, который можно определить как

¹ Слова «начал писать слова Евангелия “Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог” и прочее» из Жития Константина Философа (см.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981) однозначно указывают на то, что свв. Кириллом и Мефодием переводился лекционарий, только он (апракос у славян) начинается чтением 1-й главы Евангелия от Иоанна. Иная точка зрения (см.: Пентковский А.М. Лекционарии и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998) представляется умозрительной.

² Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. II.

систему научно-исследовательских приемов, используемых при изучении списков одного памятника с целью восстановления картины истории языка, получившей свое преломление (отражение) в развитии языка памятника. Главной сферой применения метода является церковнославянская письменность прежде всего в силу того, что она сохранилась в виде списков памятника. Главной задачей использование метода является обнаружение тех закономерностей, которые обуславливали развитие языка памятника.¹ Лингвотекстологическим направлением в филологии Л.П. Жуковская продолжила традицию комплексного исследования древнего славянского рукописного наследия, которая закладывалась и развивалась А.Х. Востоковым, И.И. Срезневским, В.И. Ягичем, А.И. Соболевским, А.А. Шахматовым, В.М. Истриным, Н.А. Мещерским.

Позже лингвотекстологический метод Л.П. Жуковская применила в своем исследовании около 400 списков Пролога. Как подчеркивала сама исследовательница, эта работа лишь начало большого научного труда, итогом которого должны стать типологическая классификация списков, текстологическая характеристика каждого списка, выяснение развития языка сборника². Разумеется, полученные в ходе этого исследования результаты типологического и текстологического уровня следует признать предварительными, но именно в итоге данной работы исследовательница пришла к убеждению об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние». Прежде всего она дала определение этому понятию, которое к тому времени в научной традиции существовало около века, но которое никогда не было научно определено. «Под влиянием, – писала Л.П. Жуковская, – можно понимать только такое состояние, когда при переписывании древнего русского оригинала русский писец начинает применять приемы и законы южнославянской письменности». В результате исследования проложных текстов – Жития Анисьи, Страсти Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, Жития Евгении, – Л.П. Жуковская пришла к принципиально важному выводу о том, что палеографические, графические и орфографические данные вовсе не свидетельствуют, что период взлета второго южнославянского влияния приходится на рубеж XIV–XV веков, ни даже на первую половину XV века, а о XIV веке вообще не может быть и речи. В разных культурно-языковых центрах Московской Руси те процессы, которые традиционно связывают с этим влиянием, могли протекать по-разному, а сами эти процессы мотивированы прежде всего грецизацией и архаизацией русского письма³.

---

¹ См.: Панин Л.Г. Об аспектах лингвотекстологического исследования памятников церковнославянской письменности // Академик Василий Михайлович Истрин. Тезисы докладов областных научных чтений. Одесса, 1990; Он же. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995.

² См.: Жуковская Л.П. Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (Избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. IX Международный съезд славистов. М., 1983.

³ Жуковская Л.П. О втором южнославянском влиянии // Die slawischen Sprachen. Salzburg–Wien, 1982. В. 2. ; Она же. Грецизация и архаизация русского письма 2-й пол. XV–1-й пол. XVI в. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влия-

В 1960 году академик М.Н. Тихомиров выступил инициатором создания Сводного каталога славяно-русских рукописных книг. В подготовке Сводного каталога активное участие приняла Л.П. Жуковская. Она – один из авторов Инструкции по описанию славяно-русских рукописей XI—XIV века. В ходе работы над сводным каталогом она разработала рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей и для выявления водяных знаков и датировки рукописей, экслитеральные способы определения разных почерков, исследовательница обосновала правомерность «широких дат» для пергаменных рукописей¹. Богатейший опыт работы с рукописными источниками нашел отражение в исследованиях о инициалах в древнерусских рукописях и о связи изучения изобразительных средств и текстологии памятника. В 1984 году вышел в свет «Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв.», и ответственным редактором этой книги была Л.П. Жуковская.

Как историк русской рукописной книги, Л. П. Жуковская была глубоко заинтересована в издании памятников письменности, разрабатывала принципы научного факсимильного издания древних рукописей. На практике свои идеи она смогла воплотить при издании Мстиславова, Реймского, Архангельского и Остромирова Евангелий, Изборника Святослава 1073 году.

Л.Г. Панин

**Международная научная конференция
«Этнолингвистика. Ономастика. Этимология»
(Екатеринбург, 8–12 сентября 2009)**

С 8 по 12 сентября 2009 года в Екатеринбурге состоялась международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология». В работе конференции приняли участие специалисты из разных городов России – Барнаула, Волгограда, Вологды, Екатеринбурга, Красноярска, Москвы, Новороссийска, Омска, Перми, Петрозаводска, Самары, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Уфы, Читы, Ярославля, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья – Австрии, Белоруссии, Бельгии, Латвийской Республики, Польши, Сербии, США, Финляндии, Чешской Республики.

Организаторами конференции выступили Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Институт русского языка им.

ние) // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.

¹ Жуковская Л.П. Рекомендации для определения языка (извода) древних славянских рукописей // Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР». М., 1973.

В.В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН при участии Этнолингвистической комиссии при Международном комитете славистов.

С приветственным словом к участникам конференции обратились ректор по научной работе Уральского университета профессор А.О. Иванов и профессор Уральского университета, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН Е.Л. Березович. На открытии конференции с докладом на тему «Мансийская топонимия как историко-этнографический феномен» выступил профессор Уральского университета, член-корреспондент РАН А.К. Матвеев.

Работа конференции была организована по девяти секциям: этнолингвистика и этимология; ономастика; славянская этимология и этнолингвистика; ономастическая и диалектная лексикография; историко-культурные аспекты ономастики; этимология и контактология; лексика и фразеология в зеркале этнолингвистики; этносоциolingвистика, география культуры; имя в тексте и социуме. В докладах рассматривался широкий спектр актуальных проблем этнолингвистики, ономастики, этимологии как общего, так и частного порядка. Особое внимание уделялось вопросам взаимодействия указанных областей языкознания – лингвокультурологическим аспектам ономастики, диалектологии и контактологии, этимологизации и семантической реконструкции нарицательных и собственных имен с опорой на этнолингвистическую информацию и др. Материалом для докладов послужили факты различных языков – в первую очередь русского и других славянских, а также романо-германских, финно-угорских, тюркских и др. Живой интерес у участников конференции вызвали доклады С.М. Толстой (Москва) – о стереотипе и картине мира, С.Е. Никитиной (Москва) – об этноконфессиональной лингвистике, А. Лома (Белград, Сербия) – о топонимии древней Скифии (в поисках страны будинов), М.В. Голомидовой (Екатеринбург) – о проблемах изобретения собственных имен в практике современного книжного нейминга, О.Т. Молчановой (Щецин, Польша) – о географических именах Алтая на картах XVI–XIX веков, М.Э. Рут (Екатеринбург) – о некоторых общих проблемах ономастической лексикографии, Т.Б. Юмсуновой (Моррис) (Портланд, США) – о речевом портрете староверов Орегона младшего поколения, А.Г. Кречмер (Вена, Австрия) – о славянском этно- и глоттогенезе в представлении православных славян на пороге Нового времени, С.А. Мызникова (Санкт-Петербург) – о новой жизни старых источников и м др.

Конференция проходила на базе санатория «Зеленый мыс» (в 90 км. от Екатеринбурга) и была блестящей по составу участников, содержанию докладов и организации. В рамках конференции состоялись экскурсии по г. Екатеринбургу, а также в г. Невьянск, с. Таволги и Быньги, известные своими архитектурными памятниками XVIII века и древним гончарным производством.

Л.И. Шеленева

**Международная конференция
«Язык, культура, аспекты речевого общения»,
посвященная 85-летию доктора филологических наук
профессора М.Я. Блоха
(Москва, 19–20 ноября 2009)**

С 19 по 20 ноября 2009 года в Московском педагогическом государственном университете прошла международная конференция «Язык, культура, аспекты речевого общения», посвященная 85-летию доктора филологических наук, Почетного профессора МПГУ Марка Яковлевича Блоха. В работе конференции приняли участие ученые-специалисты в области языка и культуры из разных городов Российской Федерации – Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Брянска, Владимира, Волгограда, Иванова, Казани, Кемерово, Краснодара, Курска, Орла, Перми, Пятигорска, Ростова-на-Дону, Рязани, Саратова, Саранска, Смоленска, Тула, Ярославля и др., а также из стран ближнего и дальнего зарубежья – Белоруссии, Украины, Израиля.

С приветственным словом к юбилюру, чья многолетняя творческая деятельность способствует развитию современной лингвистики, культуры и образования, обратились представители многих российских вузов, в том числе и ведущих, таких, как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный лингвистический университет, Московский педагогический государственный университет и др.

На пленарном заседании конференции были заслушаны доклады, вызвавшие большой интерес: доктора филологических наук, профессора Московского педагогического государственного университета М.Я. Блоха о принципах коммуникативно-парадигматической лингвистики, доктора филологических наук, профессора Московского государственного университета С.Г. Тер-Минасовой о культуре и образовании современной России, доктора филологических наук, профессора Московского государственного педагогического университета Е.Г. Беляевской о моделировании смысловой структуры текста, доктора филологических наук профессора Московского государственного университета Л.В. Минаевой о языке как инструменте формирования общественного мнения и др.

Работа конференции была продолжена в секциях, на заседаниях которых было заслушано 118 докладов российских и зарубежных ученых по широкому спектру лингвокультурологических проблем. Выступления с докладами с последующим активным и заинтересованным обсуждением проходили в 7 секциях: «Актуальные проблемы системной и коммуникативной грамматики», «Лексикология, фразеология и стилистика», «Стилистические аспекты языка», «Фонетический аспект речевой коммуникации», «История языка и типология», «Лингвострановедение и межкультурная коммуникация», «Современное образование и его место в культуре».

Наибольший интерес участников конференции вызвали заседания секции «Актуальные проблемы системной и коммуникативной грамматики» под

руководством юбиляра, профессора Марка Яковлевича Блоха. Были заслушаны доклады профессора Ростовского-на-Дону института иностранных языков Н.Б. Боевой-Омелечко о роли антонимов в создании композиционно-смысловой структуры диктема, профессора Алтайской государственной педагогической академии Л.А. Козловой, выступление которой было посвящено социокультурным факторам, определяющим выбор залоговых конструкций в английском языке, профессора Алтайской государственной педагогической академии С.А. Добричева, посвятившего свое выступление проблеме конверсных связей в диктедном пространстве текста, профессора Волжского университета В.А. Тырыгиной, затронувшей проблему временной отнесенности предикатов в прототипических диктемах медиажанров и др.

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги конференции и заслушаны сообщения председателей секций, отметивших творческую, заинтересованную и плодотворную работу всех участников конференции.

С.А. Добричев

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

М.Ю. Сидорова. К вопросу о «научной традиции» и «традиционной науке»: термины и оценки. В результате анализа употреблений слов *традиция* и *традиционный* в научных текстах XX – начала XXI веков выявляются различия в понимании традиционности (содержания и процесса формирования научной традиции). Эти различия касаются представления традиции как статического / динамического, синхронного / диахронного, континуального / скачкообразного и др.

M.Yu. Sidorova. On «Scientific Tradition» and «Traditional Science»: Terms and Valuation. The article deals with the analysis of the word usage «tradition» and «traditional» in scientific texts of XX–XXIth centuries. Differences in the understanding of traditions (content and the process of scientific tradition formation) are distinguished. These differences touch upon the tradition as static / dynamic, synchronous / diachronous, continual / galloping, etc.

Е.Б. Трофимова. Проблемное поле в лингвистических исследованиях. В статье рассматривается проблема зависимости решения конкретных лингвистических задач от общетеоретических представлений исследователя.

E.B. Trofimova. Problem Field in Linguistic Research.

The article deals with the dependence of linguistic problems solving on general-theoretic views of a researcher.

Л.О. Бутакова. Коммуникативная специфика рекламного дискурса компании как проявление регулятивной природы коммуникации (на примере компании «Columbia» в России). Предлагается анализ составляющих рекламного дискурса одной компании в аспекте выявления реализации доминантных смысловых стратегий коммуникации. Рекламные тексты рассматриваются как составляющие единого коммуникативного пространства поликодового типа, в котором все составляющие реализуют «рассеянное» представление доминантных смыслов и тем самым регулируют отношения между коммуникантами.

L.O. Butakova. Communicative Specificity of Advertising Discourse of Company as Regulating Display of Communication (on Company «Columbia» Example in Russia). The article is devoted to advertising discourse as a special multimodal type of media-text. The author presents a view of one's company advertising discourse as complex verbal-nonverbal system in which the semantic dominant is presented in the dispersive way. This specificity of an advertising discourse acts as a regulator of communicative relations between participants of communication.

О.А. Кузина. Семантический гештальт как способ выявления этнокультурной специфики языкового сознания (на примере семантического

гештальта микрополя «бюро путешествий»). Одним из основных и наиболее точных способов анализа ассоциативного поля туризма является семантический гештальт. Гештальт выбран из тех соображений, что именно он показал, как наивное сознание носителя языка отражает окружающую реальность национально-культурного мира, запечатленную в семантических единицах разных языков.

O.A. Kuzina. Semantic Gestalt as a Way to Identify the Ephno-Cultural Specificity of Linguistic Recognition (Semantic Gestalt of Microfield «Travel Agency»). One of the main and most accurate ways of analysis of the associative field of tourism is a semantic gestalt. Gestalt is selected from the consideration that it showed how naïve recognition of native speakers reflects the surrounding reality of the national-cultural world, imprinted in the semantic units of different languages.

В.А. Ларин. Стилистические приемы воздействия на аудиторию на страницах городских сайтов Западной Сибири. Городские сайты Западной Сибири активно используют приемы влияния на аудиторию, что выражается в субъективном отборе сообщений на основе пристрастий, использовании узкого экспертного мнения, скрытых рекламных новостей, представляющих интересы партнеров редакции и даже самих журналистов, а также особом языке подачи информации (использование маски компетентности, негативная оценка, подмена понятий). Кроме того, сильным инструментом влияния являются комментарии к статьям, в формировании которых принимает участие сама аудитория.

V.A. Larin. Stylistic Devices used to Influence the Web-Audience at West-Siberian City-Sites. West-Siberian city-sites actively use different methods to influence and manipulate the audience, that are presented in subjective selection of information, based on predilections, use of narrow expert views, ulterior advertising news that represent editorial's and even journalists' interests, as well as a special language used in presenting information (use of competence mask, negative opinions, concept substitution, etc.). Furthermore, a strong instrument of influencing the audience are the comments to articles, that are to a great extent made by audience itself.

Е.Е. Анисимова. Жуковский и Бунин : эволюция образа зеркала в русской литературе XIX–начала XX веков. В статье рассматриваются следы влияния балладной поэзии В.А. Жуковского на мотивную структуру повестей И.А. Бунина «Деревня» и «Суходол». Делается вывод об особом характере переживания Буниным литературного влияния со стороны «первого русского романтика».

E.E. Anisimova. Zhukovsky and Bunin : Evolution of Image of Mirror in XIX–XXth centuries Russian Literature. The article deals with the traces of V.A. Zhukovsky's ballad poetry influence on the motif structure of I.A. Bunin's long short stories «Village» and «Sukhodol». The conclusion made concerns a special character of Bunin's feelings about literary influence from the side of «the first Russian romanticist».

А.А. Мансков. Дефекты зрения в художественном мире С.Д. Кржижановского. В статье рассматривается актуальность дефектов зрения в художественном мире С.Д. Кржижановского. Предметом исследования являются особенности функционирования мотива внешнего и внутреннего зрения персонажей (оппозиция «слепота – духовное виденье»). Большая роль отводится мифологическим аллюзиям, связанным с семантикой зрения. Основанием для этого служит сходство мотивной структуры трагедий Софокла «Царь Эдип», «Эдип в Колоне» и новеллы С.Д. Кржижановского «Граий».

A.A. Manskov. Eyesight Problems in Artistic World of S.D. Krzhizhanovsky. The article is devoted to the problem of eyesight defects depicted in the S.D. Krzhizhanovsky's artistic world. The subject of the research is the distinctive features of the motives of characters outer and inner eyesight (opposition «blindness – spiritual vision»). A big role is devoted to mythological allusions, connected with eyesight semantics. This is due to the similarity of the motive structure in Sophocle's tragedies «Oedipus the King» and «Oedipus at Colonus» and that of the Krzhizhanovsky's short story «Grayi».

Л.В. Егорова. «Ареопаг». Метрические эксперименты. Те, чьи имена упоминаются как имеющие отношение к «Ареопагу», способствовали расцвету поэзии, знаменующему «Золотой век» елизаветинской литературы. Эффективное соединение музыки и поэзии, благоприятствование созданию духовной литературы и метрический эксперимент стали для них средствами достижения «великих целей закона, Господа, морального блага». В центре внимания статьи – осуществляемый метрический эксперимент с английским стихом, направленный на его привитие к классической почве («Dranting»).

L.V. Yegorova. «Areopagus». Metrical Experiments. The men whose names have been associated with the literary group «Areopagus» were significantly influential in stimulating the remarkable blossoming of the English poetry that marks the Golden Age of Elizabethan literature. The effective unification of poetry with music, the encouragement of divine literature, the «Dranting» of the vernacular verse were their means to «great points of law, God, and moral good». This paper focuses on the «Dranting» or classizing of English meters.

М.С. Черепеникова. К 260-летию юбилею со дня рождения И.-В. Гете (1749-1832). Роль Гете во всемирной литературе. В статье основное внимание уделяется роли художественного наследия великого немецкого классика Йоганна Вольфганга Гете в парадигме всемирной литературы, очерчивается обширная сфера влияния гетевских идей, нашедших новое творческое воплощение в творчестве знаменитых авторов различных стран и эпох.

M.S. Cherepennikova. On 260th Anniversary of I.W. Goethe (1749–1832). Goethe's Role in World Literature. The article is devoted to the role of works by great German classic I.W. Goethe withing the paradigm of world literature. The grand sphere of Goethe's ideas embodied into well-known authors' work of different countries and epochs are studied in the article.

Т.А. Талапова. Опыт экспериментального исследования содержания концепта «ВЕРА» в русском языковом сознании. В статье выявлены и описаны ассоциативные связи и ассоциативное значение слова-имени концепта «ВЕРА» в русской языковой картине мира. Описание проведено на основе свободного ассоциативного эксперимента. Сравнительный анализ с данными Русского ассоциативного словаря свидетельствует о динамичности концепта, его изменении в сознании носителей русского языка с течением времени.

T.A. Talapova. Experimental Research of Concept «BELIEF» in the Russian Language World Picture. The article reveals and describes the association links and association meaning of the concept name word «Belief» in the Russian language world picture. The description is done on the basis of associative experiment. The comparative analysis with the data from the Russian Association Dictionary speaks about the dynamics of the concept, its changes in the consciousness of the Russian language native speakers within the time period.

Д.М. Киреева. Реализация концепта «ЛИЦО» через метафору и метонимию. Целью настоящей статьи является рассмотрение возможностей метафоризации концепта «ЛИЦО», а также его реализации через метонимию с привлечением данных английского и русского языков. Работа выполнена в рамках когнитивной лингвистики. В статье рассмотрены особенности когнитивного подхода к метафоре и метонимии. Анализ концепта «ЛИЦО» посредством его метафорического и метонимического переосмысления основан на теории концептуальной интеграции.

D.M. Kireeva. Metaphorical and Metonymic Realization of the Concept «FACE». The overall goal of this paper is to analyze the concept «FACE» in its metaphorical and metonymic realization in the Russian and English languages. The general frame of the reference used is that of cognitive linguistics. Cognitive approaches to metaphor and metonymy are presented in the paper. The analysis of the concept «FACE» in metaphor and metonymy is based on Blending Theory.

Э.В. Малыгина. Кризисная коммуникация в художественном тексте: лингвоэвокационное исследование (на материале рассказов В.М. Шукшина). В статье разработан подход к определению кризисной коммуникации через «сшибки», к которым прибегает автор для того, чтобы изобразить специфику межперсонажного взаимодействия в текстовой действительности. «Сшибки» как формы кризисной коммуникации воспроизводятся с помощью следующих приемов: прерывание речи собеседника, смещение ответной реакции в ракурс внутренней рефлексии, – что лишает речь способности к ответному высказыванию.

E.V. Malygina. Crisis Intercharacter Communication in Fiction: Basics of Linguoevocational Research (in V.M. Shukshin's stories). Crisis communication is defined through «sshibki» in the article. The author uses them to show the specification of intercharacter communication in textual reality. «Sshibki» as the forms of crisis communication are reproduced with the helps of the following me-

thods: interrupting of the speaker's utterance, moving of the respond into the inner reflexion, generalization of concrete situation.

И.А. Бабаскина. Английский перфект как основание категориально-го описания гипертекста. В центре внимания автора статьи находится исследование функционирования грамматической категории перфекта в многомерном электронном гипертексте. Английская перфектная форма является выразителем трех гипертекстовых категорий: завершенности, «холистичности» и общительности.

I.A. Babaskina. The English Perfect as the Basis of Hypertext Categorized Description. This article is devoted to the research of functioning of the Perfect Tense in multidimensional electronic hypertext. The semantics of Hypertext Perfect reflects the grammatical categories of time, aspect and taxis, thereby expresses the three hypertext categories: completeness, wholeness and connection.

Р.П. Абдина. Термины, обозначающие традиционное платье и его элементы в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком. В данной статье предлагается лексико-семантический и фонетический анализ терминов, обозначающих традиционное платье и его элементы в диалектах хакасского языка в сравнении с алтайским языком.

R.P. Abdina. Terms Denoting Traditional Clothing and its Elements in the Dialects of the Khakass Language in Comparison with the Altay Language. The article is devoted to the lexical-semantic and phonetic analyses of terms denoting traditional clothing and its elements in the dialects of the Khakass language in comparison with the Altay language.

Г.Р. Сабирзянова. Татарский рассказ начала XX века. Предметом исследования является татарский рассказ начала XX века. В статье автор обращается к изучению возникновения и формирования этого жанра. Как известно, в начале XX века татарское общество претерпевает социально-исторические изменения. Это время острого кризиса старых традиций, время поисков новых дорог, новых героев. А, как правило, новое содержание неизменно находит новую форму. Это привело к появлению жанра рассказа. Он становится важной формой оперативного освещения жизни по горячим следам событий.

G.R. Sabirzyanova. Tatar Tale of the 20th Century. The article focuses on Tatar tale of the XX century. In the article the author deals with the studying of the appearance and forming of this genre. It is known that, in the beginning of the 20th century Tatar society tolerated social and historical events. It was the period of keen crisis, old traditions, time of new way searching, new heroes. As a rule, new maintenance found a new invariable form. Genre of the tale became the same. As a mobile genre it got an important form for operative elucidation of life through fresh traces of events.

Е.А. Худенко. Формирование концепции «творческого поведения» в прозе М.М. Пришвина. Статья посвящена изучению истоков формирования жизнетворческой концепции М.М. Пришвина «искусство как образ творческого

поведения». Исследуются отличия концепции от символистских поисков начала XX века и ее философско-эстетические основы.

E.A. Hudenko. The Formation of the Conception «Creative Behavior» in the Prose of M.M. Prishvin. The article is devoted to the studying of the sources of formation of the life-creating conception of M.M. Prishvin («Art as image of creative behavior»). The differences of this conception from symbolic searches of beginning of the XX century and its philosophical-aesthetic bases are investigated.

М.В. Хорькова. Свообразие сказок Бориса Шергина. Статья посвящена исследованию жанровой природы и особенностей поэтики сказок Б.В. Шергина. Уникальность этих сказок обусловлена тем, что они одновременно принадлежат двум художественным системам – литературе и фольклору, поэтому их можно назвать фольклорно-литературными сказками. Тем не менее сказки Шергина тесно соотнесены не только с фольклорной традицией, но и с современностью, поэтому сюжеты народных сказок раскрываются на материале современных автору реалий. Большинство сказок, даже исконно волшебные, подаются у Шергина как социально-бытовые. Еще одной важной особенностью шергинских сказок является их четкая пространственная локализация, которая дает писателю возможность запечатлеть языковые, культурологические, географические особенности родного Поморья.

M.V. Khorkova. On the Specifics of Tales by B. Shergin. The article deals with the examination of the nature of genre and distinguishing features of poetry of tales by Shergin B.V. Uniqueness of those tales is determined by the fact that they belong to two literary systems at the same time – literature and folklore, so they can be called folk-literary tales. Nevertheless, Shergin's tales are tightly connected not only with folklore traditions, but with modernity as well, so the plots of folk tales are unveiled in the material that is modern to the author. In most cases tales, even innately magic, are presented by Shergin as something from everyday social life. One more important distinguishing feature of Shergin's tales is their certain spatial assignment, which enables the writer to take a snapshot of linguistic, cultural and geographical peculiarities of his native Pomorye.

Н.Н. Поддубная. Приемы создания комического эффекта в коротком юмористическом рассказе (на примере немецкого шванка). Комический эффект в коротком юмористическом рассказе создается с помощью таких приемов, как деформация образов, явлений и характеров, нарушение предсказуемости, несоответствие. В рамках данных приемов наряду со средствами содержательного уровня используются собственно языковые средства.

N.N. Poddubnaya. Devices of Comic Effects Creation in a Short Humorous Story (German Shwank). Comic effect in a short humorous story is created with the help of such devices as deformation of images, events, characters, interruption of predictability, discrepancy. Among these devices there are both means of content level and the very language means.

М.В. Шипилова. Профессиональная мораль, нравственность и этика главного редактора (Н.А. Бердяев во главе философско-религиозного

журнал «Путь»). В статье дается описание моральных, нравственных и этических эталонов поведения журналиста. Примером главного редактора, обладающего высокой духовностью, безупречными нравственными и этическими качествами выступает Н.А. Бердяев – философ, редактор журнала «Путь», затрагивающий на страницах своего издания проблемы свободы, нравственности, творчества, морали, духа.

M.V. Shipilova. Professional Moral and Ethics of Main Editor (N.A. Berdyaev as Header of Philosophical – Religious Magazine «Put»). The article gives the description of moral and ethic reference of journalist's behavior in opposite to real life. As example the main editor N.A. Berdyaev, philosopher, main editor of magazine «Put», with high spirituality and irreproachable moral exemplified, which raisy on pages of his magazine epy problems of freedom, morality, ethisы, spirit.

НАШИ АВТОРЫ

**АБДИНА,
Раиса Петровна**

– аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: abdina@khsu.ru

**АНИСИМОВА,
Евгения Евгеньевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Сибирского федерального университета
(Красноярск).
E-mail: eval393@mail.ru

**БАБАСКИНА,
Ирина Анатольевна**

– аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: erina_asu@mail.ru

**БУТАКОВА,
Лариса Олеговна**

– доктор филологических наук, профессор
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: larisabut@rambler.ru

**ГЛУШАКОВ,
Павел Сергеевич**

– доктор филологических наук (Рига).
E-mail: glushakov@mail.ru

**ДОБРИЧЕВ,
Сергей Александрович**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: dsa@uni-altai.ru

- ЕГОРОВА,**
Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, докторант
Московского педагогического государственного
университета.
E-mail: lveg@yandex.ru
- КИРЕЕВА,**
Дарья Михайловна – аспирант Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: DaryaMKireeva@rambler.ru
- КУЗИНА,**
Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент
Омского государственного университета
путей и сообщения.
E-mail: oksana_kuzina@mail.ru
- ЛАРИН,**
Владимир
Александрович – аспирант Новосибирского государственного
университета.
E-mail: centro-latino@mail.ru
- МАЛЫГИНА,**
Элеонора Владимировна – магистрант Алтайского государственного
университета (Барнаул).
E-mail: evm86@mail.ru
- МАНСКОВ,**
Алексей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент
Алтайской государственной педагогической
академии (Барнаул).
E-mail: a-manskov@yandex.ru
- ПАНИН,**
Леонид Григорьевич – доктор филологических наук, профессор
Новосибирского государственного университета.
E-mail: sovet01@filo.asu.ru
- ПОДДУБНАЯ,**
Наталья Николаевна – аспирант Алтайской государственной
педагогической академии (Барнаул).
E-mail: stern_84@mail.ru

- РЫБАЛЬЧЕНКО,
Татьяна Леонидовна** – кандидат филологических наук, доцент
Томского государственного университета.
E-mail: talery.48@mail.ru
- САБИРЗЯНОВА,
Гулия Рафисовна** – аспирант Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан (Казань).
E-mail: sabirzyanjvag@mail.ru
- СИДОРОВА,
Марина Юрьевна** – доктор филологических наук, профессор
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru
- ТАЛАПОВА,
Татьяна Андреевна** – аспирант Хакасского государственного
университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: taty natalapova@rambler.ru
- ТРОФИМОВА,
Елена Борисовна** – доктор филологических наук, профессор
Бийского педагогического государственного
университета им. В.М. Шукшина.
E-mail: umt2005@rambler.ru
- ХОРЬКОВА,
Мария Владимировна** – аспирант Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: mkhorkov@list.ru
- ХУДЕНКО,
Елена Анатольевна** – кандидат филологических наук, докторант
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: helenahudenko@mail.ru
- ЧЕРЕПЕННИКОВА,
Маргарита Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент
Литературного института им. А.М. Горького
(Москва).
E-mail: chrita@rambler.ru

**ШЕЛЕПОВА,
Людмила Ивановна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: lshelepova@yandex.ru

**ШИПИЛОВА,
Мария Владимировна**

– аспирант Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: shipilova-86@yandex.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)».

Сдано в набор 26.02.2010. Подписано в печать 28.04 .2010. Формат 60×84/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Графикс»:
г. Барнаул, ул. Крупской, 108

© Издательство Алтайского университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом Р 7.0.5–2008 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.